

ALMANACCO LETTERARIO

16

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество) – один из крупнейших универсальных финансовых институтов России, предоставляющий широкий спектр продуктов и услуг корпоративным и частным клиентам, финансовым институтам, институциональным и частным инвесторам.

Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики и занимает сильные позиции на отечественном и международном финансовых рынках, являясь одним из российских лидеров по организации и андеррайтингу выпусков корпоративных облигаций, управлению активами, в сфере частного банковского обслуживания, корпоративного финансирования и других областях инвестиционного банкинга.

Банк является одним из технологических лидеров на российском финансовом рынке. За последние несколько лет был успешно реализован проект цифровой трансформации: перестроена IT-инфраструктура, внедрены новые сервисы для улучшения клиентского опыта, перезапущены дистанционные каналы обслуживания.

Gazprombank (Società per azioni) è una delle più grandi istituzioni finanziarie universali in Russia, che fornisce un'ampia gamma di prodotti e servizi a clienti aziendali e privati, istituzioni finanziarie, investitori istituzionali e privati.

La Banca serve i settori chiave dell'economia russa e detiene forti posizioni nei mercati finanziari nazionale e internazionale, essendo uno dei leader russi nell'organizzazione e sottoscrizione di emissioni di obbligazioni societarie, asset management, nel settore del private banking, corporate finance e altre aree dell'investment banking.

La Banca è uno dei leader tecnologici nel mercato finanziario russo. Negli ultimi anni è stato realizzato con successo il progetto di trasformazione digitale: riorganizzata infrastruttura IT, implementati i nuovi servizi atti a migliorare l'esperienza del cliente, rilanciati i canali di servizio da remoto.

Conoscere Eurasia Edizioni

XVI

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'Associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб-квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А. С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменах, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Литературный институт имени А. М. Горького

Литературный институт имени А. М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А. М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами. В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В. В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario

Maria Pia Pagani

Curatore della parte russa

A. V. Jampol'skaja

Progettazione e cura grafica

Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori

Per le traduzioni © Traduttori

Per l'Edizione © 2025 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

Главный редактор

Мария Пиа Пагани

Редактор русской части

А. В. Ямпольская

Разработка проекта и графическое оформление

Унидея

© Рассказы. Авторы произведений

© Переводы. Переводчики произведений

© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2025

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

16

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Giunto alla sedicesima edizione, il Premio Raduga prosegue il suo cammino confermandosi uno dei più autorevoli e ambiti premi letterari di carattere internazionale, che alla qualità della scrittura letteraria unisce una profonda attenzione ai valori della società civile. L'attenzione all'essere umano, indagato attraverso gli scritti di giovani autori selezionati con cura dalle due giurie italiana e russa, si sviluppa attraverso la narrazione di vicende di varia natura – dalle incertezze degli studenti al rapporto tra genitori e figli, dalle incognite della quotidianità alle problematiche di salute – che mettono sempre in primo piano meccanismi di conoscenza interiore e di crescita. Non c'è racconto in questo almanacco in cui i protagonisti non vivano una particolare dinamica di evoluzione spirituale; si vede sempre, dall'inizio alla fine di ogni vicenda, quanto le circostanze portino a un'inevitabile quanto vitale trasformazione. A volte, si tratta di una vera e propria lotta per la sopravvivenza in un contesto non facile o persino ostile. La scrittura – a ben vedere – è un'operazione che può creare benessere psicologico sia per chi la pratica, sia per chi la riceve. Ovvero è qualcosa in grado di generare un circuito di positività espressiva ed emotiva che abbraccia sia agli autori che i lettori, passando per la mediazione dei traduttori. E ciò avviene anche se si racconta una vicenda triste, con protagonisti anonimi e ambientazioni periferiche, poiché spesso anche la marginalità è liberatoria. Anche in questa edizione i partecipanti non hanno avuto paura di affrontare situazioni di incertezza, solitudine, abbandono, rifiuto, persino la depressione. Ma già lo scrivere di queste cose racchiude in sé il germe potente della speranza, poiché ha un valore catartico che aiuta la società e l'essere umano a migliorarsi, nonostante tutto.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Премия «Радуга», которая в этом году проводится в шестнадцатый раз, остается одним из самых авторитетных и престижных международных литературных конкурсов, где значимо не только качество текстов, но и глубокое внимание авторов к ценностям гражданского общества. Внимание к человеку, о котором свидетельствуют произведения молодых прозаиков, тщательно отобранные итальянским и российским жюри, ощущается в рассказах на самые разные темы – о жизни студентов с их тревогами и сомнениями, об отношениях между родителями и детьми, о трудностях повседневного существования до проблем со здоровьем, однако в центре внимания всегда оказываются механизмы самопознания и внутреннего роста. В этом альманахе нет ни одного рассказа, герои которого не переживали бы духовное развитие: оно присутствует постоянно, с начала и до конца каждой истории, когда обстоятельства подталкивают к неизбежным и жизненно необходимым трансформациям. Порой речь идет о настоящей борьбе за выживание в сложном и даже враждебном окружении. При этом важно отметить, что литературное творчество способно психологически поддержать и того, кто пишет, и того, кто читает текст. Иными словами, писательство связывает в единую цепь авторов, читателей и в случае иноязычного текста переводчиков, позволяя поделиться своими чувствами и переживаниями. Это происходит даже если нам рассказывают печальную историю с безымянными персонажами, разворачивающуюся где-то на периферии – нередко маргинальное положение приносит освобождение. В этом сезоне участники конкурса вновь не побоялись рассказать о неуверенности, одиночестве, беспомощности, отверженности и даже о депрессии. Но то, что об этом можно написать, уже заключает в себе могучий росток надежды, ибо с этим связан катарсис, позволяющий человеческому обществу становиться все лучше, несмотря ни на что.

Алексей Николаевич Варламов

Ректор Литературного института имени А. М. Горького

Радуга — это не только удивительное по красоте атмосферное явление, но и символ культуры, причем в зависимости от страны это может быть дорога, мост, пояс, лук. Радуга указывает на местонахождение кладов, пьет воду из рек и озер и, наконец, служит заветом между Богом и людьми, и все это может быть темой для настоящей литературы. Наша «Радуга» встает над миром уже в шестнадцатый раз, и мы рады сообщить, что число участников литературного конкурса значительно увеличилось по сравнению с прошлым годом. География участников весьма обширна, она включает в себя не только Россию, но также страны ближнего и дальнего зарубежья: Таиланд, Венгрию, Грузию, Италию. Что касается нашей страны, то мы получили рассказы молодых авторов от Калининграда на западе до Петропавловска-Камчатского на востоке. Большинство участников конкурса проживает в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, но вместе с тем широко представлены регионы — Дальний Восток, Сибирь, Урал, центральные, южные и северные

области европейской части России. Точно так же разнообразна и тематика этих рассказов. Истории взросления, семейные конфликты, смешные и печальные происшествия, учеба, работа, любовь, понимание и непонимание в семье, отношения между поколениями, друзьями, мужчинами и женщинами — всех тем не перечислить, но главное — наши авторы пишут каждый о том, что их действительно волнует, что у них болит, и эти чувства передаются и нам, читателям. Не у всех получается одинаково хорошо, да такого и не может быть, но мы постарались отобрать в этот сборник лучшие, по мнению жюри, тексты, и в каком-то смысле это не только настоящее, но и будущее русской литературы. Ну и, конечно, важнейшим разделом альманаха остаются переводы итальянских молодых писателей на русский язык, что не только позволяет оценить мастерство наших переводчиков художественной литературы, но и узнать, чем живет сегодня итальянская литература, а значит, и само итальянское общество. Литературный институт имени А. М. Горького очень ценит многолетнее, плодотворное сотрудничество с ассоциацией «Познаём Евразию», и я очень надеюсь и верю в то, что наша радуга будет снова и снова вставать над миром, знаменуя окончание всемирной непогоды.

Aleksej Nikolaevič Varlamov
 Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'arcobaleno non è soltanto un fenomeno atmosferico di straordinaria bellezza, ma anche un simbolo di cultura e, a seconda delle situazioni, può essere una strada, un ponte, una cintura, un arco. L'arcobaleno indica la posizione di tesori, beve l'acqua da fiumi e laghi e, infine, rappresenta un patto tra Dio e gli uomini, e tutto questo può essere tema di autentica letteratura. Il nostro "Raduga" si innalza sul mondo per la sedicesima volta, e siamo lieti di annunciare che il numero di partecipanti al concorso letterario è aumentato significativamente rispetto allo scorso anno. La geografia dei partecipanti è piuttosto ampia e comprende non solo la Russia, ma anche paesi vicini e lontani: Thailandia, Ungheria, Georgia, Italia. Per quanto riguarda il nostro Paese, abbiamo ricevuto racconti da giovani autori da Kaliningrad (a ovest), a Petropavlovsk-Kamčatskij (a est). La maggior parte dei partecipanti al concorso vive a Mosca, nella regione di Mosca e a San Pietroburgo, ma allo stesso tempo sono ampiamente rappresentate altre zone: l'Estremo Oriente, la Siberia, gli Urali, le regioni centrali, meridionali e settentrionali della parte europea della Russia. Le tematiche di questi racconti sono altrettanto diverse. Storie di crescita, conflitti familiari, fatti divertenti e tristi, studio, lavoro, amore, comprensione e incomprensione in famiglia, rapporti tra generazioni, amicizie, uomini e donne: non è possibile elencare tutti gli argomenti, ma la cosa principale è che i nostri autori scrivono di ciò che li preoccupa davvero, di ciò che li ferisce, e questi sentimenti vengono trasmessi a noi - i lettori. Non tutti ci riescono allo stesso modo, è impossibile, ma per questo almanacco abbiamo cercato di selezionare i testi migliori secondo il parere della giuria, e in un certo senso questo non è soltanto il presente, ma anche il futuro della letteratura russa. E, naturalmente, la sezione più importante dell'almanacco rimane quella dedicata alle traduzioni dei giovani scrittori italiani in russo, che ci permette non soltanto di apprezzare la bravura dei nostri traduttori di narrativa, ma anche di comprendere il presente della letteratura italiana e, di conseguenza, della società italiana stessa. L'Istituto Letterario A. M. Gor'kij apprezza molto la proficua e pluriennale collaborazione con l'Associazione Conoscere Eurasia; spero e credo fermamente che il nostro arcobaleno si alzerà ancora e ancora sul mondo, segnando la fine del maltempo globale.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla sedicesima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Российско–итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в шестнадцатый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana Итальянское жюри

Carlo Feltrinelli è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли, с 1988 г. генеральный директор издательства, основанного в 1955 г. его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 г. президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 г. президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и обществознания. С 2015 г. президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Matteo Cavezzali, scrittore e drammaturgo. È autore di romanzi con cui ha vinto il Premio Comisso e del Premio Volponi. Tra i suoi libri *Icarus. Ascesa e caduta di Raul Gardini* (2018), *Nero d'inferno* (2019) e *Il labirinto delle nebbie* (2022). È ideatore e direttore di ScrittuRa Festival Ravenna e autore di podcast per la Rai.

Маттео Кавеццали, писатель и драматург. Автор романов, отмеченных Премией Комиссо и Премией Вольпони. Среди его книг «Икар. Взлет и падение Рауля Гардини» (2018), «Чернее ада» (2019), «Туманный лабиринт» (2022). Создатель и директор литературного фестиваля «ScrittuRa Festival Ravenna», автор подкастов для RAI.

Stefano Garzonio, già professore ordinario di slavistica (lingua e letteratura russa) presso l'Università di Pisa, è stato presidente dell'*Associazione Italiana degli Slavisti* nel periodo 1999-2009. Ha condotto ricerche nell'ambito della storia e della teoria del verso russo, della storia della letteratura russa del XVIII secolo, dei rapporti culturali italo-russi, della storia della poesia russa del secolo d'argento e della emigrazione russa in Italia. Ha curato la pubblicazione di due antologie, *Poesia Russa* (2004) e *Lirici Russi dell'Ottocento* (2011), ed è autore di due raccolte di versi in lingua russa (2017, 2020). Ha curato e tradotto opere di Lermontov, Turgenev, Dostoevskij, G. Ivanov, Majakovskij e dei poeti russi del XIX secolo. Nel 2007 è stato insignito con decreto del Presidente della Federazione russa della medaglia

“A. Puškin” per lo sviluppo delle relazioni culturali tra Italia e Russia. Nel 2010 ha ricevuto il premio letterario “Globus” (Mosca).

Стефано Гардзонио, многие годы – ординарный профессор по кафедре славистики (русский язык и литература) в Пизанском университете, в 1999–2009 гг. – президент Итальянской ассоциации славистов. Его научные интересы охватывают историю и теорию русского стиха, историю русской литературы XVIII в., российско-итальянские культурные связи, историю русской поэзии Серебряного века и творчество русских поэтов-эмигрантов в Италии. Составитель антологий «Русская поэзия» («Poesia Russa», 2004) и «Русские поэты-лирики XIX века» («Lirici Russi dell'Ottocento», 2011), автор двух сборников стихов на русском языке (2017, 2020). Перевел на итальянский и подготовил к изданию произведения Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Г. Иванова, Маяковского и русских поэтов XIX в. В 2007 г. указом Президента Российской Федерации награжден медалью Пушкина за заслуги в развитии российско-итальянского культурного сотрудничества. В 2010 г. удостоен литературной премии «Глобус» (Москва).

Maria Pia Pagani, docente dell'Università di Napoli "Federico II", è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e l'arte di Eleonora Duse. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij e fa parte dell'editorial board di varie riviste accademiche, tra cui "Stanislavski Studies" (Taylor & Francis).

Мария Пиа Пагани, преподаватель Неаполитанского университета имени Фридриха II, автор книг и научных статей о русском театре и творчестве Элеоноры Дузе.

Лауреат Премии для молодых ученых имени Марии Корти (2003), Премии имени Чезаре Анджелини (2004), Премии «Foyer des Artistes» (2006) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского, член редколлегии ряда научных журналов, в том числе – «Stanislavski Studies» («Taylor & Francis»).

Giuliano Pasini si occupa di comunicazione e reputazione per una delle più importanti società italiane del settore. I suoi romanzi *Venti corpi nella neve* (Fanucci), *Io sono lo straniero* e *Il fiume ti porta via* (entrambi Mondadori) hanno ricevuto numerosi riconoscimenti e sono stati tradotti in diversi paesi. È presidente del Premio Letterario Massarosa e membro di giuria di concorsi nazionali di narrativa.

Джулиано Пазини работает в одном из престижных итальянских агентств, предоставляющих комплекс маркетинговых и коммуникационных услуг. Его романы «Двадцать тел на снегу» (изд. «Фануччи»), «Я – чужой» и «Река уносит тебя» (обе книги вышли в издательстве «Мондадори») получили множество наград и были переведены на разные языки. Президент Литературной премии «Массароза», член жюри национальных конкурсов художественной прозы.

Andrea Tarabbia, scrittore, vive a Bologna. Ha pubblicato, tra gli altri, i romanzi *Il demone a Beslan* (2011 e 2021) e *Il giardino delle mosche* (2015, Premio Manzoni 2016 e Premio Selezione Campiello 2016). Nel 2012 ha curato e tradotto *Diavoleide* di Michail Bulgakov. Nel 2018 ha scritto *Il peso del legno*, un saggio narrativo con tema la croce. Ha curato l'antologia *Racconti di demoni russi* (2021). Con *Madrigale senza suono* (2019), ha vinto la 57° edizione del Premio Campiello. Il suo libro più recente è *Il Continente bianco* (2022).

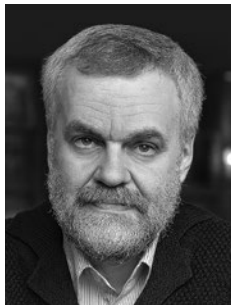
Андреа Тараббья, писатель, живет в Болонье. Автор романов «Демон в Беслане» (2011, 2021), «Мушиный сад» (2015, Премия Мандзони 2016, финалист Премии Кампьялло 2016). Перевел на итальянский и подготовил к печати «Дьяволиаду» Михаила Булгакова (2021). В 2018 г. опубликовал эссе «Тяжесть дерева», посвященное теме креста в евангельском повествовании. Составитель антологии «Русские демонические рассказы» (2021). Роман «Беззвучный мадригал» (2019) принес ему Премию Кампьялло (57-ой сезон). Последнее произведение – роман «Белый континент» (2022).

Российское жюри Giuria russa

Павел Валерьевич Басинский, писатель, филолог, журналист. Кандидат филологических наук, преподает в Литературном институте имени А. М. Горького. Дважды лауреат премии «Большая книга», лауреат премии Правительства РФ и Государственной премии РФ в области литературы и искусства. Член жюри Премии Александра Солженицына и Премии «Ясная Поляна» имени Л. Н. Толстого, председатель жюри Премии Валентина Распутина.

Pavel Valer'evič Basinskij, scrittore, filologo, giornalista. Insegna all'Istituto Letterario A. M. Gor'kij. Vincitore per due volte del Premio "Bol'shaja Kniga", del Premio del Governo della Federazione Russa e del Premio di Stato della Federazione Russa per la Letteratura e l'Arte. Membro della giuria del Premio Aleksandr Solženicyn e del Premio "Jasnaja Poljana" intitolato a L. N. Tolstoj, presidente della giuria del Premio Valentin Rasputin.

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А. М. Горького. Заслуженный деятель искусств РФ. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга», Патриаршей литературной премии и ряда других. Член жюри литературной премии «Ясная Поляна».

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore, filologo. Professore ordinario, rettore dell'Istituto Letterario A. M. Gor'kij. Emerito delle arti della Federazione Russa. Vincitore del Premio Aleksandr Solženicyn, del Premio "Bol'shaja Kniga", del Premio Letterario Patriarcale e di molti altri. Membro della giuria del Premio Letterario "Jasnaja Poljana".

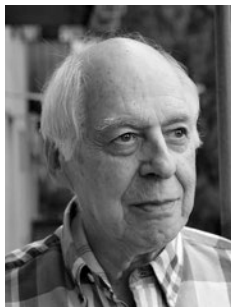
Андрей Валерьевич Геласимов, писатель, драматург. Кандидат филологических наук. Заслуженный деятель искусств РФ. Ведет семинар прозы в Литературном институте имени А. М. Горького. Лауреат премии имени Аполлона Григорьева, премии журнала «Октябрь», «Студенческий Букер», «Национальный бестселлер», премии «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева, Московской Арт Премии и др. В 2005 г. на Парижском книжном салоне признан самым популярным во Франции русским писателем.

Andrej Valer'evič Gelasimov, scrittore, drammaturgo. Personalità emerita delle arti della Federazione Russa. Tiene un seminario di prosa presso l'Istituto Letterario A.M. Gorkij. È vincitore del Premio Apollon Grigor'ev, del Premio della rivista «Oktjabr'», del Premio Student Booker, del Premio Bestseller Nazionale, del Premio «Estremo Oriente - V.K. Arsen'ev», del Premio Artista Moscovita e altri. Nel 2005, al Salone del libro di Parigi, è stato riconosciuto come lo scrittore russo più popolare in Francia.

Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г. В издательстве «Искусство – XXI век» в 2022 г. вышел сборник рассказов «Пересечения», положительно встреченный критикой.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha anche cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie «Oktjabr'» e «Znamja». Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*. Nel 2022 la casa editrice Iskusstvo – XXI Secolo ha pubblicato la sua raccolta di racconti *Intersezioni*, che è stata accolta positivamente dalla critica.

Евгений Михайлович Солонович, поэт и переводчик. Почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапьенца», командор ордена Звезды итальянской солидарности, лауреат Государственной премии Италии в области художественного перевода, Премий Монтале, Квазимодо, Диего Валери, Умберто Беллинтани, Леричи Пеа и Монделло, а также российских премий «Иллюминатор», «Венец», «Мастер» и др. В 2023 г. награжден медалью Рима.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. È stato insignito della laurea *honoris causa* dall'Università di Siena e del dottorato *honoris causa* dall'Università "La Sapienza" di Roma. È commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana. Ha ricevuto il Premio nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Quasimodo, il Premio Diego Valeri, il Premio Umberto Bel-lintani, il Premio Lericì Pea e il Premio Mondello, nonché i premi russi "Illjuminator", "Venec", "Master" e altri. Nel 2023 gli è stata conferita la medaglia di Roma.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, доктор лингвистики. Руководитель итальянского переводческого семинара в Литературном институте имени А. М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н. В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода, Золотой медали Общества имени Данте Алигьери, премии «Инолиттл» и др.

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato, dirige il seminario di traduzione italiana presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio Gogol' in Italia, il Premio nazionale per la traduzione (Italia), la Medaglia d'oro della Società Dante Alighieri, il Premio "Inolittl" e altri.

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Carlotta Casadio	Карлотта Казадио
Antonio Francesco Longo	Антонио Франческо Лонго
Lorenza Maffei	Лоренца Маффеи
Pier Lorenzo Pisano	Пьер Лоренцо Пизано
Matteo Alberto Sabatino	Маттео Альберто Сабатино

Carlotta Casadio

Traduzione in russo di Marija Titievskaja

Карлотта Каздио

Перевод на русский язык Марии Титиевской

LE COLLINE CHE NON HAI MAI VISTO

“Siamo in ritardo”. È la prima cosa che mi dice Giorgia, non appena mi vede uscire dal garage con la mia vecchia bicicletta.

“Come sempre”. Cerco di sdrammatizzare e rivolgo alla mia amica un sorriso beffardo.

Le chiedo di ricordarmi il luogo di incontro con i nostri amici poiché, nonostante abitiamo nello stesso paese da quando siamo nate e frequentiamo le stesse persone dalle elementari, non è mai uguale. E come ogni volta che siamo in ritardo, è sempre il posto più lontano da casa mia.

Per cercare di recuperare tempo, Giorgia propone di passare per la piazza, ma prima di arrivarci, la nostra pedalata ci costringe a passare lungo una strada esterna, che costeggia il pendio di una collina. La mia amica non sembra nemmeno accorgersene ma, superata una barriera di alberi, si apre davanti a noi uno splendido panorama di campi baciati dalla luce dorata del tramonto. Una brezza leggera, fresca, tipica delle sere d'estate, mi accarezza il viso e mi distrae dal resto. Voltiamo poi a sinistra, addentrandoci ufficialmente nel paese. Man mano che ci avviciniamo alla piazza, le strade si fanno sempre più piene ed indaffarate.

La festa del paese inizierà domani e per la nostra piccola comunità, è sempre occasione di grandi preparativi. Ognuno in città, dai più piccoli ai più grandi, si dà da fare per metterci il proprio, io *in primis*, che cerco in ogni modo di restituire qualcosa a questo paese, che mi ha sempre dato tanto.

“Hai parlato con Rami?” chiede Giorgia mentre attraversiamo la piazza. Ma in quel momento ci si para davanti Tonino, il nonno di Mario, uno dei nostri amici, che è ansioso di ricordarci l'orario categorico, a cui dobbiamo presentarci domani per servire agli stand della festa.

Dopo averlo salutato, proseguiamo lungo la piazza ma Giorgia è diventata improvvisamente silenziosa. Solo quando siamo quasi arrivate a destinazione, decido di rompere il silenzio. “Cosa mi stavi

ХОЛМЫ, КОТОРЫХ ТЫ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ

— Мы опаздываем, – первым делом заявляет Джорджия, едва я успеваю выкатить из гаража старенький велосипед.

— Как всегда, – усмехаюсь я, пытаюсь отшутиться.

Прошу Джорджию напомнить, где на этот раз мы встречаемся с друзьями. Хотя мы живем в одном городке с пеленок и знаем друг друга с первого класса, место встречи каждый раз разное. И, конечно же, когда мы опаздываем, оно оказывается на другом конце света от моего дома.

Чтобы сэкономить время, Джорджия предлагает проехать через площадь. Но по пути приходится петлять по окраинной дороге, огибающей склон холма. Как только мы минуем посадки деревьев, перед нами вдруг распаивается долина – вся в золоте заката, но подруга, кажется, даже не замечает этого. Легкий, свежий ветер ласкает лицо, и мир вокруг растворяется. Это особенный бриз летнего вечера – ни с чем его не перепутаю. Поворачиваем налево, и вот мы уже в городе. Чем ближе мы к площади, тем больше народу вокруг, улицы становятся все оживленнее.

Завтра начинается местный праздник, для нашего маленького городка это время важных приготовлений. Каждый житель, от мала до велика, помогает как может — и я в первую очередь. Я так много хотела бы сделать для этого места, ведь оно дало мне все, что у меня есть.

— Ты говорила с Рами? — спрашивает Джорджия, когда мы пересекаем площадь. В это мгновение нас окликает Тонино, дедушка нашего друга Марио. Он переживает, вдруг мы забыли, к которому часу завтра нужно прийти помогать у праздничных стендов.

Попрощавшись с ним, мы продолжаем путь, но Джорджия внезапно замолкает. Лишь когда мы почти доезжаем до места, решаюсь нарушить тишину.

— О чем ты говорила до того, как нас остановил Тонино?

dicendo prima che ci fermasse Tonino?” chiedo.

Giorgia sputa fuori l’informazione, come se l’avesse trattenuta in gola fino a quel momento. “Ti chiedo se avessi parlato con Rami”.

“No, non ci ho parlato, perché?”

Giorgia non risponde, al che inizio a pensare alla peggiore delle ipotesi.

Ripropongo la domanda ma con tono più preoccupato. La mia amica si ferma all’improvviso e mi guarda negli occhi prima di dire: “Domani torna suo fratello, Daniele”.

Rimango in silenzio, cercando di processare l’informazione.

“Che hai intenzione di fare? Gli dirai una bugia?”

Rimango a testa bassa. “Io... io non credo. Lo eviterò e basta”.

“Come lo puoi *evitare!*?” alza improvvisamente il tono Giorgia. “Siamo in un paesino di trecento abitanti! Annalisa, devi fartene una ragione ed ammettere la verità, soprattutto a Daniele!”

“Lo dici solo perché vuoi che ci sia qualcun’altro che ti dia ragione!”

“No, non lo dico per questo!” esclama Giorgia. “Ma perché tu possa andare avanti!”

“Io non ho bisogno di *andare avanti*, perché per me quel momento non è significato nulla! *Tu* devi andare avanti, *tu* devi smetterla di essere invidiosa di me!”

Giorgia non aspetta nemmeno un secondo, volta le spalle, impreca in dialetto e pedala via. Mi pento immediatamente di quello che ho detto e provo a fermarla urlando le mie scuse, ma lei è già lontana.

La mattina del giorno seguente, decido di incamminarmi senza meta sotto il sole caldo di mezzogiorno. Voglio solo passeggiare circondata dalla pace tipica di questo posto. Proprio qui è dove sono nata diciassette anni fa ed esclusa qualche rara vacanza, non mi ci sono mai allontanata. Mi fermo a guardare le colline. Fa molto caldo, quel caldo tipico delle terre toscane, senza umidità, quasi secco. Da piccola cercavo la fine delle colline. Con lo sguardo mi spingevo all’orizzonte, per provare a capire *dove* finissero queste curve meravigliose tutte verdi, con i campi, gli alberi e qualche pascolo sparso qua e là. Ma da terra, non sono mai riuscita a vederla, la fine delle colline, e forse perché in fondo, non l’ho mai voluta vedere davvero.

Подруга выпаливает свой вопрос, словно только и ждала подходящего момента.

— Я спрашивала, говорила ли ты с Рами.

— Нет. А что?

Молчание. Сердце сжимается от дурного предчувствия.

Повторяю вопрос, но голос дрожит. Подруга резко останавливается и смотрит мне в глаза.

— Завтра возвращается его брат. Даниеле.

Застываю на месте, пытаюсь осознать смысл ее слов.

— Что будешь делать? Соврешь ему?

Не поднимая головы, отвечаю:

— Нет... Просто буду его избегать.

— Как это «избегать»?! — вдруг вспыхивает Джорджия. — У нас в городе живет всего триста человек!

Анализа, тебе пора признать правду! Скажи ему!

— А тебе-то что? Ты просто хочешь, чтобы кто-то еще сказал, что ты права!

— Нет, не поэтому! — восклицает она. — А чтобы ты могла двигаться дальше!

— Мне не нужно двигаться дальше! Это ничего для меня не значило! Это тебе нужно двигаться дальше, тебе нужно перестать мне завидовать!

Джорджия резко отворачивается и, выругавшись на диалекте, мчится прочь. Я тут же сожалею о сказанном, пытаюсь остановить ее, кричу вслед извинения, но она уже далеко.

Следующим утром брожу под палящим полуденным солнцем, просто так, без цели. Хочу раствориться в привычной для меня тишине здешних мест. Здесь я родилась семнадцать лет назад и, кроме редких поездок на каникулы, никогда отсюда не уезжала. Останавливаюсь полюбоваться холмами. Воздух дрожит от сухого тосканского зноя.

В детстве я искала, докуда простираются холмы. Долго всматривалась в горизонт, пытаюсь понять, где заканчиваются изумрудные волны — по ним проплывали поля, деревья, изредка пастбища. Но с земли не было видно конца этим холмам. А может быть в глубине души я никогда и не хотела увидеть, где они заканчиваются.

Mi siedo a lato della strada, vicina al punto in cui il prato scende giù verso una piccola valle. Alzo lo sguardo ed incrocio quello del cielo. È quasi impercettibile, ma se ci si concentra bene, si può seguire il movimento delle nuvole bianche, che punteggiano la grande distesa azzurra sopra di me. Prendo un lungo respiro: è incredibile come quest'aria abbia sempre lo stesso sapore, come mi riporti indietro a tanti ricordi d'infanzia sereni, puri, tutti colorati, momenti in cui nessuno mi attribuiva chissà quali responsabilità o mi facesse pesare l'importanza di una grande opportunità.

Quando riporto gli occhi all'orizzonte, devo sforzarmi di convincermi di nuovo che la bellezza incontaminata ferma davanti a me, è reale. Molti mi dicono che al di là delle colline, ci siano tanti posti altrettanto belli, ma se non riesco a vederli da qui, come possono essere altrettanto belli?

La sera mi presento in piazza poco prima dell'apertura degli stand. Individuo subito i miei amici, tra cui Giorgia, e mentre mi incammino verso di loro, intravedo nella folla il profilo di Daniele. *“Il fratello maggiore di Ramì, Daniele, è andato a studiare in America”*. È la frase che ho sentito di più in questi ultimi mesi. Giro ben alla larga da lui e mi infilo velocemente in una stanza dell'oratorio per appoggiare lo zaino. Sto per tornare fuori, quando mi rendo conto di essere troppo agitata e aver bisogno di prendere un lungo respiro. Non voglio parlare con Daniele, anche perché tutto ciò che riuscirei a dirgli, partirebbe con un *scusa*, tipo *scusa* se sono sparita, *scusa* se non sono stata in grado di cogliere quella grande proposta, *scusa* se non sono stata all'altezza...

Per tutta la serata, riesco ad evitare Daniele. Quando poi, verso le nove, lo vedo allontanarsi con il suo gruppetto, tiro un sospiro di sollievo. Dopo che gli altri ragazzi ed io abbiamo finito di pulire, raggiungo la stanza dell'oratorio per recuperare il mio zaino e incrocio Giorgia intenta a fare lo stesso. Non ci parliamo ma, nei suoi occhi, non leggo più la rabbia di ieri sera. Le accenno un sorriso che lei ricambia.

Ritorno in piazza con lo zaino in spalla e mi rendo subito conto che seduto al tavolo più vicino all'oratorio, c'è proprio Daniele. Quando incrocio il suo sguardo, sento che stava aspettando proprio me: ormai non ha più senso rimandare.

Сажусь у обочины дороги, где луг спускается к небольшой долине. Поднимаю глаза к небу – оно смотрит на меня. Движение белых облаков почти неощутимо, но, если присмотреться, можно уловить их медленный ход. Облака рассыпаны по бескрайнему синему полотну. Делаю глубокий вдох: удивительно, как этот воздух всегда остается прежним, как он всегда приносит детские воспоминания — безмятежные, чистые, яркие. Воспоминания о временах, когда все было легко: не было груза ответственности, груза чужих ожиданий.

Всматриваясь в линию горизонта, я все еще не могу поверить, что застывшая передо мной невиданная красота реальна. Мне говорили, что за холмами есть не менее прекрасные места, но, если их не видно отсюда, разве могут они быть так же прекрасны?

Вечером прихожу на площадь как раз перед открытием стендов. Сразу нахожу моих друзей и Джорджию, но, направляясь к ним, краем глаза замечаю в толпе профиль Даниеле. «Даниеле, старший брат Рами, уехал учиться в Америку» — эту фразу я слышала миллион раз в последние месяцы. Обхожу его стороной, забегаю в комнату оратория, чтобы оставить рюкзак. На пороге понимаю: слишком нервничаю, нужно перевести дух. Я не хочу говорить с Даниеле, потому что все, что я смогу ему сказать, начнется с прости: «прости, что пропала», «прости, что не смогла воспользоваться такой прекрасной возможностью», «прости, что подвела...».

Весь вечер мне удастся избегать Даниеле. Около девяти замечаю, что он уходит со своей компанией, и вздыхаю с облегчением. После того как мы с другими ребятами заканчиваем уборку, захожу за рюкзаком и сталкиваюсь лицом к лицу с Джорджией. Мы не произносим ни слова, но вчерашней злости в ее глазах уже нет. Я слегка улыбаюсь ей, она улыбается в ответ.

Возвращаюсь на площадь с рюкзаком за плечами — и вот он, Даниеле за ближайшим столиком. Наши взгляды встречаются, я понимаю: он меня ждал. Бежать больше некуда.

Mi incammino al tavolo e mi siedo accanto a lui. Non è cambiato tanto dall'ultima volta che l'ho visto, se non per il taglio di capelli, che sicuramente ha lo scopo di adattarsi allo stile degli americani. I suoi occhi verdi mi seguono finché non sono seduta, con lo sguardo perso davanti a me.

“Ho notato che mi hai ignorato per tutta la sera”. Daniele non è uno che perde tempo. “C’è un particolare motivo?”

Sarà il suo essere un fratello maggiore ed anche il suo grande passato da animatore, che lo rendono abituato a parlare con chi è più piccolo, senza dover sfoggiare una grande dose di autorità. Mi sentirei a mio agio a raccontargli letteralmente qualsiasi cosa, se l'argomento che stiamo per affrontare non mi mettesse angoscia e accendesse in me un lontano senso di colpa.

“Mi dispiace per come mi sono comportata, non solo stasera, ma anche l'estate scorsa”, dico tenendo la testa bassa.

Daniele annuisce. “È tutto okay, non sono arrabbiato”.

“Davvero?” chiedo sorpresa.

“Davvero” mi conferma lui con un sorriso. “Però vorrei sapere perché”.

“Perché cosa?”

“Perché hai deciso di non partire”.

Esito a rispondere, deglutisco con fatica e tengo lo sguardo basso.

“Me lo puoi dire se hai avuto paura. Dopo aver vissuto tutta la vita in un paese piccolo come questo, è normale essere spaventati all'idea di studiare oltre oceano, ma ne potevamo parlare”.

Daniele ha ragione: sicuramente in parte ho anche avuto paura, ma non è stato quello il motivo principale per cui ho scelto di non partire.

“Ti sbagli: sapevo bene a cosa andavo incontro, e poi sai che non sono una fifona”.

Daniele accoglie l'informazione e cerca di incontrare il mio sguardo in ogni modo. “E allora perché non sei voluta partire? Ti era stata offerta la possibilità di studiare in un liceo americano perché sei una delle studentesse più brillanti della regione! Era una grande opportunità!”

Подхожу к столику, сажусь рядом. Даниеле почти не изменился с нашей последней встречи, разве что подстригся по-американски, чтобы стать похожим на них. Его зеленые глаза пристально наблюдают за мной, пока я с растерянным видом усаживаюсь рядом.

— Я заметил, что ты весь вечер меня игнорировала, — без лишних предисловий начинает Даниеле. — Почему?

Наверно, сказывается то, что у него есть младший брат, к тому же Даниеле раньше работал аниматором, поэтому привык к общению с младшими и совсем не кажется строгим. Мне бы было легко поговорить с ним, если бы то, о чем пойдет речь, не тревожило меня так сильно. И если бы не чувство вины.

— Прости за то, как я вела себя. Не только сегодня, но и прошлым летом, — отвечаю, не поднимая глаз.

Он кивает.

— Все в порядке, я не сержусь.

— Правда? — удивляюсь я.

— Правда, — улыбается он. — Но я хочу понять: почему?

— Почему... что?

— Почему ты не поехала?

Медлю с ответом, к горлу подкатывает комок, опускаю глаза.

— Если испугалась — так и скажи. После жизни в маленьком городке это нормально — бояться уехать учиться за океан. Но мы могли просто поговорить.

Отчасти он прав — страх был. Но это не главное.

— Ты ошибаешься. Я понимала, что меня ждет. И вообще, ты же знаешь: я не трусиха.

Даниеле обдумывает мои слова, настойчиво ловит мой взгляд.

— Тогда почему? Тебе предложили учебу в Штатах, потому что ты одна из лучших учениц в области! Это была прекрасная возможность!

Я вздыхаю.

Sospiro. “Lo so, mi dispiace solo che ci sia andato di mezzo anche tu”.

“L’unico aspetto che mi coinvolge è che stiamo parlando della stessa compagnia che mi ha permesso di studiare all’estero, per cui ho solo provato a farti vedere i lati positivi di un’esperienza simile alla mia. Ma io non ci ho perso nulla e non sono qui a farti una ramanzina. Mi pare di capire che per quella sia bastata Giorgia”.

Alzo lo sguardo. “Come fai a saperlo?”

“Le voci girano veloci in paese”, dice Daniele, con una smorfia. “E poi, lo so che è sempre stata invidiosa di non avere avuto lei quell’opportunità. Quindi è normale che si sia arrabbiata più di una volta con te per non averla colta”.

“Forse doveva andare così”.

“No, Nisa” dice Daniele. Questa volta, il suo tono è più fermo. “Non *doveva* andare così: hai preso la tua decisione, ma devi anche accettare che non tutti siano d’accordo. Nemmeno mia madre era contenta all’idea che partissi, ma io sentivo che era la mia strada. Questo paesino era iniziato a starmi troppo stretto”.

Annuisco, anche se è una sensazione con cui non riesco a simpatizzare.

“Allora, mi vuoi dire perché non hai accettato? Anche i tuoi si sono opposti?”

Scuoto la testa.

“E allora perché, Nisa? Cosa ti tiene tanto ancorata qui?”

Sospiro. “Le *colline*, Dani. Io voglio restare qui, con le mie *colline*”.

“Le *colline*?”

“Davvero non le vedi?”

“No, credo di non essere mai riuscito a vederle davvero”.

Sospiro e accenno un sorriso debole. “Peccato, perché sono davvero meravigliose”.

“Quindi è per questo che non puoi andartene?”

“No, Daniele, è per questo che non *voglio* andarmene”.

Il ragazzo annuisce. “Sappi che ti stancherai di queste *colline*”.

Mi alzo lentamente e recupero il mio zaino, inclinando la testa. “Quando mi stancherò, sarà arrivato il momento giusto”.

— Знаю... Мне жаль, что ты оказался втянут в это всё.

— При чем тут я? Просто речь о той же самой программе, по которой я уехал учиться за границу. Я только хотел рассказать тебе, как это здорово. Я ничего не потерял. И не собираюсь читать нотации. Кажется, это уже сделала Джорджия.

Я поднимаю глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Птичка напела, — произносит он с ухмылкой. — И потом... я знаю, она завидовала, что возможность выпала тебе, а не ей. Конечно, она злилась на тебя за то, что ты ее упустила.

— Может, так и должно было быть.

— Нет, Низа, — его голос стал тверже. — Не должно. Ты приняла решение, но должна понять, что не все будут с ним согласны. Мама тоже была совсем не рада, что я уезжаю. Но я чувствовал: это мой путь. Здесь мне стало слишком тесно.

Киваю в ответ, хотя это чувство мне совершенно не близко.

— Тогда скажи: почему ты отказалась? Родители тоже были против?

Качаю головой.

— Тогда почему, Низа? Что так сильно держит тебя здесь?

Я вздыхаю.

— Холмы, Дани. Я хочу остаться здесь. С моими холмами...

— С холмами?

— Ты правда их не замечаешь?

— Нет... Если честно, я так и не смог разглядеть их по-настоящему.

Вздыхаю и едва заметно улыбаюсь.

— Жаль. Они прекрасны.

— И поэтому ты не можешь уехать?

— Нет, Даниеле. Поэтому я не хочу уезжать.

Он кивает.

— Просто знай: когда-нибудь ты устанешь от этих холмов.

Медленно встаю, наклоняюсь, беру рюкзак.

— Когда устану — значит, так надо. Значит, время пришло.

Nota critica

La festa di un piccolo paese è sempre un evento significativo per i suoi abitanti. E anche un'occasione per tornare a casa, come nel caso di Daniele, il protagonista maschile del racconto *Le colline che non hai mai visto* di Carlotta Casadio. Ma per l'amica Annalisa non si tratta di un ritorno felice, né segnato da una gioiosa attesa: la ragazza teme un incontro scomodo, che le provoca disagio e vorrebbe evitare. Daniele era partito qualche mese prima per andare a studiare in America: da un paesello toscano di trecento abitanti, si è ritrovato in una metropoli dall'altra parte dell'Oceano e sembra soddisfatto della sua esperienza. Annalisa è una delle migliori studentesse liceali della regione, ma ha rifiutato la proposta di andare a studiare all'estero perché ha avuto paura di staccarsi dalla sua amata terra. Il dialogo tra i due ragazzi svela i differenti punti di vista e la diversa volontà di mettersi in gioco. Daniele ha voglia di conoscere il mondo: «Nemmeno mia madre era contenta all'idea che partissi, ma io sentivo che era la mia strada. Questo paesino era iniziato a starmi troppo stretto». Invece Annalisa non sente il bisogno di staccarsi dalla sua terra per crescere: «Quando mi stancherò, sarà arrivato il momento giusto». Con grande delicatezza, attraverso il panorama delle colline toscane Carlotta Casadio descrive due giovani che si stanno costruendo un avvenire camminando su binari molto diversi, ma spinti da una altrettanto profonda ricerca di senso della vita.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Праздник в маленьком городке – всегда знаковое событие для его жителей. Это повод вернуться домой, даже издалека. Вот и Даниеле, главный герой рассказа Карлотты Казадио «Холмы, которых ты никогда не видел», возвращается в родные места как раз перед праздником. Но только Аннализе возвращение друга приносит не радость, а тревогу. Она боится неловкой встречи и всем сердцем надеется ее избежать. Несколько месяцев назад Даниеле уехал учиться в Америку: после тосканского городка, где едва наберется три сотни жителей, он вдруг оказался в мегаполисе по ту сторону океана и, кажется, рад, что сделал такой выбор. Но Аннализа, одна из лучших учениц в области, отказалась от предложения учиться за границей, испугавшись разлуки с родной землей. Диалог двух юных героев обнажает полную противоположность их взглядов и жизненных устремлений. Даниеле жаждет познать мир: «Мама тоже была совсем не рада, что я уезжаю. Но я чувствовал: это мой путь. Здесь мне стало слишком тесно». Но Аннализа не чувствует, что ей нужно оторваться от родной земли, чтобы повзрослеть: «Когда устану —значит, так надо. Значит, время пришло». На фоне живописных тосканских холмов Карлотта Казадио с пронзительной нежностью изображает двух молодых людей, идущих навстречу своему будущему разными дорогами. Но движет ими обоими глубинный поиск смысла жизни.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Carlotta Casadio (2003), da sempre appassionata di storia e letteratura, ha frequentato il Liceo Classico e poi la facoltà di Lettere Classiche a Bologna. Inoltre coltiva la passione per la scrittura, nata da bambina con la volontà di dare sfogo alla propria immaginazione, e poi evoluta come modo per raccontare sentimenti ed esperienze di vita in cui i lettori possono ritrovarsi.

Биография

Карлотта Каздио (2003) с ранних лет увлечена историей и литературой. Окончила классический лицей, затем отделение классической филологии Болонского университета. Страсть к писательству, зародившаяся в детстве благодаря богатому воображению, со временем превратилась в способ делиться личным опытом, переживаниями и чувствами, которые могут быть близки многим читателям.

Antonio Francesco Longo

Traduzione in russo di Ol'ga Baljaeva

Антонио Франческо Лонго

Перевод на русский язык Ольги Баляевой

DOVE ROCCIA NON È

C'è la roccia e ci sei tu. Null'altro. Tutto si annulla dopo il primo attacco, quando le scarpette trovano un appiglio e inizia quel gioco di leve e contrappesi che fa di te e della parete un sistema unico. I primi sono passi veloci, provati e riprovati. Al settimo appiglio bisogna infilare la mano in una fessura e usare la frizione per issare il tallone fin sopra il braccio. Segue ancora qualche passo semplice. Poi un uncino che prepara al salto. Il salto richiede velocità, decisione e una dose ineliminabile di fortuna. Ma a quest'altezza, il materassino farebbe il suo dovere. Sì, a questa altezza il materassino riuscirebbe a fermare la caduta. Respiri. Mentre la sinistra tiene il tuo peso, la destra disegna un arco e raggiunge il sacchetto di magnesite alla cintola. Quando la tiri fuori, un po' di polvere cade dalle dita. Prendi posizione. Guardi giù, poi guardi la piccola sporgenza di granito, infine trovi nello stomaco una spinta – qualcosa di simile alla paura – e allora sai che quello è il momento giusto, sì, quello è il momento in cui gli uccelli distanti e i licheni che sporgono, le nuvole basse e il vento sempre più freddo si cristallizzano per permettere a te, primate impossibile nell'indifferenza di questa natura screziata, di saltare.

E salti.

L'appiglio c'è. Mani e piedi cercano subito di trovare una posizione stabile, memoria muscolare e istinto fanno il loro per adattarsi a quella parete nuova. Il primo rischio è passato. Azzardi uno sguardo in alto, ai 480 metri di scalata che ti aspettano. Sorridi. È un sorriso feroce, animale. Schiacciato contro la parete, senti le prime gocce di sudore colare, i muscoli delle spalle tirare nello sforzo di tenerti su, e ti rimetti in movimento, tu solo contro la verticalità.

Quando ho detto ai miei amici che avrei scalato “Per ardua” in free solo, è calato un silenzio grave. Gio dopo un po' mi ha fatto con la mano come per mandarmi a cagare. “È arrivato Alex Honnold”. Gli altri hanno provato a ridere, ma io non ridevo affatto. Avevo deciso. Così, senza troppo preavviso. Semplicemente mi era germogliato dentro questo desiderio, che in fondo è il desiderio di tutti quelli che fanno questo sport. In fondo tutti noi, quando scivoliamo dalla parete e sentiamo lo strattone della corda che ci tiene su, con le urla di allarme dei nostri compagni sotto, desideriamo la lusinga della morte, una morte che per sempre testimoni l'assoluta dedizione con cui cerchiamo una fessura nella roccia, un angolo nel tondo. Non sono forse tutte preparazioni a questo, le sessioni in palestra o in boulder? Scaliamo i gradi di difficoltà delle pareti, e poi abbandoniamo le corde e affidiamo le nostre sorti a un materassino e alla forza dei legamenti delle nostre dita.

ПУСТОТА ПОД НОГАМИ

Есть скала и есть ты. Больше ничего. Все остальное исчезает на первом приступе: как только носок скальных туфель находит точку опоры, начинается игра рычагов и противовесов, а вы со стеной сливаетесь в единое целое. Первые шаги быстрые, отработанные бесчисленное количество раз. На седьмом зацепе нужно просунуть руку в щель и с помощью сцепления водрузить ступню выше локтя. Дальше следует несколько простых движений. И вот крюк – предвестник прыжка. Для прыжка необходимы скорость, решимость и бесконечный запас везения. Тут не помешал бы страховочный мат. Да, мат смягчил бы падение с такой высоты. Вдох-выдох. Вся тяжесть тела переносится на левую руку, а правая описывает дугу и тянется к мешочку с магнезией на поясе. Часть порошка осыпается с пальцев. Собираешься перед прыжком. Бросаешь взгляд вниз, потом на небольшой гранитный выступ, и вот всем нутром чувствуешь толчок, а еще что-то похожее на страх, понимаешь – сейчас. Да, именно сейчас, когда птицы вдалеке и лишайник на камне, низко нависшие облака и все более промозглый ветер застыли, чтобы ты, представитель отмежевавшегося вида, перед лицом безучастной многоликой природы, оттолкнулся и прыгнул.

Прыжок.

Находишь опору. Ноги и руки стремятся как можно скорее занять устойчивое положение, мышечная память и инстинкт делают свое дело, пока ты приспособливаешься к новой стене. Можно выдохнуть. Хватает духу посмотреть наверх, окинуть взглядом ожидающие тебя четыреста восемьдесят метров восхождения. Улыбаешься. Нет, скалишься, как зверь. Прижавшись к стене, чувствуешь, как стекают первые капли пота, как плечевые мышцы натягиваются от усилия не сорваться вниз, – и пускаешься вверх по стене. Один на один в схватке с вертикальной плоскостью.

Когда друзья услышали, что я собираюсь пройти маршрут «per ardua»¹ фри-соло, повисла гробовая тишина. Потом Джо махнул рукой, мол, иди ты к черту: «Тоже мне Алекс Хоннольд нашелся!»² Другие пытались обратить все в шутку, но мне было совсем не смешно. Я так решил. Застал их врасплох. Просто внутри проклюнулись ростки желания – того, что живет в душе каждого, кто занимается альпинизмом. Ведь, в сущности, когда мы соскальзываем по стене и ощущаем рывок удерживающего нас на весу троса, под доносящиеся откуда-то

---

1 «Per ardua ad astra» (лат.) – «через тернии к звездам», здесь: «особенно трудный маршрут». (примеч. ред.)

2 Известный американский скалолаз, прославившийся одиночными восхождениями без страховки. (примеч. перев.)

Ma questo è romanticismo. Lo so anche io che questo è romanticismo. Ed è anche una scusa. Perché la mia in fondo è una fuga, e so bene quanto sia sbagliato, di punto in bianco, consegnare loro questa sentenza. Toh. Ciao ragazzi, vi lascio il peso della mia condanna. Perché so anche che, tra le risate nervose, i miei amici stavano ponderando quante possibilità avessi davvero di uscirne vivo.

È stato più difficile con Elsa. Lei mi conosce troppo bene e così, dopo un silenzio lunghissimo, con gli occhi bassi e una ruga sulla fronte, mi ha detto solo: “Perché lo fai?”

Non cercava una risposta qualunque. E io non ho saputo darle una risposta sincera. Lei si è avvicinata e mi ha preso la mano destra nella sua, ma senza tenerezza. La studiava.

“Questa è guarita?”

Ho fatto di sì con la testa. Una frustata dei suoi occhi mi ha rimesso a posto.

“Quando?”

“Mese prossimo”.

“È troppo presto”.

“No, sono pronto”.

“No, non lo sei Marco. Soprattutto non con l’indice in queste condizioni”.

“È una cosa da niente. Ho arrampicato in condizioni peggiori”.

“Sì, boulder da dodici metri al massimo”.

“Il concetto è lo stesso”.

“No, non lo è. E sei un’idiota se lo pensi”.

Sospiro.

“È che se non lo faccio ora non lo farò più, lo so già”.

“Allora ti prego non farlo ora” ha detto lei, sbuffando un sorriso.

Silenzio. Mi abbraccia. La sua guancia trova l’incavo della mia clavicola. Si arrampica anche lei, un po’, su di me.

“Perché ti è venuto in mente ora?”

снизу встревоженные крики сотоварищей, все мы слышим зов смерти. Смерти как прямого свидетельства полной самоотдачи, с которой мы разыскиваем щели в скале, зазубрины на безупречно гладкой поверхности. Разве тренировки в зале и занятия боулдерингом – не подготовка к этому? Сначала осваиваешь все более сложные трассы, потом отказываешься от страховки и доверяешь судьбу мату и силе собственных пальцев. Но все это лирика. Даже я знаю, что лирика. А вдобавок – отмазка. Если вдуматься, это бегство, и я понимаю, как нечестно было ни с того ни с сего поставить их перед фактом. Вот, дескать, получайте. Давайте, парни, живите теперь с этим грузом. Их нервные смешки не могли никого обмануть: про себя они прикидывали мои шансы на выживание.

Разговор с Эльзой дался куда сложнее. Слишком хорошо она меня знает. Долго молчит, прежде чем сказать:

– Зачем тебе это? – Глаза опущены, на лбу обозначилась морщинка.

Дежурный ответ ее бы не устроил, а ответить искренне не получилось. Тогда она подходит ближе и берет мою правую руку в свою – просто осматривает, без намека на нежность.

– Уже лучше?

Киваю, но ее взгляд приводит меня в чувство, словно удар хлыстом.

– Когда?

– В следующем месяце.

– Слишком скоро.

– Нет, я готов.

– Нет, ты не готов, Марко. Указательный палец никуда не годится.

– Ерунда. Я и в худшем состоянии лазил.

– Ну да, конечно. По боулдеринговой трассе, метров на двенадцать.

– Это то же самое.

– Ты полный кретин, если всерьез так думаешь.

– Просто... – вздыхаю, – если не сейчас, то уже точно никогда.

– Тогда прошу тебя, пусть будет не сейчас, – хмыкает она.

Молчит. Обнимает меня. Ее щека льнет к ямке под моей ключицей. Это тоже скалолазание, только ее скала

– это я.

– Зачем именно сейчас?

Già. Perché?

Le anche sospingono il peso e mi tengono dritto. Lo sguardo sale su, alla fine della salita, quella linea che il sole del mattino rende dorata, un orizzonte solo nostro. Salgo veloce e intanto scavo dentro questo *perché*, con gli avambracci che fanno sempre più male. Bisogna scollarli di tanto in tanto, quando la roccia offre un riposo. Ma ogni volta che mi isso su un appiglio sento i polsi mettersi in tensione, spacco le dita dei polpastrelli contro la pietra ruvida che nessun passo ha potuto levigare. Sangue e magnesite fanno una pasta scivolosa nella mia mano, ed è a quel punto che la mia sicurezza inizia a vacillare. Quando vedo le mie dita tremare per lo sforzo, porto istintivamente gli occhi in giù, e lo stomaco mi precipita insieme allo sguardo, su quel caracollare di pietra e angoli che farebbe scempio di me, se solo facessi un unico passo falso. Mi si spezza il respiro, e per la prima volta sento sulla pelle il freddo del vento sempre più violento che viene alle mie spalle. Porta con sé una nuvola bassa e scura, e per un attimo mi dico “adesso scendo”. “Adesso chiamo i soccorsi e scendo”. So che Elsa è da qualche parte nei paraggi a vegliare su di me. Non l’ho voluta alla partenza per paura di caderle davanti, di sfraccellarmi davanti a lei. Le ho chiesto di trovare un punto e guardarmi così, se proprio doveva farlo. Sono sicuro che è lì da qualche parte. E intanto qualche timida goccia si poggia sul mio viso, e punge, e raffredda con un brivido i miei pensieri. Riprendo a scalare, con più attenzione, perché ho deciso di farlo perché?

Perché tutto sommato queste gocce sul viso mi riportano indietro nel tempo. Perché quando loro si spaccano sulla pietra la pietra si fa più scura, in qualche modo diventa più profonda, ed è quello che sto facendo io, salgo in alto per andare a fondo, a fondo, ma a fondo dove?

A fondo in un giorno perduto nei ricordi, nell’infanzia, nell’immaginato, forse. C’ero io e c’era lui. Corre-
vamo correavamo per i viottoli e gli acciottolati, sfrantumando la suola delle scarpe e ogni tanto le ginocchia e i palmi delle mani. Correavamo in salita fino al monastero di pietra gialla. Si entrava da un’arcata di pietra e si finiva in uno spazio larghissimo, circondato da mura che parevano altissime. A un angolo stava il monastero, che poi alla fine era poca cosa rispetto a tutto lo spazio aperto che lo circondava. E lui correva correva fino all’angolo opposto. Lì, dietro il muro, c’era un lago. E nel lago, mi diceva con una scintilla nello sguardo, ci sono le fate che fanno il bagno. Le fate, capisci? Io volevo vederle, le fate che fanno il bagno, e lui mi tirava per il braccio e mi diceva andiamo, andiamo. Correva fino all’angolo esatto della parete, puntava un piede su uno dei due muri, spingeva e saliva sull’altro, e poi ancora e ancora e ancora, a ragno, finché non

И правда, зачем?

Вся масса тела сосредоточена на уровне бедер, только это позволяет держаться прямо. Взгляд поднимается к финишной прямой, позолоченной утренним солнцем, – горизонту скалолаза. Быстро карабкаюсь и в то же время пытаюсь докопаться до сути: так все же, зачем? Предплечья дают о себе знать все чаще. Приходится разминать их всякий раз, как гора дает возможность передохнуть. Но на каждом новом зацепе я ощущаю, как напрягаются запястья, как кончики пальцев расшибаются о грубый, не обтесанный подошвами камень. Когда кровь и магnezия на руке превращаются в склизкое месиво, моя уверенность вдруг ослабевает. Замечаю, что пальцы дрожат от усилия и инстинктивно опускаю взгляд: сердце ухает вниз на застывшие в дикой пляске глыбы и острые зубцы, готовые расправиться со мной, стоит допустить хоть малейшую ошибку. Дыхание становится прерывистым, впервые ощущаю кожей пробирающий холод ветра, который все яростнее толкает в спину. Ветер приносит с собой низкую тучу. Говорю себе: «Хватит, пора спускаться». «Вызываю спасателей и спускаюсь». Эльза где-то рядом, наблюдает за мной. Из страха упасть и разбиться насмерть у нее на глазах я попросил ее не ждать внизу, а смотреть со стороны, если уж без этого никак. Можно не сомневаться, что она неподалеку. Тем временем первые обжигающие холодом капли неуверенно ложатся на лицо, вызывая дрожь в теле и остужая мысли. Снова лезу вверх, стараясь быть еще внимательнее. Зачем я здесь? Зачем?

Затем, что эти капли на лице переносят меня назад во времени. Разбиваясь о камень, они делают его темнее, в некотором смысле глубже; вот и я поднимаюсь все выше, чтобы добраться до самых истоков. Верно, но истоков чего?

Того дня, затерянного в воспоминаниях далекого детства, хотя, возможно, это плод моей фантазии. Там были я и он. Мы носились по тропинкам и по мостовой, не щадя подошвы ботинок, а иногда колени и ладони. Взбегали в гору до самого монастыря из желтого камня, где через каменную арку попадаешь в просторный двор, окруженный высоченной, как нам тогда казалось, оградой. В углу притулился монастырь, но кому он нужен, когда вокруг столько пространства под открытым небом? И вот брат ринулся к противоположному углу. Там, за стеной, озеро. А в том озере, сказал он с горящими глазами, купаются феи. «Феи, понимаешь?». Мне захотелось взглянуть на них, на этих купающихся фей, и он все тянул меня за руку, приговаривая: «Пойдем, пойдем». Подбежал к самому углу, уперся ногой в одну стену, оттолкнулся, затем во вторую, и так полез вверх, еще и еще, по-паучьи, пока не добрался до самой вершины и, подтянувшись, не уселся, глядя по ту сторону высокой желтой ограды. Сидя там, брат только и знал, что округлять глаза и издавать удивленные

si tirava a sedere in cima alla parete alta alta e gialla a vedere oltre. Ogni volta faceva tanto d'occhi, e con quell'esclamazione di stupore mio fratello mi intimava di salire, dai su vieni non sai che ti perdi!
Io restavo giù. Perché avevo paura e la pietra mi pizzicava le mani, perché mi graffiavo e quando mi trovavo a metà mi tremavano le gambe per la vertigine. Rimanevo a terra, senza fate e senza fratello, perché non avevo ancora lo stomaco verticale.

Intanto la pioggia prende consistenza. Sono solo a metà della salita e ogni appiglio devo testarlo dalle tre alle cinque volte in più, perché adesso ogni scivolata conta. Riesco ad abbarbicarmi su una sporgenza e lì ritrovo fiato, ma le nuvole lasciano andare sempre più acqua. In tasca ho il telefono, basta un tocco per chiamare Elsa, chiamare i soccorsi. Me lo ha fatto promettere, che se la situazione si fosse fatta insostenibile avrei chiamato i soccorsi. Prendo anche il telefono. E poi non lo faccio.

Perché mio fratello si è sporto dal muretto e mi ha teso la mano, poi ha tirato su con tutta la forza, e mentre mulinavo le gambe e le braccia graffiandomi contro la parete, intanto guadagnavo qualche centimetro alla volta. Alla fine, paonazzi in viso, ci siamo trovati seduti sul muretto del monastero, sul muretto del monastero dalle pareti gialle.

Non lo faccio e tento la salita. Un uno due tecnico, piede mano piede mano, controllato, gli addominali che bruciano per lo sforzo, e poi la mano destra sale e cerca una presa nella roccia, la trova, scarico il peso sulle dita, poco a poco, poco a poco, e poi d'un tratto la presa non c'è più. Sdrucchiola via. Sarà il sangue e la magnesite, sarà l'indice che non è ancora guarito del tutto, sarà l'acqua scura che fa la roccia più scura. Non c'è più. Non c'è più. E ora tutto si gela, in un vuoto che il mio corpo riconosce subito come l'ultimo. La caduta mi restituisce nelle viscere la vertigine, una scarica di adrenalina che ha il sapore dell'infanzia, mentre precipito con la pioggia, e mi sfracello a terra, e rendo la terra più scura, più profonda. Gli occhi rimangono puntati alla linea sempre più distante della cima. L'orizzonte di chi arrampica. L'orizzonte.

Guardavamo oltre il muretto del monastero di pietra gialla. Il lago era poi uno stagnetto. Qualche giunco galleggiava insieme a bottiglie di plastica insudiciate dal fango. Mosche su ninfee. Due ranocchie gracidavano piano e saltellavano di qua e di là. La nostra immaginazione le aveva dette fate, e fate più belle non ne ho viste mai.

восклицания, чтобы я тоже вскарабкался следом: «Ну, давай же, залезай, ты и представить себе не можешь, что теряешь!»

Но я не лез. Мне было страшно, от камня саднили ладони, я весь исцарапался, а на полпути от головокружения начинали трястись ноги. Я оставался на земле один, без фей и без брата, потому что еще не обрел вкус к отвесным стенам.

Между тем дождь усиливается. Я всего на полпути, и на каждый зацеп уходит куда больше времени, чем прежде, – соскользнуть ни в коем случае нельзя. Удастся перевести дух, зацепившись за выступ, но вода из туч хлещет все сильнее. В кармане лежит телефон. Достаточно просто нажать на кнопку и набрать Эльзу, вызвать спасателей. Я обещал их вызвать, если положение делается невыносимым. Достая телефон. Но никому не звоню.

Затем, что брат свесился вниз, протянул руку, потом дернул вверх изо всех сил, и я, вертя конечностями и царапаясь о стену, стал подниматься сантиметр за сантиметром. Наконец мы оба, багровые от натуги, усадились на ограде монастыря. На ограде монастыря с желтыми стенами.

Никому не звоню, лезу дальше. Раз–два, раз–два, нога–рука–нога–рука, полная координация, мышцы пресса горят от усилия, правая рука тянется вверх в поисках захвата – есть! Вес плавно, неспеша переносится на пальцы... И вдруг – сцепления больше нет. Пальцы соскальзывают. Это все месиво из крови и магнезии или так и не заживший указательный палец, или же темная вода, от которой темнеет скала. Сцепления больше нет. Больше нет. Все леденеет в этой пустоте, такой отчетливо последней. Падение вихрем пронзает мое нутро. Выброс адреналина в кровь – привкус детства. А я все падаю и падаю вместе с дождем и разбиваюсь о землю, делаю ее темнее, глубже. Глаза смотрят, не отрываясь, на удаляющуюся линию вершины. Горизонт скалолаза. Горизонт.

Мы разглядываем местность за оградой монастыря из желтого камня. Озеро оказалось заболоченным прудом. На поверхности плавают камыш да несколько заляпанных грязью пластиковых бутылок. Кувшинки облеплены мухами. Тихо квакают и скачут туда–сюда две лягушки. В нашем воображении они превратились в фей. В жизни не видел фей прекраснее.

Nota critica

Il racconto *Dove roccia non è* di Antonio Francesco Longo descrive i molteplici e contrastanti sentimenti che accompagnano un arrampicatore in procinto di affrontare una prova ardua. È una sfida con la roccia e con se stessi, che implica un enorme dispendio di forza fisica e mentale: «tu solo contro la verticalità». Il protagonista ha maturato una buona esperienza alpinistica ed è in grado di comprendere la fisiologia della roccia e del suo corpo, di calibrare ogni suo minimo movimento, di calcolare tutti i rischi della situazione in corso. Con la parete rocciosa ha sviluppato un rapporto di amore e odio, che ogni volta si esplica attraverso la fatica dell'impresa e il godimento del risultato raggiunto. Ma ogni volta rischia la vita, ed è questa «lusinga della morte» che – paradossalmente – lo fa sentire vivo. Il ricordo del fratello, che pure aveva la passione per le arrampicate, porta il protagonista a voler tentare la prova più ardua e pericolosa in free solo. La sua sfida ha il sapore della fuga dal mondo, della ricerca di una consolazione, del voler raggiungere un posto idilliaco e remoto dell'infanzia. Pur nella sua tragica fine, l'arrampicatore di Antonio Francesco Longo ha trovato il senso profondo della sua passione sportiva e ha raggiunto quella beatitudine che solo la scalata estrema – quella che sentiva essere la sua ultima – poteva promettergli.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Автор рассказа «Пустота под ногами» Антонио Франческо Лонго описывает разнообразные, противоречивые чувства, которые обуревают скалолаза в преддверии сурового испытания. Вызов, брошенный скале и самому себе, сопряжен со значительными затратами физических и душевных сил: «Один на один в схватке с вертикальной плоскостью». Главный герой, опытный альпинист, хорошо разбирается в физиологии скалы и собственного тела, выверяет каждое движение, просчитывает возможные риски на любом отрезке маршрута. Каменный склон вызывает у него чувства любви и ненависти, позволяющие браться за непосильные задачи и наслаждаться достигнутым результатом. Ставя на карту собственную жизнь, он всякий раз слышит «зов смерти», и, как ни удивительно, именно это позволяет ему чувствовать себя живым. Воспоминание о брате, таком же любителе лазать по отвесным стенам, толкает рассказчика на еще более смелое и опасное испытание – подняться одному, без страховки. В этом присутствует и бегство от мира, и поиск утешения, и попытка вернуться в далекое идиллическое детство. Несмотря на трагическую развязку, герой Антонио Франческо Лонго открывает для себя подлинный смысл увлечения горами и испытывает наивысшее блаженство, достижимое лишь при экстремальных условиях восхождения, хотя, как подсказывало чутье, этот раз станет для него последним.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Antonio Francesco Longo (1999) dopo una parentesi di studi in Fisica all'Università di Catania, ha deciso di cambiare strada (e città) e studiare teorie e tecniche della narrazione a Torino. La sua passione per le storie lo ha poi portato a Milano per frequentare un master in editoria. Attualmente lavora come junior editor per una casa editrice.

Биография

Антонио Франческо Лонго (1999) изучал физику в университете Катании, но решил сменить направление (и город) и переехал в Турин, чтобы изучать нарратологию и приемы повествования. Затем увлечение искусством складывать истории привело его в Милан, где он обучался издательскому делу. В настоящее время занимает позицию младшего редактора в издательстве.

Lorenza Maffei

Traduzione in russo di Anna Markova

Лоренца Маффеи

Перевод на русский язык Анны Марковой

PECE

Alina un giorno ha trovato un gatto e l'ha chiamato Pece, perché il suo pelo era nerissimo, folto e nerissimo. In quel periodo Alina era più stanca del solito, tornava dalle lezioni e si sdraiava, leggeva qualche pagina di un libro, poi guardava uno, due video, senza interesse. All'inizio era entusiasta di iniziare l'università, anche di trasferirsi. Ha trovato una stanza vicina al centro, in un quadrilocale con altre due ragazze. Ma dopo qualche mese ancora non andava. Forse la verità è che non si è mai ambientata. Non si sentiva al suo posto nel mondo.

Ha iniziato a vedere Pece vicino ai cassonetti, fuori al portone del suo condominio, gli portava da mangiare, scatolette di tonno del discount. Poi un giorno l'ha preso in casa. Qualcosa l'attraeva in quel gatto, tutto buio, e quando rientrava, sempre stanchissima, provava sollievo al pensiero di vederlo, sentiva quel calore confortante. Come un abbraccio che nessun altro le dava.

Alina ha conosciuto degli amici all'università, ma non ci si è davvero trovata. Ci esce perché è così che si deve fare, anche se non vorrebbe. Ogni tanto incrocia le sue coinquiline in cucina, parla con loro e mangia con loro, poi trova sempre un motivo per salutarle prima delle ventidue. Da quando c'è Pece ha ancora meno voglia di uscire, forse non si sente più sola, forse pensa di non aver bisogno di altre persone. Quando è fuori con altri si rende conto di isolarsi, come se non riuscisse più ad ascoltare ciò che dicono, e pensa a Pece, a casa. Ha accolto quel gatto con necessità, gli ha fatto spazio nella sua vita perché le piaceva, le dava una sensazione nuova. Quando prova a uscire dalla stanza lui le si arrampica sulla gamba, non vuole che vada via. Col passare dei giorni le è sempre più affezionato e Alina esce solo per andare a lezione. Quando qualcuno la invita fuori dice di essere impegnata o di avere mal di testa. Non ha raccontato a nessuno di Pece, nemmeno alle sue coinquiline, è un po' il suo segreto. Teme, non sa perché, che potrebbero non credere che abbia davvero un animale domestico, che la usi come scusa.

Pece gioca con tutto, senza scrupoli. Sale sul suo letto, entra nel suo armadio, si struscia sui suoi vestiti. Non tira mai fuori gli artigli, non morde. È delicato con Alina, e lei inizia a pensare che potrebbe passare il suo tempo solo con Pece e stare bene.

СМОЛЬ

В один прекрасный день Алина нашла кота. Она назвала его Смоль, потому что шерстка у него была черной–пречерной и очень густой. Это был период, когда Алина уставала больше, чем обычно. Она возвращалась с пар, ложилась на кровать, прочитывала несколько страниц книги, безо всякого интереса смотрела одно–два видео. Сперва она отнеслась к учебе в университете с большим воодушевлением, собственно, как и к переезду. Алина сняла комнату недалеко от центра. Вместе с ней в четырехкомнатной квартире жили еще две девушки. Прошло несколько месяцев, но что–то было не так. Возможно, проблема заключалась в том, что Алина не вписалась в обстановку. Не нашла своего места.

Кота она встретила возле мусорных баков у дома. Стала подкармливать его консервированным тунцом из дешевого супермаркета. А потом забрала к себе. Что–то привлекало ее в этом темном–претемном коте. И каждый раз, когда Алина, совсем уставшая, шла домой, ей становилось легче при мысли о скорой встрече с питомцем. Она чувствовала ободряющее тепло, словно кто–то заключал ее в объятия, которых ей так не хватало.

Алина, конечно же, познакомилась с ребятами в университете, но настоящих друзей так и не завела. Она общается с сокурсниками, потому что так надо, а не потому, что ей этого хочется. Время от времени пересекается с соседками по квартире на кухне, разговаривает и ест с ними, но всегда находит предлог, чтобы уйти к себе до десяти вечера. С тех пор как у нее появился Смоль, ей все меньше хочется выходить из дома. Может быть, она больше не чувствует себя одинокой, а может ей кажется, что теперь ей никто не нужен. Когда Алина гуляет с ребятами, то понимает, что в какой–то момент замыкается в себе и больше не слышит, кто о чем говорит. Думает только о коте и о доме. Ей был нужен Смоль. Она впустила его в свою жизнь, потому что он ей нравился, дарил новые ощущения. Когда девушка собирается выйти из дома, кот запрыгивает к ней на колени: не хочет, чтобы та уходила. С течением времени Смоль все больше привязывается к ней, и теперь Алина выходит только для того, чтобы пойти на пары. Когда зовут гулять, говорит, что занята или что у нее болит голова. Никому не рассказывает о коте, даже своим соседкам. Это ее секрет. Сама

Pece però perde peli, se ne trovano ovunque, sul letto, sui vestiti, sulla sedia. E richiede molte attenzioni. Appena Alina entra nella stanza Pece le corre incontro, le fa le fusa, le chiede carezze e da mangiare. Alina sempre più spesso dà a Pece il suo cibo, qualche fetta di prosciutto, un pezzo di pane, una fetta di mela.

Alina ha sempre meno voglia anche di studiare. Quando si mette alla scrivania Pece sale sulle sue gambe e poi, una zampa per volta, si arrampica sulla scrivania stessa posandosi sul suo computer. Alina non se la sente di spostarlo, pensa “che male può fare se per oggi non studio”, e lo pensa ogni volta, con tutti quegli “oggi” che diventano una settimana, un mese.

Tre sono i mesi che Pece è con lei. Alina riflette su quanto veloce la vita possa cambiare, in meglio, in peggio, niente le è neutrale. Ha smesso di andare all’università. Quando i suoi genitori la chiamano dice che va tutto bene, e in fondo lo crede davvero. Si sentiva sola appena dopo il trasloco e prima dell’arrivo di Pece, incompresa. Ma ora in quella solitudine lei si accuccia. Non può stare male fuori se fuori non ci va. Quindi forse è vero che sta meglio. Si culla in questo pensiero perché non riesce a vedere oltre.

Non esce più di casa. Tutto quello che non mangia lei lo dà al gatto. È sempre più magra. Come se lentamente Pece avesse iniziato a nutrirsi di lei.

Alina ora copre, ogni volta che riesce ad alzarsi, una distanza di soli cinque passi. Sono quelli dal letto al bagno, appena fuori la sua porta, e poi dal letto all’armadio. Ma l’armadio resta chiuso. C’è uno specchio proprio sull’anta. Alina guarda i suoi occhi bianchi venati di rosso, sono opachi ma pulsano. È l’immagine distorta di sé, o forse è come è davvero, nella felpa blu coperta di peli neri. Non sa se riesce più a riconoscersi, è come se si guardasse dall’esterno, con un velo di nostalgia in quella stanza dalle pareti bianche. Bianche come i suoi occhi, come la sua pelle, bianche come tutte le pareti delle case degli studenti. È un contrasto fortissimo con la stanza che diventa sempre più nera di Pece. Forse per la prima volta da mesi, Alina piange. Sono poche lacrime, che portano via quasi tutti i liquidi che ha in corpo. Piange e si rende conto che qualcosa non va. Che non sta bene. Pece è ai suoi piedi e lei lo prende in braccio. Mentre lo stringe a sé guarda dritto nei suoi occhi, profondi senza fine, e fa un pensiero che vorrebbe scac-

не зная почему, она боится, что никто не поверит: у нее и в самом деле есть питомец. Решат, что это всего лишь отговорка.

Смоль без зазрения совести играет со всем, что подвернется. Залезает на кровать, заползает в шкаф и трется об одежду, при этом никогда не выпускает когти и не кусается. Кот ластится к Алине, и она задумывается о том, что могла бы проводить с ним все свое время. Как было бы хорошо!

Но Смоль линяет. Его шерсть повсюду: на кровати, на одежде, на стульях. К тому же он требует много внимания. Как только девушка входит в комнату, кот бежит ей навстречу, мурлычет, просит корма и ласки. Она все чаще отдает ему свою еду: кусочек ветчины или хлеба, ломтик яблока.

У Алины становится все меньше желания учиться. Как только она садится за письменный стол, Смоль запрыгивает к ней на руки, а потом лапка за лапкой забирается на стол и ложится на компьютер. Не хочется тревожить его: «Ну, не позанимаюсь я один день, и что с того?» И так каждый раз. Постепенно «один день» превращается в недели, месяцы.

Вот уже три месяца как Смоль живет с ней. Алина думает о том, как быстро меняется жизнь: то в лучшую, то в худшую сторону, – нет бы что-то среднее. Она перестала ходить в университет. Когда звонят родители, говорит, что у нее все хорошо, и в глубине души действительно в это верит. С момента переезда и до того, как в ее жизни появился Смоль, ей казалось, что никто ее не понимает. Теперь же она с головой погрузилась в одиночество. Не может же ей быть плохо наружи, если она наружу совсем не выходит? Может, так и вправду лучше? Она убаюкивает себя этой мыслью, потому что не видит другого пути.

Алина больше не выходит из дома. Все, что она не доела, отдается коту. Она тает на глазах, будто Смоль ею питается.

Теперь каждый раз, когда удастся встать, девушка преодолевает расстояние в пять шагов. Именно столько от ее кровати до туалета (прямо напротив двери), а потом от кровати до шкафа. Шкаф остается закрытым. На его дверце – зеркало. Алина видит свои белые, с красными прожилками глаза: тусклые, но подергивающиеся. Ее ли это искаженное или, может быть, как раз настоящее отражение в покрытой черной шерстью синей толстовке? Девушка уже не понимает, узнаёт ли

ciar via: forse dovrebbe liberarsi di quel gatto. Da quando ce l'ha ha smesso di uscire di casa, non mette neanche i piedi fuori dalla sua stanza, se non per il bagno, ha smesso di studiare, non sa più concentrarsi. Prima non andava certo tutto bene, ma adesso ha anche smesso di provarci. Deve lasciare Pece a qualcun altro forse. Ma quell'idea le fa male al cuore. Lo stringe ancora più forte e lui fa delle fusa consolanti. Non riesce a separarsene. C'è un senso di sicurezza in quella palla di pelo nero, fuori tutto le fa paura, perché tutto anche la stanca. Invece nella stanza, coperta di peli di Pece, lei un po' ci sta bene, nessuno può toccarla lì, niente la può deludere. Si sente protetta nella sua immobilità. Alina quella sera va a dormire pensando a questo male che la fa stare bene.

Dorme dieci ore, apre gli occhi e Pece le sta sul petto, Alina prova a spostarlo ma non riesce, sembra essersi artigliato alla sua maglietta. Prova ad alzarsi lei ma Pece inizia a miagolare, le pare quasi con prepotenza. Alina pensa che in fondo può dormire ancora un po'. E lo fa, altre due ore.

Alina dorme fino a tardi e quando si sveglia è ancora stanca, si alza e Pece le rimane attaccato alla gamba, lei sente i piedi pesantissimi, prova a camminare ma fa fatica, le fa male la testa e pure la pancia, le fa male il petto, si guarda la maglia ed è piena di peli di gatto neri, li strofina via ma restano lì, è uno strato spesso e denso e nella stanza pure, il nero ha coperto tutto, non vede più il computer né i suoi libri e non vede più l'armadio ma tanto non si cambia i vestiti, non si fa neanche la doccia, è una settimana che non si lava forse di più, mangia solo alcuni cracker che sono rimasti nella stanza perché non esce e ogni tanto le coinquiline bussano alla sua porta ma lei non risponde o dice che sta male e loro dopo un po' hanno smesso di interessarsi, chissà cosa pensano di lei, ma ad Alina non importa, vuole solo dormire ancora, vuole piangere e stringersi nel letto, vuole liberarsi di Pece perché ha capito che non le fa bene ma non sa rinunciare a quel calore così intenso, Pece che l'ha rinchiusa in casa e si muove nella stanza come se gli appartenesse da sempre e quando Alina prova a uscire lui la artiglia e la tiene dentro e Alina è stanchissima. Resta a letto.

себя. Она как будто бы печально наблюдает со стороны за всем происходящим в комнате с белыми стенами. Белыми, как ее глаза и кожа, как все стены студенческих жилищ. Разительный контраст с комнатой, которая становится все чернее из-за кота. Алина плачет. Возможно, первый раз за несколько месяцев. Те несколько слезинок, что выступили у нее на глазах, – последняя оставшаяся в ней жидкость. Она плачет и понимает: что-то идет не так. Ей плохо. У ее ног возникает Смоль, Алина берет его на руки. Когда она прижимает кота к себе и смотрит в его бездонно глубокие глаза, у нее возникает мысль, которую хочется прогнать. Может, ей лучше избавиться от кота? С тех пор, как у нее появился Смоль, она перестала выходить из дома, даже порог комнаты не переступает (разве что ходит в туалет). Бросила учиться, не может сосредоточиться. Все и раньше было так себе, но теперь она даже не пытается что-то поменять. Наверное, надо отдать кота кому-нибудь другому. При этой мысли у нее сжимается сердце. Она сильнее прижимает зверька к себе, а тот в ответ утешающе мурлычет. Алина никак не решается расстаться с ним. Маленький комочек черного меха дарит ей ощущение безопасности. Все вокруг пугает девушку, она от этого устала. А в комнате, покрытой кошачьей шерстью, ей спокойно. Ничто ее не тревожит, ничто не разочаровывает. В этой неподвижности она чувствует себя защищенной. Под вечер Алина засыпает, думая о недуге, с которым ей так мучительно хорошо.

Проспав десять часов, она открывает глаза и видит у себя на груди кота. Алина пытается снять его, но не может: он словно вцепился когтями в футболку. Она пробует подняться, но Смоль протестующе мяукает. Девушка решает, что может еще немного подремать, и засыпает на два часа.

Алина спит допоздна. Когда она, абсолютно разбитая, встает с кровати, Смоль виснет у нее на ноге. Ноги наливаются тяжестью. Девушка пытается сдвинуться с места, но не может. У нее болят голова и живот, ломит грудь. Она смотрит на покрытую кошачьей шерстью футболку. Попытка стряхнуть с себя шерстинки ни к чему не приводит: они лежат толстым и плотным слоем по всей комнате. Чернота покрывает все: под ней больше не видно компьютера, книг. Даже шкафа. Хотя, какая, собственно, разница. Алина все равно не меняет одежду. И душ не принимает. Она не

Presto Alina si rende conto che Pece si è preso tutto lo spazio della sua vita, tutte le capacità della sua mente. Le ha risucchiato via la voglia di qualsiasi cosa. Alina non pensa ad altro, a volte le sembra di non pensare proprio. Alina sta male e la colpa è di Pece.

Ma Alina è allergica ai gatti. Così allergica che se dovesse trovarsi in una stanza con un gatto per qualche ora potrebbe avere gravi problemi respiratori.

Alina infatti non ha mai avuto un gatto.

E quell'inferno di peli neri, nerissimi che vede non è altro che tutto il buio che ha dentro.

Alina ora non si alza più dal letto, continua ad accarezzare Pece sul suo petto perché quel buio ormai è l'unica cosa che conosce.

мылась неделю, а может и больше. Питается остатками крекеров, потому что никуда из комнаты не выходит. Время от времени соседки по квартире стучатся к ней, но она либо не отвечает, либо говорит, что плохо себя чувствует. Те вскоре перестают наведываться. Что о ней думают? Впрочем, Алине это не важно. Ей хочется только спать, плакать, сжавшись в комочек на кровати. Она мечтает избавиться от кота, потому что прекрасно понимает, что ей с ним плохо. Но у девушки нет сил расстаться с теплым живым зверьком, запершим ее в четырех стенах. Он расхаживает по комнате, как настоящий хозяин. Когда Алина пытается выйти, Смоль вцепляется в нее когтями и удерживает внутри. Девушка так устала. Она остается в кровати.

Вскоре Алина понимает, что вся ее жизнь, все мысли подчинены коту. Он высосал из нее последние силы. Алина больше ни о чем не думает. Иногда ей кажется, что она не думает вообще. Она больна и виной тому – Смоль.

Но у Алины аллергия на кошек. Такая, что если бы она несколько часов находилась с животным в одной комнате, у нее начались бы серьезные проблемы с дыханием.

На самом деле у Алины никогда не было кота.

Черный шерстяной ад, что она видит вокруг, – ничто иное как тьма у нее внутри.

Алина больше не встает с кровати. Она все ласкает и ласкает кота на груди. Тьма – вот все, чем теперь живет эта девушка.

Nota critica

Il racconto *Pece* di Lorenza Maffei affronta con profonda delicatezza e sensibilità il tema della depressione. La protagonista Alina si è trasferita in un'altra città per studiare all'università e condivide senza particolare entusiasmo un appartamento con delle coinquiline. L'insorgere del suo disagio coincide con l'aver adottato un gatto nero, Pece, che sin da subito le si affeziona moltissimo e al quale finisce per dedicare tutto il suo tempo – trascurando progressivamente le coinquiline, gli amici, lo studio, le uscite, e poi persino il cibo e la sua igiene personale. Pur di restare insieme a Pece, Alina non esce più dalla sua cameretta e passa le giornate a letto a coccolarlo. Più passa il tempo, e meno riesce a staccarsi da lui – in un rapporto che da affettuoso diventa morboso. Soltanto nel finale il lettore capisce che Pece è la metafora della depressione che si è fatta strada in Alina, in realtà allergica ai gatti: «E quell'inferno di peli neri, nerissimi che vede non è altro che tutto il buio che ha dentro». Lorenza Maffei rielabora con cura la tradizione antropologica legata al gatto nero, trasformandolo da creatura dal valore scaramantico in simbolo tragico della depressione di Alina, poiché «quel buio ormai è l'unica cosa che conosce». Ed è un buio nel quale la ragazza è sprofondata senza quasi accorgersene, come risucchiata dal gioco di seduzione di uno scaltro felino.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

В рассказе «Смоль» Лоренца Маффеи с особой деликатностью и чуткостью затрагивает тему депрессии. Главная героиня, Алина, ради учебы в университете переезжает в другой город, где без особого воодушевления вместе с еще двумя девушками снимает квартиру. Проблемы возникают, когда она решает приютить черного кота по кличке Смоль, который с самого начала к ней привязывается и которому она в конце концов посвящает все свободное время. Постепенно девушка перестает общаться с соседками и друзьями, учиться, гулять, а потом и вовсе есть и следить за собой. Чтобы не расставаться с котом, Алина не выходит из комнаты и целыми днями лежит на кровати, лелея питомца. Чем больше проходит времени, тем сложнее ей оторваться от него. Нежность к коту постепенно перерастает в болезнь. Только в конце читатель понимает, что Смоль — метафора депрессии, постепенно поглотившей Алину (у которой на самом деле аллергия на кошек): «Черный шерстяной ад, что она видит вокруг, – ничто иное как тьма у нее внутри». Лоренца Маффеи опирается на антропологическую традицию, связанную с черной кошкой, трансформируя суеверие в трагический образ депрессии: «Тьма – вот все, чем теперь живет эта девушка». Словно обольщенная хитрым котом, Алина, сама того не осознавая, канула во тьму.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Lorenza Maffei (2000) dopo il diploma al liceo scientifico ha intrapreso una strada creativa e nel 2022 si è laureata in Arti narrative a Torino. Si è poi spostata a Bologna per frequentare un master in Editoria. Dopo un breve periodo di lavoro a Milano, è tornata a Torino dove oggi è impegnata in diversi mestieri editoriali. Si dedica a hobby creativi e si interessa di divulgazione sulla salute mentale. È volontaria di un servizio di ascolto e supporto emotivo telefonico.

Биография

Лоренца Маффеи (2000) после окончания научного лицея выбрала творческую профессию, училась в Турине, получила диплом по специальности «искусство повествования». Позже переехала в Болонью, где окончила магистратуру по специальности «издательское дело». Некоторое время работала в Милане, но вернулась в Турин, где сейчас трудится в разных сферах, связанных с книгоизданием. Свободное время посвящает творчеству, занимается распространением информации о психическом здоровье. Волонтер телефонного сервиса психологической поддержки.

Pier Lorenzo Pisano

Traduzione in russo di Anna Perova

Пьер Лоренцо Пизано

Перевод на русский язык Анны Перовой

OTTOVOLANTE

C'è un mucchio di gente, e tra la gente ci sei tu che stringi una mano, non vedi niente ma continui a camminare.

Ogni tanto inciampi, forse hai anche un laccio slacciato, ma quella mano, più grande della tua, calda, ti continua a portare in avanti.

A volte senti dei suoni distorti, voci che si lamentano, ma continui ad andare, la tua mano sinistra la fai scorrere sul corrimano metallico che adesso ti trascina verso l'alto, è iniziata una salita.

Guardi le tue scarpe sugli scalini, calpesti i tuoi lacci sciolti, la gente è sempre più numerosa e compatta, più alta di te, non vedi cosa ci sarà dopo, vedi solo la mano che ti guida.

Poi arrivano delle luci abbaglianti, come luci di ambulanza, intermittenti, colorate, che colpiscono un volto con la barba, il volto che appartiene alla mano che ti trascina: il volto di tuo padre, con i capelli sudati e gli occhiali che riflettono i lampi arancioni e blu.

Stanno comparando anche altre figure, illuminate nella sera, sono bambini come te, e sono i loro genitori, e sono gruppi di ragazzi in felpa, tutti in fila, si spingono e ridono forte.

Il corrimano ora si raddrizza, la salita si appiattisce, e vi ritrovate fermi in coda. Poco più in là si vedono finalmente le rotaie verdi, e dei vagoni bassi pieni di ragazzini.

È tutto più intenso: le urla della gente che saltella per l'eccitazione, e il sudore sulla camicia di tuo padre, che cammina sempre più lento, strascica i piedi e stringe la tua mano, ma quasi scivola via la tua minuscola mano da bambino. Lui resta in silenzio, non dice niente, mentre tu ti sporgi per vedere cosa succede, per vedere dove finiscono i vagoni che si alternano rapidi uno dopo l'altro.

Papà.

Ci siamo quasi piccolo.

E poi ti prende in braccio.

Da lì, da sopra alle spalle di tuo padre, vedi tutto: la folla che sfocia nei sedili, il continuo ricambio di persone, il vento che smuove i capelli di quelli che aspettano, i binari che si attorcigliano. E ancora più in là: lampioni tondi e abbaglianti, le musiche di tutte le attrazioni che si impastano e il vociare di tutte le persone che si trasforma in un unico ronzio eccitato.

АТТРАКЦИОН ЖИЗНИ

Море людей, и среди этих людей – ты. Сжимаешь руку, ничего не видно, но продолжаешь идти.

Порой ты спотыкаешься, возможно еще и потому, что развязался шнурок, но эта рука, горячая, намного больше твоей, продолжает вести тебя за собой.

Иногда ты слышишь странные звуки, плаксивые голоса, но продолжаешь идти, твоя левая рука скользит по металлическому поручню, который увлекает вверх, начинается подъем.

Ты стоишь на ступеньках и смотришь на свои ботиночки, топчешься на развязавшихся шнурках, людей все больше, они обступают, все выше тебя, ты не видишь, что там впереди, видишь только руку, которая тебя ведет.

Затем загораются яркие огни, точно такие же, как у скорой помощи, мерцающие, разноцветные, они озаряют бородатое лицо, лицо того, чья рука влечет тебя за собой: это лицо твоего отца, с мокрыми от пота волосами, в его очках отражаются оранжевые и синие вспышки.

В вечерних сумерках возникают все новые и новые фигуры: дети, такие же, как и ты, и их родители, и компании ребят в толстовках – все они стоят в очереди, толкаются и громко смеются.

Поручень спрямляется, подъем закончился, тем временем очередь снова застывает. Чуть дальше, наконец, можно разглядеть зеленые рельсы и низкие вагонетки, полные ребятишек.

Все вокруг становится еще более оживленным: люди кричат, подпрыгивая от восторга; твой отец, в мокрой от пота рубашке идет все медленнее, еле передвигая ноги, он сжимает твою руку – настолько маленькую, что так и норовит выскользнуть. Он молчит, не говорит ни слова, а ты тянешься вверх, чтобы разглядеть происходящее, чтобы увидеть, куда одна за другой исчезают вагонетки.

Па-ап.

Уже скоро, малыш.

А затем берет тебя на руки.

Оттуда, поверх плеч твоего отца, ты видишь все: людей, которые вжимаются в сиденья; лица, которые сменяют друг друга; волосы, которые развеваются от сильного потока воздуха у тех, кто ждет своей очереди; рельсы, которые извиваются. А еще дальше ярко светят круглые фонари, музыка, разная на всех аттракционах, звучит как единое целое, а крики людей сливаются в единый восторженный гомон.

In braccio a tuo padre, quelle fitte di luce, di strilli, e il freddo della sera, non ti possono colpire, quel mondo troppo colorato che ti riempie gli occhi è lontano, lo allontana lui con le sue braccia che ti avvolgono e con la sua mano che ti accarezza la testa.

E ora papà procede a passo spedito, segue la fila che avanza più velocemente, manca poco, qualche metro, ti viene un sorriso grande, è la tua prima volta sulle montagne russe.

Però poi papà prende una battuta d'arresto.

Si mette di lato, cominciano a superarvi, lui fa un cenno come a dire aspetta aspetta, e poi ti fa scendere giù, si abbassa alla tua altezza, ti dà un bacio in fronte.

Adesso andiamo piccolo, solo un momento, non si respira con tutta questa gente.

Sarà una cosa divertentissima.

Lui si leva gli occhiali, asciuga la fronte, si sbottona due bottoni della camicia e si rialza in piedi, prendendoti per mano.

Sì, ti prometto che sarà divertentissimo.

Ecco di nuovo la fila, ecco di nuovo i bagliori colorati, ecco il rumore ferroso che stride sui binari, ecco ecco si sente tutta l'aria che si sposta, ecco ecco, adesso tocca a noi.

La mano di papà è strettissima, sembra non volerti lasciare andare.

Ti siedi dentro una specie di scatola squadrata, di plastica dura, un po' scomoda, non è fatta su misura per te, questa è una giostra da ragazzi grandi, più grandi di te, ma comunque ti siedi, ti spingi verso il fondo e sopra di te si abbassa una maniglia nera metallica, freddissima, ti ci aggrappi con tutte le braccia.

Papà è di fianco a te, sorride, dice che adesso vi farete un sacco di risate, si siede, cerca di tirare giù la maniglia anche lui, è un po' impacciato, ecco, si è seduto bene ora, ti sorride e poi guarda avanti, guarda il vagone davanti al vostro che viene sparato via, tu saltelli i piedi dentro il muso spigoloso della carrozza, non vedi l'ora. C'è una corrente d'aria fortissima, non senti più niente, solo la presa sulla sbarra metallica, e il tuo respiro.

E poi, all'improvviso, papà spinge con forza la maniglia, la spinge con un movimento unico, di scatto, la sgancia e si alza in piedi, salta via e in un attimo è fuori: è uscito dalla giostra, si appoggia contro la parete, quasi accasciato, il volto pallido, si toglie gli occhiali, trattiene un conato di vomito.

Fai appena in tempo a vedere che prova a rialzarsi, che prova a tornare indietro, che fa un passo verso di te, e il tuo vagone parte, e tu sei da solo, di fianco a te non c'è nessuno, papà scompare, e tu sei solo.

Ты на руках у отца, вокруг огни, крики и вечерняя прохлада, но ты в безопасности; слишком яркий мир, который слепит глаза, – далеко, от него ограждает тот, чьи руки обхватывают тебя, поглаживая по голове. Теперь папа идет спешным шагом, следуя за очередью, которая продвигается все быстрее, еще чуть-чуть, несколько метров, ты широко улыбаешься, ты впервые на американских горках.

Но тут папа вдруг останавливается.

Отходит в сторону, вас начинают обгонять, он делает знак, словно говоря: «Сейчас, погоди». Затем ставит тебя на землю, наклоняется и целует в лоб.

– Сейчас пойдём, малыш, погоди, вокруг столько людей, что нечем дышать. Будет очень весело.

Он снимает очки, вытирает лоб, расстегивает две пуговицы на рубашке, выпрямляется и берет тебя за руку. Вот увидишь, будет очень весело, обещаю.

И снова очередь, и снова разноцветные огни, и скрежет железных рельсов, и сильный поток воздуха, еще чуть-чуть, и следующие мы.

Папа крепко сжимает твою руку, словно не хочет тебя отпустить.

Ты садишься во что-то наподобие квадратной коробки из твердого пластика, она немного неудобная, большая для тебя, ведь это аттракцион для взрослых ребят, для ребят постарше, но ты все равно садишься, усаживаешься поглубже, и над тобой опускается черная металлическая перекладина, ужасно холодная, за которую ты крепко хватаешься обеими руками.

Папа рядом с тобой, улыбается, говорит, что сейчас вы вдоволь посмеетесь, садится, неуклюже пытается опустить свою перекладину, вот и он наконец уселся, улыбается тебе, а потом переводит взгляд на вагонетку перед вами, которая улетает вдаль, ты убираешь ноги под вытянутый угловатый кожух, ну, когда же уже? Сильный поток воздуха, ты больше ничего не слышишь, кроме своего дыхания, лишь держишься за металлическую перекладину.

И тут вдруг папа с силой, одним движением, резко отталкивает перекладину, поднимает ее, встает, выпрыгивает из вагонетки, и через мгновение его уже нет рядом: он уходит с аттракциона, прислоняется к стене, еле держась на ногах, его лицо совсем бледное, он снимает очки, сдерживая рвотные позывы.

Ты только успеваешь увидеть, как он пытается выпрямиться, хочет вернуться обратно, делает шаг в твою сторону, но твоя вагонетка уезжает, и ты остаешься один, рядом с тобой никого нет, папа исчез, ты совсем-совсем один.

Ты изо всех сил сжимаешь кусок холодного металла, вечерний сумрак накрывает тебя, ты чувствуешь пустоту вокруг, и теперь тебе действительно становится страшно, папы нет рядом, ты не можешь поверить

Stringi fortissimo il pezzo di metallo freddo, mentre il buio della sera ti arriva contro velocissimo, mentre senti il vuoto tutto intorno, e adesso hai davvero paura, papà non è con te, non riesci a crederci, non riesci a capire e vorresti piangere, ma l'aria in faccia ti secca gli occhi, e ora tutto si rimpicciolisce sotto di te, e non è più un parco giochi ma un mondo assurdo pieno di sagome fluorescenti, pieno di musica assordante e urla di paura, pieno di tutte cose dalle quali papà avrebbe saputo difenderti, se ci fosse stato lui sarebbe bastato sentire il suo corpo morbido vicino al tuo, sarebbe bastato chiudere gli occhi e appoggiarsi a lui, ma invece sei solo, e gli occhi li devi tenere aperti, non c'è nessuno che può farlo al posto tuo, e allora li apri, terrorizzato, nemmeno la forza di gridare, senti una spinta forte sulle gambe e in un istante ti ritrovi sospeso nel nulla, senza punti di riferimento, solo la sbarra che ormai è calda dove la stringi, la velocità aumenta ancora, e vorresti papà, quanto lo vorresti adesso. Poi la velocità diminuisce, e riesci a prendere fiato, comincia una salita lenta, lentissima, il vagone procede verso l'alto ancora un po' e poi si ferma del tutto. Davanti a te c'è un precipizio, respiri velocemente, vorresti scappare, vorresti saltare giù ma la sbarra ti tiene fermo. Dalla cima della scalata il vagone scatta di colpo: si butta di testa nel vuoto, stai cadendo, lo senti distintamente, stai cadendo giù senza controllo, urli, chiami papà.

E poi succede una cosa.

Succede che, non sai nemmeno perché, non sai nemmeno come, ma ti viene da ridere.

Cominci a ridere, non per il nervosismo, non per la paura.

Ti fa proprio ridere, questo brivido che senti, che dalle mani ti raggiunge in tutto il corpo, e gli strillette della gente, e le curve rapide che ti fanno spostare i fianchi, e i capelli che ti vanno sugli occhi, ti fanno ridere. Non riesci a trattenerarti, cominci a ridere senza fermarti, senza prendere fiato, ti sta piacendo, ti stai divertendo davvero, è una sensazione nuova, bellissima, sei da solo, stai volando, e ridi. Il vagone continua a lanciarsi tra i flash e il vento, e tu ridi senza riuscire a smettere, è proprio divertente, ora sei di nuovo gettato veloce verso il basso, e non vuoi più tornare indietro, e non chiami più papà, stai bene anche così, da solo, lanciato per aria, e spero che duri tantissimo, spero che duri per sempre questa sensazione e questo mondo che si srotola davanti a te, pieno di cose nuove e allucinanti, spero che ci sia ancora un altro giro e ancora un altro e un altro.

Ormai sei un puntino che schizza sulla ferraglia, la maniglia è l'unico appoggio che ti serve, non hai bisogno di papà, che chissà dov'è, chissà se ti segue con lo sguardo, chissà se si sente ancora male, chissà se sente che stai ridendo, chissà se si è reso conto che ce l'hai fatta anche da solo, che stai bene,

в это, не можешь осознать, и тебе хочется плакать, но поток воздуха осушает твои слезы, и теперь там, внизу, все кажется маленьким, это больше не парк аттракционов, а необычный мир с неоновыми очертаниями, наполненный оглушительной музыкой и пронзительными криками, полный всего того, от чего папа мог бы защитить; будь он рядом, достаточно было бы физически ощутить его присутствие, достаточно было бы закрыть глаза и прижаться к нему, но ты один, и ты вынужден открыть глаза, нет никого, кто мог бы сделать это за тебя, и вот ты их открываешь, в ужасе, ты не можешь даже закричать, чувствуешь сильный толчок снизу, и через мгновение ты уже в невесомости, без какой-либо опоры, только перекладина, которая уже стала горячей там, где ты ее сжимаешь, скорость становится все больше, как тебе нужен папа, как же он нужен именно сейчас!

Затем скорость становится меньше, и тебе удается перевести дыхание, начинается медленный подъем, очень-очень медленный, вагонетка еще немного проезжает вверх, а затем окончательно останавливается. Перед тобой пропасть, у тебя перехватывает дыхание, хочется сбежать, но перекладина удерживает тебя. С вершины аттракциона вагонетка срывается с места и резко ухает вниз в пустоту, ты падаешь, отчетливо ощущая это, стремительно летишь вниз, кричишь, зовешь папу.

Но потом кое-что происходит.

А происходит, – и ты не знаешь, как и почему, – что тебя начинает разбирать смех.

Ты начинаешь смеяться, это не нервное и не страх.

Тебя заставляет смеяться дрожь, которую ты ощущаешь, она начинается в руках и охватывает все твоё тело, и вскрики людей, и крутые повороты, на которых тебя бросает из стороны в сторону, и волосы, которые закрывают глаза, – все это заставляет тебя смеяться. Ты не можешь сдержаться и безостановочно безудержно смеешься, не переводя дыхание, ты наслаждаешься, по-настоящему веселишься, это новое ощущение, прекрасное, ты один, летишь и смеешься.

Вагонетка продолжает мчаться среди ярких огней и потоков воздуха, а ты не в силах перестать смеяться, это действительно весело, и вот ты снова стремительно падаешь вниз и не хочешь больше возвращаться обратно, не зовешь больше папу, тебе хорошо и так, одному, парящему в воздухе, и ты надеешься, что это будет длиться вечно, надеешься, что навсегда останется это ощущение и этот мир, который открылся перед тобой, полный новых и потрясающих открытий, надеешься, что будет следующий круг, а потом еще, еще, и еще.

Сейчас ты маленькая точка, которая стремительно несется по железному массиву, перекладина – это единственная опора, которая тебе нужна, тебе не нужен папа, который неизвестно где, неизвестно,

papà che all'ultimo ha avuto paura, papà che non ce l'ha fatta a seguirti, ad accompagnarti, a proteggerti, papà con i suoi occhiali, la camicia sudata e il volto terrorizzato, povero papà, che oggi non c'è per te, e forse succederà ancora, forse non ci sarà per sempre, lo capisci per la prima volta in quella corsa sull'ottovolante, che papà non ci sarà per sempre, è un pensiero che ti fa venire i brividi, come il vento freddo, ma dura un attimo, e poi è spazzato via dall'adrenalina e dalla velocità, c'è ancora così tanto tempo davanti a te, c'è ancora così tanto binario davanti a te, non ci pensare ancora, non ci pensare.

Un altro scossone improvviso, ti manca il fiato, sei da solo sospeso nel cielo, ci sei solo tu, ma che ti importa, la carrozza gira sempre più rapidamente, forse davvero non si fermerà più, forse davvero non tornerai giù a terra, e ti andrebbe anche bene, sbatti i piedi, strilli con tutto il fiato che hai.

Non hai più paura, non hai più bisogno di niente, e ridi, ridi, ridi.

наблюдает ли он за тобой, неизвестно, стало ли ему лучше, неизвестно, слышит ли он, как ты смеешься, неизвестно, понял ли он, что ты справился со всем сам, что с тобой все в порядке, твой папа, который в последний момент испугался, папа, который не смог пойти с тобой, быть рядом, защитить тебя, твой папа в очках и мокрой от пота рубашке, с испуганным лицом, бедный папа, которого сейчас нет рядом; и, возможно, это случится снова, возможно, он не всегда будет рядом, ты впервые осознаешь это здесь, на аттракционе, папа не всегда будет рядом, и только от одной этой мысли тебя бросает в дрожь, словно от холодного ветра, но это длится лишь мгновение, а затем адреналин и скорость накрывают тебя с головой, у тебя впереди столько времени, впереди еще такой длинный путь, не думай об этом, не сейчас. Еще один резкий толчок, у тебя перехватывает дыхание, ты один, повис в небе, здесь только ты один, но это не имеет значения, вагонетка движется все быстрее и быстрее, возможно она и правда больше не остановится, возможно ты действительно не вернешься на землю, и ты вовсе не против, ты колотишь ногами и кричишь во весь голос. Тебе больше не страшно, тебе никто не нужен, и ты смеешься, смеешься, смеешься.

Nota critica

Il racconto *Ottovolante* di Pier Lorenzo Pisano parla del rapporto tra padre e figlio che si rinsalda e cresce in un momento di svago al luna park. Il punto di vista privilegiato è quello del figlio, un bambino che si lascia guidare dal padre mentre camminano nella calca: «Ogni tanto inciampi, forse hai anche un laccio slacciato, ma quella mano, più grande della tua, calda, ti continua a portare in avanti». La fiducia che il figlio ripone nel genitore è totale, assoluta: è piccolo e non vede bene dove sta andando, ma quella mano sicura che lo guida rappresenta tutte le sue certezze esistenziali. Il padre ha un malore e rinuncia a salire sull'ottovolante, sicché il figlio vive da solo quel viaggio di divertimento in cui tutto assume forme, proporzioni e colori diversi: la quotidianità si ribalta ed è emozionante lasciarsi trasportare in velocità tra le luci e la musica. Quel gioco diventa un percorso di crescita per il figlio che, pur avendo in certi momenti paura, è consapevole di non avere accanto il padre a rassicurarlo e proteggerlo. Per la prima volta il figlio capisce che non potrà sempre contare sul genitore; il suo giro iniziatico sull'ottovolante prosegue e l'istinto di sopravvivenza prende il sopravvento: «Non hai più paura, non hai più bisogno di niente, e ridi, ridi, ridi». Nella risata di questo bambino, Pier Lorenzo Pisano mostra al lettore la nascita di un piccolo uomo che impara a stare al mondo.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

В рассказе Пьера Лоренцо Пизано «Аттракцион жизни» речь идет об отношениях отца и сына, которые крепнут и развиваются во время похода в парк аттракционов. Повествование ведется от лица сына, следующего за отцом сквозь толпу: «Порой ты спотыкаешься, возможно еще и потому, что развязался шнурок, но эта рука, горячая, намного больше твоей, продолжает вести тебя за собой». Сын полностью, безгранично доверяет отцу; он маленький, и ему не видно, куда они идут, но уверенно ведущая его рука является крепкой основой его бытия. Отец почувствовал себя плохо и отказался от поездки на аттракционе, поэтому сын проживает один веселое путешествие в разноцветный мир, где все принимает причудливые формы. Привычная жизнь переворачивается, ведь так волнительно мчаться среди огней и музыки. Поездка на аттракционе становится этапом взросления сына, который, хотя иногда ему страшно, осознает, что папа не всегда будет рядом, чтобы успокоить и защитить. Впервые сын понимает, что не сможет всегда полагаться на отца; первая в жизни поездка на аттракционе продолжается, инстинкт выживания берет верх: «Тебе больше не страшно, тебе никто не нужен, и ты смеешься, смеешься, смеешься». Сквозь призму детского смеха Пьер Лоренцо Пизано показывает читателю рождение маленького мужчины, который учится жить в этом мире.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Pier Lorenzo Pisano (1991) è scrittore e regista di cinema e teatro. Si è diplomato in regia presso il Centro Sperimentale di Roma e ha esordito con il cortometraggio *Così in terra*, presentato in concorso al 71° Festival di Cannes e selezionato in più di cinquanta festival internazionali. Il suo secondo cortometraggio *Antiorario* è stato prodotto e presentato dal 72° Festival di Locarno. Per il teatro è stato autore in residenza presso il New York Theater Workshop e il Royal Court Theatre, e artista associato presso il Piccolo Teatro di Milano. I suoi testi teatrali sono tradotti in quattordici lingue e rappresentati in teatri e festival internazionali. Ha ricevuto numerosi riconoscimenti tra cui i Premi Riccione, Solinas, Tondelli, Hystrio. Ha pubblicato *Il buio non fa paura* (NN), *Carbonio* (Il Saggiatore), *Per il tuo bene, Semidei* (Einaudi).

Биография

Пьер Лоренцо Пизано (1991) – писатель, режиссер театра и кино. Получил диплом режиссера в Экспериментальном центре кинематографии в Риме, дебютировал короткометражным фильмом «Так на Земле», который был представлен в конкурсной программе 71-го Каннского кинофестиваля, а также отобран для показа на более чем пятидесяти международных фестивалях. Его второй короткометражный фильм «Против часовой стрелки» был представлен на 72-ом кинофестивале в Локарно. Сотрудничал в качестве драматурга с Нью-Йоркской театральной мастерской и лондонским Театром Роял-Корт, был приглашенным автором в миланском Театре Пикколо. Его пьесы переведены на четырнадцать языков и ставятся в театрах разных стран, участвуют в международных фестивалях. Отмечен многочисленными наградами, среди которых Премии Риччоне, Солинас, Тонделли, Гистрион. Среди его книг «Сумрак не страшен» («Il buio non fa paura», NN, 2021), «Углерод» («Carbonio», Il Saggiatore, 2022), «Для твоего блага. Полубоги» («Per il tuo bene, Semidei», Einaudi, 2023).

Matteo Alberto Sabatino

Traduzione in russo di Malika Gil'manova

Маттео Альберто Сабатино

Перевод на русский язык Малики Гильмановой

COSA SUCCEDERÀ

«Mettiamola così: sono qui perché desidero imparare un po' di ciò che tu hai imparato».

«Un po'?»

«Poco è troppo?» domando.

«Di solito sì».

Un ghigno gli graffia il viso. Direzione le pupille sull'altalena in volo.

Continua: «Chi ti assicura che io possieda un sapere superiore al tuo?»

«Me lo testimonia il fatto» rispondo, «che tu abbia previsto questo nostro incontro. Tu sapevi quando sarei arrivato».

«Ti sbagli» sussurra, «sapevo soltanto che saresti venuto da me. Non quando».

«Ma la ragione» dico, «la ragione dell'incontro» preciso, «qual è?»

«Non è ovvio?» rilancia. «Sei il mio rimpiazzo».

«Rimpiazzo» mormoro fra i denti.

«Corretto».

«E se non io volessi esserlo?» chiedo. «Se io volessi conoscere...»

Silenzio.

Proseguo: «Se io volessi semplicemente conoscere. Conoscere e basta. Si potrebbe?»

«Certo. Ma non tramite me. Non gratuitamente».

«Quale sarebbe il tuo prezzo?»

«Il tuo subentro al posto mio» mormora.

«Non t'interessa nient'altro? Soldi, per esempio. Chiederò un prestito».

Scuote la testa.

«L'amore? L'amicizia? Hai una compagnia? Potrei presentarti a una donna, a un uomo. A diverse donne. A vari uomini».

«No».

«Ma dev'esserci qualcosa che ti manca» ribatto, «una cosa che vorresti avere».

ЧТО СЛУЧИТСЯ

— Скажем так: я здесь потому, что хочу узнать кое-что из того, что знаешь ты.

— Кое-что?

— Кое-что – это слишком? – спрашиваю я.

— Обычно да.

Оскал прорезал его лицо. Он направил зрачки на раскачивающиеся качели.

Продолжает: — Кто тебе сказал, что я знаю больше тебя?

— Мне это доказывает тот факт, – отвечаю я, – что ты предвидел нашу встречу. Ты знал, когда я приду.

— Ты ошибаешься, – шепчет он, – я знал лишь, что ты придешь ко мне. Когда – нет.

— Но причина, – говорю я, – причина встречи, – уточняю, – в чем она?

— Разве это не очевидно? – парирует он. – Ты моя замена.

— Замена, – бормочу я сквозь зубы.

— Верно.

— А если я не захочу ею быть? Если я захочу просто узнать...

Тишина.

Продолжаю: — Если я захочу просто узнать. Узнать – и все. Возможно ли это?

— Конечно. Но не через меня. Не бесплатно.

— Какова твоя цена?

— Ты должен занять мое место, – шепчет он.

— Тебя больше ничего не интересует? Деньги, например. Я могу взять кредит.

Он качает головой.

— Любовь? Дружба? У тебя есть компания? Я мог бы познакомить тебя с женщиной, с мужчиной. С разными женщинами. С разными мужчинами.

— Нет.

— Но ведь должно же быть что-то, чего тебе не хватает, – возражаю я, – что-то, что тебе

Lui si alza dalla panchina. Fa un passo, due, tre.
«Un erede» dice, «vorrei un erede».
«E sarei io».
Annuisce.
«Spiegami come si fa» bisbiglio.
Le sue sclere lampeggiano di un'emozione che fatica a riconoscere. Torna a sedersi accanto a me.
Una bambina in bicicletta sfreccia di fronte a noi sventolando un fazzoletto celeste.
«Non so come si fa».
«Che vuoi dire?»
«Che lo faccio senza sapere come».
«Quindi non puoi insegnarmelo».
«Temo di no».
Allungo il braccio. Me lo stringe fra le dita callose.
«Allora ciao».
«Ciao» sibila.
Mi allontanano. Cammino seguendo le indicazioni per l'uscita dal parco.
Il cancello.
«Aspetta».
Mi volto. Socchiudo gli occhi. Sollevo il capo. Un'onda luminosa scalda le mie palpebre.
Uso il dorso della mano per oscurare il sole.
«Ti ascolto».
«Non mi è possibile insegnarti come si fa».
«Me l'hai già detto».
Annuisce.
«Ma potrei esserti comunque d'aiuto» aggiunge.
Pausa.
«In che modo?»
«Ti mostrerò come si dimentica un desiderio».

хочется иметь.

Он встает со скамейки. Делает шаг, два, три.

— Наследник, – говорит он, – я хотел бы наследника.

— Им должен стать я?

Он кивает.

— Объясни, как это делается, – шепчу я.

Белки его глаз вспыхивают чувством, которое мне трудно распознать. Он снова садится рядом. Девочка на велосипеде пронесется перед нами, размахивая голубым платком.

— Я не знаю, как это делается.

— Что ты хочешь сказать?

— Что я делаю это, не зная как.

— Значит, ты не можешь научить меня.

— Боюсь, что нет.

Протягиваю руку. Он сжимает ее своими мозолистыми пальцами.

— Тогда пока.

— Пока, – шепчет он.

Я ухожу. Иду, следуя указателям, к выходу из парка.

Ворота.

— Постой.

Я оборачиваюсь. Прищуриваюсь. Поднимаю голову. Световая волна согревает мне веки.

Подношу руку к лицу тыльной стороной, чтобы закрыться от солнца.

— Я слушаю.

— Я не могу научить тебя, как это делается.

— Это ты уже говорил.

Он кивает.

— Но все же я мог бы тебе помочь, – добавляет он.

Пауза.

— Каким образом?

«Ah».

«Se vuoi».

«Sei capace di dimenticare un desiderio?»

«No» risponde, sicuro, in un soffio, abbozzando un lieve inchino. «Però posso insegnare a farlo».

Mi fa cenno di seguirlo. Acconsento. Indica un'auto rossa, rigata su un fianco.

«Sali».

«Non credo sia il caso».

«Hai paura?»

«No».

«Hai paura».

«Un momento. Ho un dubbio: come puoi insegnarmi una cosa che non sai fare?»

Ride. Spalanca la portiera.

E sentenza: «Nella stessa maniera in cui non posso insegnarti una cosa che so fare. Adesso sali, forza».

Eseguo.

Posa le mani sul volante.

Semaforo.

Luce verde.

Curva.

Frenata dolce. Strisce pedonali.

Sull'asfalto atterra la stampella di una donna infortunata. Un bambino la raccoglie e gliela porge. Lei non ringrazia e riprende lentamente il cammino verso il marciapiede. Clacson.

«Dove stiamo andando?» chiedo.

Nessuna risposta.

Altra curva.

«Eccoci».

Parcheggia.

«Cos'è questo posto?»

— Я покажу тебе, как забыть желание.

— А.

— Если захочешь.

— Ты умеешь забывать желания?

— Нет, – отвечает он уверенно, еле слышно, слегка склоняя голову. – Но могу научить этому. Он жестом предлагает следовать за ним. Я соглашаюсь. Он указывает на красную машину, исцарапанную сбоку.

— Садись.

— Думаю, не стоит.

— Боишься?

— Нет.

— Боишься.

— Минуточку. У меня сомнение: как ты можешь научить меня тому, чего сам не умеешь? Он смеется. Распахивает дверцу.

И изрекает: — Точно так же, как я не могу научить тебя тому, что умею. А теперь садись, давай.

Я подчиняюсь.

Он кладет руки на руль.

Светофор.

Зеленый свет.

Поворот.

Плавное торможение. Пешеходный переход.

На асфальт падает костыль травмированной женщины. Мальчик поднимает его и подает ей. Она не благодарит и медленно продолжает путь к тротуару. Гудок.

— Куда мы едем? – спрашиваю я.

Ответа нет.

Еще один поворот.

— Приехали.

«Non lo vedi?» dice, e indica l'insegna del negozio.
«Ma cosa c'entra con il mio desiderio?»
Si gratta la testa.
«Entriamo» propone, sottovoce. «Ti va?»
«Non ho bisogno di un cellulare».
«Ti fidi di me?»
«No».
«Entriamo, su».
Mi agguanta per il polso. Superiamo l'ingresso. Al bancone una donna dichiara di chiamarsi Finalina.
«Finalina?» dico.
«Finalina, sì. Qualche problema?»
«No, no. Scusami. Piacere» dico.
«Però mia madre preferisce Alina».
«E tuo padre?»
«Pure».
«E perché non ti hanno chiamata Alina?»
Lei strabuzza gli occhi come folgorata da un'epifania.
«È libero?» le chiede lui.
«Liberissimo» risponde. «Prego».
L'uomo si avvia. Gli vado dietro. Attraversiamo una corsia semivuota. Giungiamo davanti a una tenda rossa. Ne aggancia un lembo con le dita della mano sinistra.
«Sei pronto?»
Annuisco.
Entriamo.
Un ripostiglio zeppo di scatoloni impolverati e sigillati.
«Cosa dobbiamo fare?» chiedo.
«Aprine una».
«Devo aprire una scatola?»

Паркуется.

— Что это за место?

— Разве не видишь? – говорит он и указывает на вывеску магазина.

— Но какое это имеет отношение к моему желанию?

Он почесывает голову.

— Зайдем, – предлагает он вполголоса. – Ты не против?

— Мне не нужен телефон.

— Ты мне веришь?

— Нет.

— Заходи, давай.

Он хватает меня за запястье. Мы проходим внутрь. Женщина за стойкой заявляет, что ее зовут Финалина.

— Финалина? – говорю я.

— Финалина, да. Что-то не так?

— Нет, нет. Извини. Приятно познакомиться, – говорю я.

— Но моя мама предпочитает «Алина».

— А отец?

— Тоже.

— Так почему же тебя не называли Алиной?

Она таращит глаза, словно внезапно прозрев.

— Свободно? – спрашивает он ее.

— Совершенно свободно, – отвечает она. – Прошу.

Мужчина направляется дальше. Я иду за ним. Проходим полупустое помещение. Оказываемся перед красной шторой. Он зацепляет ее край пальцами левой руки.

— Готов?

Я киваю.

Заходим.

Кладовая, забитая запечатанными, пыльными коробками.

«Esattamente».
«Una qualunque?»
«Una qualunque».
Rimuovo il nastro adesivo. La apro.
«Sembri perplesso» sussurra.
«Lo sono».
«Sceglie uno».
«Uno a caso, immagino».
Ride.
«Bravo. Uno a caso».
Prelevo un telefono.
«E ora?»
«Componi il tuo numero» mormora.
Esito.
Struscia pollice e indice sul suo labbro inferiore e punta lo sguardo sul pavimento.
«Che senso ha?» dico.
«Non è la domanda che mi aspettavo».
«Quale ti aspettavi?»
«Chi risponderà».
«So chi lo farà».
«Ti risponderà?»
«Lo spero» dico.
«Allora chiamalo» suggerisce, «ti lascio solo».
«E tu?» chiedo, «poi lo chiami anche tu?»
Serra le palpebre.

— Что мы должны сделать? – спрашиваю я.

— Открой одну.

— Я должен открыть коробку?

— Именно.

— Любую?

— Любую.

Снимаю скотч. Открываю.

— Ты выглядишь озадаченным, – шепчет он.

— Так и есть.

— Выбери один.

— Наугад, полагаю.

Он смеется.

— Молодец. Наугад.

Достаю телефон.

— И что теперь?

— Набери свой номер, – шепчет он.

Я колеблюсь.

Он трет большим и указательным пальцами нижнюю губу и упирается взглядом в пол.

— Какой в этом смысл? – говорю я.

— Не того вопроса я ожидал.

— А какого ты ожидал?

— «Кто ответит?»

— Я знаю, кто.

— Он ответит тебе?

— Надеюсь, – говорю я.

— Тогда позвони ему, – предлагает он, – я оставлю тебя одного.

— А ты? – спрашиваю я. – Потом ты тоже ему позвонишь?

Он смыкает веки.

Uscendo, chiosa: «Gli telefono da molti anni, ogni giorno. Ma a me non ha risposto mai».
Digito dieci numeri sul tastierino.
Uno squillo.
Due squilli.
Cinque squilli.

«Pronto» sibila.
«Sono Io».
«Anch'io sono stato Io» replica.
«E adesso, invece?»
Silenzio
«Sai come si dimentica un desiderio?»
«Quale hai?» chiede.
«Vorrei conoscere».
«E cosa?»
«Cosa succederà».
«Potrei raccontarti tutto».
«Fallo, ti supplico».
«Ti ucciderei».
«Avanti. Sono tutt'orecchi».
«Moriresti».
«Non avere pietà».
«Sicuro?»
«Vai».
«Sicuro sicuro?»
«Vai!»

Уходя, бросает: — Я звоню ему много лет, каждый день. Но мне он ни разу не ответил.

Набираю десять цифр на клавиатуре.

Один гудок.

Два гудка.

Пять гудков.

- Алло, - отзываются тихо.
- Это Я.
- Я тоже был Я, - отвечает голос.
- А теперь?
- Тишина.
- Ты знаешь, как забыть желание?
- Какое у тебя? - спрашивает голос.
- Я хочу знать.
- Знать что?
- Что случится.
- Я мог бы все тебе рассказать.
- Сделай это, умоляю.
- Это тебя убьет.
- Давай. Я весь внимание.
- Ты можешь умереть.
- Не надо меня жалеть.
- Уверен?
- Давай.
- Точно уверен?
- Давай!

Scosto la tenda.
Saluto Alina.
Salgo in auto.
Torno al parco.
Passeggio fino alla panchina.
Incomincia a piovere.
Una donna in bicicletta sventola un consunto fazzoletto celeste.
Un uomo si siede accanto a me.
«Sei proprio tu?» mi chiede.
«Sono proprio io».
«Sapevi che sarei venuto?»
Annuisco.
«Sai anche perché sono venuto?»
«Forse».
«Ho un desiderio».
«Tutti ne hanno uno».
«Mettila così: sono qui perché desidero imparare un po' di ciò che tu hai imparato».

Отодвигаю штору.
Прощаюсь с Алиной.
Сажусь в машину.
Возвращаюсь в парк.
Прогуливаюсь до скамейки.
Начинает накрапывать дождь.
Женщина на велосипеде размахивает потрепанным голубым платком.
Рядом со мной садится мужчина.
— Это правда ты? – спрашивает он меня.
— Правда я.
— Ты знал, что я приду?
Киваю.
— И знаешь, зачем я пришел?
— Пожалуй.
— У меня есть желание.
— Оно есть у всех.
— Скажем так: я здесь потому, что хочу узнать кое-что из того, что знаешь ты.

Nota critica

Con una scrittura dialogata scarna ed essenziale, il racconto *Cosa succederà* di Matteo Alberto Sabatino presenta due protagonisti senza nome – uno dalle mani callose e uno più giovane – che si incontrano in un parco e parlano di strane questioni di discendenza, del bisogno di avere un erede, della necessità di trasmettere qualcosa a chi verrà dopo. «Mettiamola così: sono qui perché desidero imparare un po' di ciò che tu hai imparato»: con questa frase si apre e si chiude tutta la narrazione, che il lettore scopre essere basata su un girotondo di situazioni che portano sempre a un incontro tra sconosciuti. Sebbene molto titubante, il giovane protagonista sta al gioco e si reca con il suo interlocutore in un negozio di telefonini: dopo averne estratto uno di vecchio modello nel magazzino, compone un numero e sorprendentemente riceve risposta. Il senso di questo gioco misterioso, che a tratti assomiglia a un voler sfidare la sorte, sta proprio nel vedere se una persona ha il coraggio di accettare un appuntamento al buio. Per questo il dialogo assume un tratto enigmatico, volutamente criptico, fatto di piccoli frammenti di pensiero che non arrivano mai – deliberatamente – a comporre un quadro esaustivo sul piano logico-razionale. Ispirato dai dialoghi del teatro dell'assurdo, Matteo Alberto Sabatino trova la molla che tiene in piedi il tutto e gli conferisce un senso: la curiosità. Ovvero il desiderio di sapere che cosa si può imparare dalle situazioni più bizzarre e meno prevedibili.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

В лаконичной, предельно сжатой диалоговой манере рассказ Маттео Альберто Сабатино «Что случится» представляет двух безымянных героев – одного с огрубевшими руками и другого, помоложе. Они встречаются в парке и неожиданно заговаривают о родстве, о потребности иметь наследника, о необходимости передать что-то тем, кто придет после. «Скажем так: я здесь, потому что хочу узнать кое-что из того, что знаешь ты»: этой фразой открывается и замыкается повествование, которое, как обнаружит читатель, основано на хороводе ситуаций, неизменно приводящих к встрече незнакомцев. Хотя и с большими сомнениями, молодой герой вступает в игру и идет со своим собеседником в магазин мобильных телефонов: достав там на складе старую модель, он набирает номер и, как ни удивительно, ему отвечают. Смысл этой таинственной игры, местами напоминающей попытку бросить вызов судьбе, как раз и заключается в том, чтобы увидеть, хватит ли у человека смелости принять приглашение на свидание вслепую. Поэтому диалог приобретает загадочный, намеренно зашифрованный характер, состоя из мелких обрывков мысли, которые намеренно так и не складываются в логически-рациональную, исчерпывающую картину. Вдохновляясь диалогами театра абсурда, Маттео Альберто Сабатино находит пружину, которая держит всю конструкцию и придает ей смысл: любопытство. А именно – желание узнать, чему же можно научиться в самых причудливых и наименее предсказуемых ситуациях.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Matteo Alberto Sabatino (1994) è scrittore, comunicatore e critico cinematografico. Ha conseguito con lode la laurea magistrale in “Corporate Communication & Media”, discutendo una tesi sulla teatralizzazione dello spazio filmico. È stato autore di programmi radiofonici sul cinema. È stato giurato ufficiale della sezione Classici della 75esima edizione della Mostra Internazionale d’Arte Cinematografica di Venezia. Ha pubblicato *Il proiettore delle memorie* (2021) e *Madre tela* (2022). È vincitore di premi letterari e culturali, fra cui: Premio Nazionale di Narrativa Valerio Gentile (2021), Premio Internazionale Vincenzo Crocitti (2023), Premio Letteratura dell’Istituto Italiano di Cultura di Napoli (2023), Premio Franz Kafka Italia (2025).

Биография

Маттео Альберто Сабатинo (1994) – писатель, специалист по коммуникациям и кинокритик. С отличием окончил магистратуру по специальности «корпоративные коммуникации и медиа», защитив диссертацию о театрализации кинематографического пространства. Автор радиoproграмм о кино. Официальный член жюри секции «Классика» на 75–м Венецианском международном кинофестивале. Опубликовал романы «Проектор воспоминаний» («Il proiettore delle memorie», 2021) и «Мать–полотно» («Madre tela», 2022). Лауреат ряда премий в области литературы и культуры, в том числе Национальной премии имени Валерио Джентиле за прозаическое сочинение (2021), Международной премии имени Винченцо Крочитти (2023), Литературной премии Итальянского института культуры в Неаполе (2023), Премии Франца Кафки – Италия (2025).

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Ольга Баляева	Ol'ga Baljaeva
Малика Гильманова	Malika Gil'manova
Анна Маркова	Anna Markova
Анна Перова	Anna Perova
Мария Титиевская	Marija Titievskaja

Ольга Баляева родилась в Красноярске, окончила РГСУ (Москва) по специальности «лингвист, переводчик с английского и испанского языков» и магистратуру Миланского университета по специальности «языки и культуры для коммуникации и международного сотрудничества». Работала в сфере туризма и организации бизнес-мероприятий. Учится в школе художественного перевода «Азарт» (итальянский семинар). Финалист премии «Радуга» (2024), готовится выпустить свой первый перевод в издательстве «Синдбад».

Ol'ga Baljaeva è nata a Krasnojarsk, si è laureata in linguistica e traduzione dall'inglese e dallo spagnolo presso l'Università Sociale Statale Russa (Mosca) e ha conseguito un Master in Lingue e Culture per la Comunicazione e la Cooperazione Internazionale presso l'Università degli Studi di Milano. Ha lavorato nel turismo e nell'organizzazione di eventi aziendali. Studia presso la Scuola di Traduzione Letteraria "Azart" (Seminario di Italiano). Finalista del Premio Raduga (2024), sta preparando la pubblicazione della sua prima traduzione con la Casa Editrice "Sindbad".

Малика Гильманова родилась в Казани, студентка четвертого курса Казанского (Приволжского) федерального университета, изучает итальянский и английский языки. Призер II Казанского международного конкурса профессионально-ориентированного перевода, призер Всероссийского конкурса «НІС TUTA PERENNAT».

Malika Gil'manova è nata a Kazan'; è studentessa al quarto anno dell'Università Federale di Kazan' (regione del Volga), dove studia italiano e inglese. Vincitrice del II Concorso Internazionale di Traduzione Professionale di Kazan' e del concorso panrusso "НІС TUTA PERENNAT".

Анна Маркова родилась в Москве. Студентка Литературного института имени А. М. Горького. Прошла стажировку в переводческой школе в Римини. Лауреат первой степени Первого всероссийского переводческого конкурса имени М. В. Зоркой и II Международного конкурса художественного перевода «Artis litterae».

Anna Markova è nata a Mosca. È studentessa presso l'Istituto Letterario A. M. Gor'kij. Ha completato un tirocinio presso la scuola di traduzione di Rimini. Ha vinto il primo premio al Primo Concorso di Traduzione Panrusso intitolato a M. V. Zorkaja e al II Concorso Internazionale di Traduzione Letteraria "Artis litterae".

Анна Перова родилась в Москве. Учится на втором курсе магистратуры Московского государственного лингвистического университета по профилю «устный перевод на международных конференциях». В рамках прохождения производственной практики принимала участие в конкурсе WRICOS. Финалист премии «Радуга» (2023).

Anna Perova è nata a Mosca. È studentessa al secondo anno del corso di laurea magistrale presso l'Università Linguistica Statale di Mosca, con specializzazione in interpretazione per conferenze internazionali. Nell'ambito del suo tirocinio professionale, ha partecipato al concorso WRICOS. È stata finalista al Premio Raduga nel 2023.

Мария Титиевская родилась в Ярославле, живет в Красногорске (Московская область). Окончила МГИМО МИД РФ, факультет международных экономических отношений. Стажировалась в Первом Европейском департаменте МИД РФ. Работает переводчиком с итальянского языка.

Marija Titievskaja è nata a Jaroslavl' e vive a Krasnogorsk (regione di Mosca). Si è laureata presso l'Università Statale di Mosca per le Relazioni Internazionali, facoltà di relazioni economiche internazionali. Ha svolto un tirocinio presso il Primo Dipartimento Europeo del Ministero degli Affari Esteri della Federazione Russa. Lavora come traduttrice dall'italiano.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Алексей Артемьев	Aleksej Artem'ev
Екатерина Кабанова	Ekaterina Kabanova
Настасья Реньжина	Nastas'ja Ren'žina
Екатерина Топникова	Ekaterina Topnikova
Анна Шипилова	Anna Šipilova

Алексей Артемьев

Перевод на итальянский язык Эмануэлы Терраччано

Aleksej Artem'ev

Traduzione in italiano di Emanuela Terracciano

ПОЗДНОВАТО

Кудашевы оставили как-то Сережку за прадедом присмотреть. А прадеда — за Сережкой. Прадеду восемьдесят семь, Сережке — пять.

Сидели оба на диване. Прадед смотрел телевизор, Сережка — на прадеда. Авось, убежит. — Эхэ-хэ... Не сумеют наши играть, черти кривоногие, — выругался Семен Егорыч (так прадеда звали). Выругался громко. На уши слабый стал. Да и на глаза. По телевизору передача про животных шла.

Сережка подмял под себя задремавшие ноги. Паренек он послушный. Ему сказали: «Сиди», — он и сидит, с места не сдвинется.

— Куды мать-то с бабой ушли? — спросил Семен Егорыч.

— На задах, — пискнул мальчик, но вдруг спохватился и прижал ко рту ладошки. Говорить-то с ним никто не разрешал. И сразу вспомнились бабушкины рассказы про войну, про то, как фашисты пленных допрашивали, а те мужественно молчали. Сережка с прадедом не шибко ладил (тот больно грозный бывает), посему вообразил себя пленным. — Нитево я тебе не скажу! — решительно прошепелявил он.

— Это ты молодец, — смешливо прокряхтел старик, потом чуть наклонился и заговорил тише, вроде того, по секрету: — Небось, где бабка самогонку спрятала, тоже не скажешь?

— Не скажу.

— А сам видал?

— Видал.

— И не скажешь?

— Не скажу, — стоял на своем доблестный красноармеец. Он даже подумал: плюнуть что ли в рожу супостату эдакому, как в кино показывали?

Разговор стал забавлять Семен Егорыча. Прищуренными, почти невидящими глазами он с хитринкой глядел на правнука.

— Не скажешь, что самогонка в тамбуре? Али на мосту? Али в подполе?

UN TANTINO TARDI

Un giorno i Kudašev lasciarono Serežka a badare al bisnonno. E il bisnonno — a Serežka. Il bisnonno aveva 87 anni, Serežka 5.

I due sedevano sul divano. Il bisnonno guardava la TV, mentre Serežka — il nonno.

Sia mai che decidesse di scappare.

— Eh-eh-eh... I nostri non sono capaci di giocare, maledetti piedi storti, — sbottò Semen Egoryč (così si chiamava il bisnonno). Sbottò ad alta voce. Era diventato mezzo sordo. E nemmeno ci vedeva bene. In televisione stavano dando un documentario sugli animali.

Serežka piegò le gambe intorpidite sotto di sé. Era un ragazzino ubbidiente, lui. Gli avevano detto “Sta’ seduto”, e lui ubbidiva, non si muoveva dal suo posto.

— Ma dov’è che sono andate tua madre e la vecchia? — chiese Semen Egoryč.

— Nel retro — squitti il bambino, ma subito realizzò e si tappò la bocca con le mani. Parlare con il bisnonno non gliel’aveva permesso nessuno. E subito gli tornarono in mente i racconti della nonna sulla guerra, di quando i fascisti interrogavano i prigionieri e quelli tacevano con coraggio. Con il nonno, Serežka non andava molto d’accordo (sapeva essere davvero terribile), perciò immaginò di essere un prigioniero. — N-niente ti dicio! — farfugliò lui con fare deciso.

— Ma che bravo che sei — ansimò il vecchio divertito, poi si chinò un po’ e disse sottovoce, come se si trattasse di un segreto: — Non dirai mica dove la vecchia ha nascosto la *samogonka*¹?

— Non lo dicio.

— Ma tu l’hai vista?

— L’ho vista.

— E non me lo dicit?

— Non te lo dicio, — rimase deciso il prode soldato dell’Armata Rossa. Pensò persino: e se gli sputassi sul muso

---

¹ [N.d.T.] La *samogonka* è una bevanda alcolica distillata prodotta in modo artigianale.

— Не скажу, сто в подполе, — довольный собой, выпалил тот.
Старик закашлялся от смеха и утерся марлевой тряпкой.

— Это ты молодцом.

— Помолчали.

— Гляжу я на тебя, Сергей, худенький ты какой-то, сыхалядый. Не кормят ни хрена?

— Кормят, — обиделся Сережка.

— Ни дать ни взять, шкилет. Покушать-то не хочишь?

Мамка с бабой часа два как ушли, и Сережка успел проголодаться.

— Хотю, — признался он.

— А помидор солёный станешь?

— Стану!

— Ну тады слазь в подпол. Достанешь баночку, всё будешь поёдывать.

И мальчик про все на свете забыл: про материн наказ, про плен, про вражду лютую. Хоть и лет всего ничего, а уже мужик, желудком мыслит. Вскочил с дивана, скатал половик, открыл половицу — да юрк вниз.

Семен Егорыч накренился над проемом.

— Видать? — крикнул он.

— Не видать.

— Ну дык фонарик возьми. Все ловшей.

Сережка вылез за фонариком, нырнул обратно.

— Нашел?

— Насол.

— На кой мосол? Помидоры ищи!

— Иссю.

Мальчик выволок трехлитровую банку с розовыми, развалившимися помидорами.

— Больно большая, — махнул старик. — Давай другую. Ты на завалинке, рядом с самогонкой гляди.

Сережка — назад.

ad un nemico del genere, come si vede nei film?

La conversazione cominciò a divertire Semen Egoryč. Con occhi socchiusi, quasi fino a non vederci più, guardava il pronipote con fare astuto.

— Non lo dici, che la *samogonka* è all'ingresso? O forse nel corridoio? Oppure nello scantinato?

— Non lo dicio, che è nello scantinato, — sparò soddisfatto lui.

Il vecchio cominciò a tossire dal ridere e si asciugò con un cencio di garza.

— Ma che bravo che sei.

Rimasero un momento in silenzio.

— Ti vedo troppo secco Sergej, sciupato. Ma non ti danno un accidente da mangiare?

— Me ne danno, — si offese Serežka.

— Ti sei fatto proprio uno scheletrino, tale e quale. Ti va qualcosa da spizzicare?

La mamma e la vecchia erano uscite già da un paio d'ore, e Serežka aveva un certo appetito.

— La voio. — rispose schietto.

— Te lo fai un pomodoro in salamoia?

— Eccome.

— Beh, e allora va' nello scantinato, prendi il vasetto e te lo mangi tutto quanto.

E il bambino si dimenticò di qualsiasi cosa: dell'ordine della mamma, della prigionia, dell'ostilità feroce. Anche se aveva solo cinque anni, era già un vero uomo che pensava con lo stomaco. Balzò dal divano, arrotolò la passatoia, sollevò l'asse del pavimento e guizzò giù.

Semen Egoryč si chinò sull'apertura.

— Ci vedi? — gridò lui.

— Non si vede niente.

— Beh, allora prendi la torcia, con quella fai prima.

Serežka strisciò fuori per prendere la torcia e si rituffò giù.

— Trovato?

— Uno grosso!

— Ma quale osso? I pomodori devi cercare!

— Li celco.

— Нету тут.

— Посвети получше. За бутылем, — схитрил старик.

— Нету.

— Ну ты отодвинь его, бутыль-то.

— Да нету!

Старик будто бы рассердился:

— Дай его сюда тады, штоб не мешался!

Сережка — шмяк ему под ноги четверть, всю в паутине. И Семен Егорыч сразу обратно подобрел.

— Ладно, пожалуй, та банка сгодится...

Сидели за столом. Сережка ел над тарелкой сочные помидоры, с хлебом в прикуску. Семен Егорыч безо всякой прикуски пил самогонку.

— Вкусно? — повеселев, спросил старик.

— Угу, — промурлыкал мальчик и смахнул с подбородка рассол.

— Угу. Таперича покурить и на рыбалку...

Сережка глазенки вытаращил.

— Мамка велела дома сидеть, — сказал он.

Старик решил его поддразнить.

— Ну и сиди себе, а я насиделся досталь. Карасей удить пойду.

Он выпил очередной, принялся крутить папироску.

— Чаво быком уставился? — сказал он, послынявив края бумаги.

Сережка и впрямь насупился, раскраснелся, есть бросил.

— Удить-то сумеешь?

— Нет, — голос мальчика дрожал от обиды.

Старик хотел было пошутить, но осекся, вздохнул.

— Правильно, где тебе, безотцовщине, выучиваться... В доме бабы одни да я... Расселся...

Ему вдруг стало нестерпимо стыдно. Стыдно, что относился к правнуку с холодком. Что ругался, буянил, гнал из дома брюхатую внучку за позор, который на всю семью навлекла.

Il bambino tirò fuori un barattolo da tre litri pieno di pomodori rosa e spappolati.

— Troppo grande, — fece cenno il vecchio. — Cercane un altro. Vedi lì nella panca, vicino alla *samogonka*.

Serežka tornò indietro.

— Qui non c'è niente.

— Fa' più luce. Dietro la bottiglia, — disse il vecchio furbo.

— Niente.

— Beh, levala di lì la bottiglia.

— Ma non c'è niente!

Il vecchio sembrò infastidirsi.

— Allora passami la bottiglia così non sta in mezzo!

Serežka gli lanciò ai piedi la bottiglia da tre litri, tutta coperta di ragnatele. E Semen Egoryč immediatamente si ammorbidi.

— Vabbè, forse quel barattolo può andare bene...

Si sedettero al tavolo. Serežka mangiava piegato sul piatto i pomodori succosi accompagnandoli con il pane.

Semen Egoryč, invece, non accompagnava la *samogonka* con nulla.

— Buono? — chiese il vecchio ormai allegro.

— Mh-mh. — canterellò il bambino e si pulì la salamoia dal mento.

— Mh-mh. Ora mi faccio una sigaretta e poi si va a pescare...

Serežka sgranò gli occhietti.

— La mamma ha ordinato di rimanere a casa — disse.

Il vecchio decise di punzecchiarlo.

— E stacci tu, io mi sono stufato. Io vado a pescare carassi.

Bevve ancora e cominciò ad arrotolare una sigaretta.

— Ma che fissi come un toro? — chiese leccando i bordi della cartina.

Serežka infatti si accigliò, arrossì e smise di mangiare.

— Te la cavi a pescare?

— No, — la voce del bambino tremava per la vergogna.

Il vecchio avrebbe voluto scherzarci su, ma si fermò, e sospirò.

А нет и не было в ребенке вины за негодного родителя, без вести умотавшего. Похож, конечно, и носом, и скулами острыми, и глазками в ямочках...

Семен Егорыч закурил. Густое, горьковатое облако заполнило кухню. Тишина.

— А вот что! — хлопнул он себя по коленке. — Покурю, и пойдем с тобой на озеро!

Лицо Сережки просияло.

— Мамка велела дома сидеть, — напомнил он, уже не так твердо.

— У-у-ух, ёксель-моксель! Годки давно рыбу ведрами таскают, а он все мамка да мамка! Червей накопили у соседей через дорогу. Своя навозная куча на задах, там ни в коем разе нельзя показываться.

Сережка рыл вилами. Эдак и сподручнее, да и лопатой он не усилил. Семен Егорыч стоял рядом, опершись на палочку.

— Лови окаянного, уползет! — активно подсказывал он. А у самого пред глазами сплошная бурая пелена.

— Не уползет! — Сережка хватал червей за хвосты (или за головы, пойдя их разбери) и вытягивал из комьев навоза.

Наскоро смастерили удочку. Крючок и леску нашли в старых снастях. Леску привязали к пруту. Вместо поплавка — кусочек пенопласта. Грузилом подцепили гайку на восемь. На подкормку зачерпнули полкружки пшенки.

День был теплый, безоблачный. Легкий ветерок комкал в гармошку поверхность озера и гнал в камыши. Рябь околдовывала Сережку, и ему казалось, что движется не вода, а берег. А они с прадедом плывут на нем, как на корабле.

— Гляди в оба, — напутствовал старик, — поплавок плясать начнет — малость обожди. А как потонет — тащи.

Сережка от волнения все равно дергал удочку при каждой поклевке.

— Поймал? — интересовался старик. Он сидел на самом краю, свесив ноги над водой и уставившись вдаль пустым взглядом. Пепел с самокрутки вольготно сыпался на тужурку.

— Нет, — злился мальчик и тихо приговаривал: — Ловись рыбка большая и махонькая...

Старик про себя усмехнулся: «Славный он, Сережка-то. Куда ж ты, черт слепой, смотрел пять лет?»

— Certo, senza un padre, da chi potresti imparare qualcosa... A casa ci siamo solo io e la vecchia... io me ne sto qui stravaccato...

Improvvisamente, provò un'insopportabile vergogna. Si vergognò di essere stato così freddo con il pronipote. Di aver sbraitato, scatenato un putiferio, di aver cacciato di casa la nipote incinta per essere stata motivo di disonore per la famiglia. Ma no, non aveva e non aveva mai avuto colpe il bambino per quel buono a nulla del padre, che se l'era svignata senza lasciare traccia. Gli assomigliava certo, nel naso, negli zigomi affilati, negli occhietti un po' incavati...

Semen Egoryč cominciò a fumare. Una nuvola densa e amarognola riempì la cucina. Silenzio.

— Sai che ti dico? — si diede una pacca sul ginocchio. — Fumo e poi andiamo al lago!

Il viso di Serežka si illuminò.

— La mamma ha ordinato di rimanere a casa, — gli ricordò lui, già con meno convinzione.

— Oh, ma che accidenti! È già da un pezzo che i ragazzini della tua età trascinano pesci a secchiate, e lui ancora con mamma qua e mamma là!

I vermi li presero dai vicini dall'altra parte della strada. Il suo mucchio di letame era sul retro, e lì non bisognava farsi vedere per nessun motivo al mondo.

Serežka frugava con il forcone. Così era più comodo, e poi con la pala non se la cavava molto. Semen Egoryč gli stava vicino, appoggiato al bastone.

— Acchiappa quel maledetto, si allontana! — attentamente gli faceva da guida. Ma aveva davanti gli occhi come una fitta coltre scura.

— Non si allontana! — Serežka afferrava i vermi per la coda (o per la testa, vai a capire) e li tirava fuori dai grumi di letame.

Alla svelta avevano fabbricato una canna da pesca. L'amo e la lenza li trovarono tra vecchi attrezzi. La lenza l'avevano legata a un ramoscello. Al posto del galleggiante ci avevano messo un pezzetto di polistirolo. Invece del piombino, avevano agganciato un dado da otto. Per la pastura attinsero da un mezzo boccale di miglio.

La giornata era calda, serena. Un leggero venticello accartocciava la superficie del lago come fosse una fisarmonica e la spingeva verso il canneto. L'increspatura ammaliaava Serežka e aveva l'impressione che a muoversi non fosse l'acqua, ma la riva. E che lui e il bisnonno galleggiassero su di lei, come su una nave.

— Tieni gli occhi aperti, — gli raccomandò il vecchio, — quando il galleggiante comincia a ballare, aspetta giusto un attimo. E appena affonda, tira su.

— Накой махонькая? — возразил он. — Ты поболе проси! — и с расстановкой: — По-бо-ле!
— Ловись рыбка большая! — потребовал Сережка, даже притопнул.
Тут, ну точно по щучьему велению, поплавок запрыгал, заскакал и поплыл против ряби. Сережка резко дернул. Прутик изогнулся посередь и хрустнул. Над водой, брыкаясь, повис карасик. Руки у мальчика пошли ходуном.
— Тяни, чаво ж ты! — прикрикнул Семен Егорыч, едва различив искрящийся на солнце блеск чешуи.
Сережка вытянул удочку и швырнул на траву вместе с карасем. А сам замер и беспомощно уставился на прадеда.
— А то рыбу он ловить не смыслит, — проворчал старик, пытаясь скрыть улыбку. — Ну, давай сниму.
Сережкина мать нашла их только на закате. Семен Егорыча отчихвостила по милую душу. А Сережке к улову добавила знатного леща.
— Пшенка-то, ёксель-моксель! — по дороге домой старик вычерпнул из кармана горсть желтого бисера. — Про пшенку-то забыл...
— Больно поздно спохватился, — ворчала внучка. Она вела его под руку.
— Это верно. Поздновато...

Ma Serežka, dall'eccitazione, stratonava la canna ogni volta che c'era un'abboccata.

— L'hai preso? — si interessava il vecchio. Lui sedeva proprio sull'orlo, con le gambe penzoloni nell'acqua, lo sguardo fisso e perso nel vuoto. La cenere della sigaretta si sparpagliava lieve sul giubbotto.

— No, — rispose il bambino stizzito e borbottò a bassa voce: — Fatti prendere pesciolino, glande o piccino...

Il vecchio ridacchiò tra sé: «Ma che personaggio che è questo Serežka. Ma dove sei stato, cieco maledetto, negli ultimi cinque anni?»

— E che te ne fai di uno piccino? — obiettò lui — enorme lo devi chiedere! — e scandì — e-nor-me!

— Fatti prendere pesciolino glande! — ordinò Serežka, pestando addirittura i piedi per terra.

In quell'istante, come per incanto, il galleggiante cominciò a saltellare, a sgambettare e a nuotare contro l'acqua increspata. Serežka si mosse bruscamente. Il ramoscello si piegò a metà e scricchiolò. Sull'acqua, scalciando, penzolava un piccolo carassio. Le mani del bambino tremavano.

— Dai tira, che aspetti? — alzò la voce Semen Egoryč, appena distinse il luccichio delle squame scintillanti al sole.

Serežka tirò fuori la canna da pesca e la lanciò sull'erba insieme al carassio. Poi si bloccò e prese a fissare il bisnonno con impotenza.

— Del resto, non ci capisce un tubo di pesca, — borbottò il vecchio provando a nascondere il sorriso. — Va bene dai, lo levo io.

La madre di Serežka li trovò solo al tramonto. A Semen Egoryč gliene disse di tutti i colori. Mentre al pescato di Serežka aggiunse anche un bello schiaffone².

— Oh, il miglio, accidenti! — sulla strada verso casa, il vecchio tirò fuori dalla tasca un pugno di perline gialle.

— Mi sono scordato del miglio...

— Te ne sei ricordato troppo tardi, — borbottò la nipote accompagnandolo sottobraccio.

— Hai ragione. Un tantino tardi...

---

2 [N.d.T.] Qui l'autore ha voluto creare un doppio senso ironico. Infatti, in russo, la parola *Lešč* letteralmente indica una scardola, pesce di acqua dolce. Tuttavia, l'espressione *Dat' lešča*, è un'espressione colloquiale che significa "dare uno schiaffo".

Отзыв о рассказе

Алексей Артемьев не первый раз выходит в финал нашего конкурса: его рассказы напечатаны в альманахах премии за 2016, 2018 и 2020 гг. Перед нами сложившийся писатель, со своим художественным миром, чем-то похожим на мир Василия Шукшина. Герои рассказов Артемьева – жители русской деревни, показанные за будничными занятиями. Толя Соловьев по прозвищу Кисель пререкается с женой Машкой из-за крольчихи, которую ему жалко убивать. Дед Васька по прозвищу Бык вспоминает долгую жизнь, прожитую вместе с Клавой: много лет назад она не испугалась односельчан, которые считали Василия дезертиром, и вышла за него замуж. Дед Колька совсем было собирается помирать, но потом наступает новый день с новыми заботами, да и разве справится Вера одна с хозяйством...

Главные герои рассказа «Поздновато» – Семен Егорыч, которому уже стукнуло восемьдесят семь, и его пятилетний правнук Сережка. За короткой смешной и одновременно грустной историей – тоже целая жизнь, да не одна. Жизнь старика, в котором наконец просыпается интерес к внуку, жизнь мальчишки, выловившего своего первого карасика, не очень счастливая жизнь его матери...

Наряду с точными и достоверными подробностями в рассказах Артемьева подкупает умение работать с речью, находить для своих персонажей красочные языковые черты, что делает их хорошо узнаваемыми.

Анна Ямпольская

Nota critica

Non è la prima volta che Aleksej Artem'ev risulta essere finalista del nostro concorso: le sue storie sono state pubblicate negli almanacchi dei premi del 2016, 2018 e 2020. Ci troviamo di fronte a uno scrittore consolidato, con un proprio mondo artistico, in qualche modo simile a quello di Vasilij Šukšin. I personaggi dei racconti di Artem'ev sono abitanti della campagna russa, ritratti nelle loro occupazioni quotidiane. Tolja Solov'ev, che ha come soprannome *Kisel'* (Gelatina), battibecca con la moglie Maška per una coniglietta che gli dispiace uccidere. Il nonno Vas'ka, che ha come soprannome *Byk* (Toro), rievoca la sua lunga vita, vissuta insieme a Klava: molti anni prima lei non si era fatta intimorire dai compaesani che consideravano Vasilij un disertore, e lo sposò comunque. Il nonno Kol'ka era certo di morire, ma poi arriva un nuovo giorno con nuovi grattacapi, e poi, come potrebbe Vera cavarsela da sola con le faccende di casa... I personaggi principali del racconto *Un tantino tardi*, sono Semen Egorič, che ha già compiuto 87 anni, e il suo pronipote di cinque anni, Serežka. Dietro una storia breve, divertente e allo stesso tempo malinconica, c'è più di una vita intera. La vita del vecchio, in cui finalmente si risveglia un interesse per il nipote, la vita del bambino, che ha pescato il suo primo carassio, la vita non proprio felice della madre... Oltre alla precisione e all'attendibilità dei dettagli, nei racconti di Artem'ev seduce la sua capacità di lavorare con il linguaggio: riesce a trovare per i suoi personaggi tratti linguistici coloriti che li rendono assolutamente riconoscibili.

Anna Jampol'skaja

Биография

Алексей Артемьев родился в 1991 г. в селе Ефаево (республика Мордовия), живет в Саранске. Окончил филологический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Работает копирайтером, руководит школой цифровых курсов «Nectarin Digital School». Опубликовал две книги: «Прежде чем уйти» (2013) и «Деревья и птицы» (2016). Входил в лонг-лист премии «Дебют» (2014), дипломант Всероссийской Горьковской литературной премии (2017), лауреат Премии имени А. И. Полежаева (2017), несколько раз выходил в финал премии «Радуга» (2016, 2018, 2020).

Biografia

Aleksej Artem'ev è nato nel 1991 nel villaggio di Efaevo (repubblica di Mordovia), adesso vive a Saransk. Ha conseguito la laurea presso la facoltà di Filologia dell'Università Statale Nazionale di Ricerca della Mordovia N.P. Ogarëv. Lavora come *copywriter*, dirige la scuola di corsi digitali *Nectarin Digital School*. Ha pubblicato due libri: *Prežde čem ujtj* (Prima di andar via, 2013) e *Derev'ja i pticy* (Alberi e uccelli, 2016). È rientrato nella long-list del premio Debjut (2014), ha partecipato al premio letterario panrusso Gor'kij (2017), ed è stato vincitore del premio A. I. Poležaev (2017). Più volte è risultato finalista del premio Raduga (2016, 2018, 2020).

Екатерина Кабанова

Перевод на итальянский язык Франчески Морселли

Ekaterina Kabanova

Traduzione in italiano di Francesca Morselli

ПРЯТКИ

Сережина мама любила играть в прятки.

Вообще, не только в них — во все, что угодно. Настольные игры? Замечательно! Чур, ей достанется красная фишка. Приставка? Супер! Тащи джойстик. Наперегонки до продуктового? Шнуруй кроссовки и раз, два, старт!

Но именно в прятках она была настоящим профи.

Ей удавалась роль как первоклассного вóды, который, как ищейка, мог только по запаху найти прячущихся, так и неуловимого призрака со способностью проходить сквозь стены и сливаться с воздухом. Но она всегда чувствовала «вкус» игры и никогда не пряталась до последнего: когда отчаяние Сережи переходило в скуку от вялого шатания по игровому периметру, мама словно бы из ниоткуда подкрадывалась к нему сзади и начинала щекотать за ребра с триумфальным: «Снова проиграл, снова проиграл!»

Сережа знал, что другие мамы так себя не ведут: всем его друзьям, конечно, можно было играть, но только после еды, воды, домашки, желательно во что-нибудь нешумное и обязательно вне дома. Ну и, конечно, с ровесниками, а никак не с родителями.

Бабушка говорила, что мама такая, потому что у нее самой детство еще не закончилось. «И мозгов не прибавилось», — часто добавляла она. Сереже становилось очень обидно, хотелось сказать бабушке что-то злое и резкое, но мама всегда говорила ему, что дом, в котором они живут, на самом деле бабушкин, а поэтому ругаться с ней было никак нельзя. — В прятки они играют, — часто шипела бабушка. — С мужем уже доигралась! Лучше бы работу нормальную нашла.

— Работа у меня уже есть, а мужа нет и не было! — иногда мама все же огрызалась в ответ.

— Ты подумай в следующий раз, в чьем доме живешь, прежде чем такое о моем сыне говорить! — раздувалась от негодования бабушка. — Я тебя тут вообще только ради внука терплю!

Своего отца Сережа не помнил, но бабушка как-то пошутила, что он умел прятаться лучше

NASCONDINO

Alla mamma di Serëža piaceva giocare a nascondino.

E non solo a quello, ma a tutti i giochi possibili. Giochi da tavolo? Fantastico! La pedina rossa però spetta a lei. Videogame? Ottimo! Prendi fuori il joystick. Una gara a chi arriva primo all'alimentari? Allaccia le scarpe e tre, due, uno... via! Ma era proprio a nascondino che era una vera professionista.

Era brava sia nel ruolo di formidabile cercatore che, come un segugio, era in grado anche solo dall'odore di trovare chi era andato a nascondersi, sia in quello di fantasma inafferrabile, capace di attraversare la parete e fondersi con l'aria. Percepiva però sempre il "gusto" del gioco e non restava mai nascosta più del necessario: quando lo sconforto di Serëža sfociava in noia a causa del fiacco girovagare nel perimetro del gioco, dal niente la mamma gli si avvicinava quatta quatta da dietro e cominciava a fargli il solletico alle costole, dicendo trionfante: «Hai perso di nuovo, hai perso di nuovo!»

Serëža sapeva che le altre mamme non si comportavano così: ovviamente a tutti i suoi amici era permesso giocare, ma solo dopo aver mangiato, bevuto, aver fatto i compiti, e preferibilmente a qualcosa di silenzioso e immancabilmente fuori di casa. Ah e naturalmente con i coetanei, e non certo con i genitori.

La nonna diceva che la mamma era così perché la sua infanzia non era ancora finita. «E in intelligenza non è cresciuta» aggiungeva spesso. Serëža ci rimaneva molto male, gli veniva voglia di dire alla nonna qualcosa di cattivo e pungente, ma la mamma gli diceva sempre che la casa in cui vivevano apparteneva in realtà alla nonna, e quindi non doveva in alcun modo litigare con lei.

«Giocano a nascondino, loro» bofonchiava spesso la nonna. «Con il marito invece hai finito di giocare! Faresti meglio a trovarti un lavoro decente».

«Il lavoro ce l'ho già, mentre il marito non ce l'ho e non l'ho mai avuto!» di tanto in tanto rispondeva a tono la mamma.

«La prossima volta faresti bene a pensare a casa di chi vivi prima di parlare così di mio figlio!» sbottava indignata la nonna. «Ti tollero in questa casa solo per il bene di mio nipote!»

Suo padre Serëža non se lo ricordava, ma la nonna una volta aveva detto scherzando che lui sapeva nascondersi meglio di chiunque altro, a tal punto che dopo la nascita di Serëža non lo riuscirono proprio a

всех — да так, что после рождения Сережи его все никак не могли найти.

— Смотри, парень, так и мамку свою как-нибудь не отыщешь! — пригрозила ему бабушка.

— Они с моим сынком одного поля ягоды.

Тогда Сережа не придавал ее словам никакого значения: бабушка вообще любила предвидеть плохое, но ее предсказания никогда не сбывались, и мама раз за разом выходила из укрытия со своим щекотливым «снова проиграл, снова проиграл».

Все начало меняться, когда она в очередной раз предложила ему сыграть в прятки, а потом пропала на целую неделю. Весь первый день Сережа напряженно прислушивался к тому, как дышал и хрустел костями старый дом, пока бабушка не отправила его спать, закрыв на всякий случай комнату на ключ, чтобы внук «не шастал ночью по дому».

— Зачем ты ребенку мозги морочишь? — потом кричала бабушка на маму, которая вернулась как ни в чем не бывало слегка загоревшей и с другим, ярко-рыжим цветом волос. Зато с собой она привезла маленького котенка, которого Сережа с легкого словца окрестил Васькой.

В следующий раз мама с ним так «сыграла» через полгода, когда оставила его на все лето в доме у своих родителей, хотя обещала, что они проведут там вместе всего пару дней.

После того раза Сережа возненавидел «прятки», но маме не нужно было его одобрение — игра начиналась сама по себе и заканчивалась вместе с ее возвращением.

Когда бабушка заболела, Сережа не думал о том, что это навсегда. Ей вообще часто без причины становилось плохо по десять раз на день: то голова закружится, то спину прихватит. Но это никогда не мешало ей перемывать окна, делать закрутки или лазить в погреб за картошкой. И хотя бабушка на протяжении всей жизни Сережи стабильно предсказывала свою скорую смерть, ее предсказания никогда не сбывались.

Но в тот раз все с самого начала было как-то по-другому. Мама от бабушки тогда целыми днями не отходила: Сережа сам ей удивлялся — все время она проводила за стиркой, уборкой, готовкой, подолгу разговаривала с врачами, которые приходили осмотреть бабушку, и исправно терпела все, даже самые раздражающие капризы больной.

— Все равно непутевая у тебя мамка, — сказала Сереже бабушка, когда мама ушла на кухню

trovare.

«Bada bene, ragazzo, che un giorno non troverai neppure la tua cara mamma!» lo aveva minacciato la nonna. «Lei e mio figlio sono gente dello stesso stampo».

A quel tempo Serëža non aveva dato alcuna importanza alle sue parole: alla nonna piaceva prevedere cose brutte, ma le sue profezie non si avveravano mai e ogni volta la mamma usciva dal suo nascondiglio con le sue trionfanti parole: «Hai perso di nuovo, hai perso di nuovo».

Tutto cominciò a cambiare quando, per l'ennesima volta, lei gli propose di giocare a nascondino e poi scomparve per una settimana intera. Tutto il primo giorno Serëža lo passò ad ascoltare con apprensione il respiro e gli scricchiolii delle ossa della vecchia casa, fino a quando la nonna non lo mandò a letto e, a scanso di equivoci, chiuse a chiave la sua camera per evitare che il nipote “girovagasse per la casa di notte”.

«Perché prendi in giro il bambino?» aveva urlato in seguito la nonna contro la mamma, una volta che questa era tornata, come se nulla fosse, con la pelle leggermente abbronzatura e dei nuovi capelli di un rosso brillante. In compenso aveva portato con sé un gattino che Serëža, senza pensarci troppo, aveva battezzato Vas'ka.

La volta successiva in cui la mamma “giocò” in quel modo con lui fu sei mesi dopo quando lo lasciò per tutta l'estate a casa dei suoi genitori, anche se aveva promesso che avrebbero trascorso lì solo un paio di giorni insieme.

Dopo quella volta Serëža cominciò a odiare “nascondino”, ma alla mamma non serviva la sua approvazione: il gioco cominciava da solo e finiva con il ritorno di lei.

Quando la nonna si ammalò, Serëža non immaginava che sarebbe stato per sempre. Capitava spesso infatti che lei cominciasse a stare male senza motivo, anche dieci volte al giorno: una volta era la testa che girava, un'altra la schiena che si bloccava. Ma questo non le impediva mai di rimettersi a pulire le finestre, fare le conserve o infilarsi in cantina per prendere le patate. E sebbene per tutta la vita di Serëža la nonna avesse regolarmente annunciato la sua morte imminente, le sue profezie non si erano mai avverate.

Eppure quella volta, fin dall'inizio, tutto fu un po' diverso. Per giorni interi la mamma non si allontanò dalla nonna. Serëža stesso si stupiva di lei: passava tutto il tempo a lavare, pulire, cucinare, parlava a lungo con i dottori venuti a visitare la nonna, e sopportava tutto con solerzia, anche i capricci più irritanti

еще раз разогреть ей суп, который в третий раз оказался все еще «слишком холодным». — Думает, что я вам дом оставлю. Ага, как же. У меня вообще-то и старший сын есть, — она закашлялась и пояснила: — Не твой отец, конечно. Еще один. Только вот за десять лет все никак не навестит меня...

Бабушка сильно осунулась: казалось, что взбитая белая подушка, на которой лежала ее седая голова, час за часом съедала ее некогда полное лицо.

— С тобой ничего не случится! Но если что, я маме буду помогать! — Сережа улыбнулся, как ребенок, по мнению которого трудности случались только со взрослыми, и то — с плохими. Бабушка хмыкнула и снова сипло закашлялась:

— Еще не понял, парень? Ты будешь вторым, от кого она избавится. Первым — ваш котяра. Так что, мой тебе совет, привыкай надеяться только на себя.

В комнату с тарелкой дымящегося супа вошла мама. Сережа выбежал оттуда как раз в тот момент, когда бабушка, попробовав одну ложку, пожаловалась на то, что теперь суп слишком горячий. Мальчик спрятался у себя в комнате и всю ночь думал о том, как же бабушка надоела со своими выдуманными болезнями и страшными угрозами, которые только пугают, но почти никогда не сбываются. Вот если бы она была хоть немного похожа на маму, как бы хорошо им было втроем...

А через неделю бабушка и вправду умерла.

Сережа тогда в первый раз в жизни по-настоящему испугался. Не смерти, а того, что бабушкины предсказания начинали сбываться.

После похорон к маме подошел старший бабушкин сын, которого Сережа видел в первый раз в жизни, и без обиняков сказал, что на дом у него свои планы, в которые не входит делить его с другими родственниками. При этом смотрел он на маму, как на комнатную собачку, а на Сережу так вообще ни разу не взглянул.

Следующие дни мама была сама не своя — искала им новый дом, стала раздражительной и резкой. Сережа все чаще и чаще вспоминал бабушкины мрачные предзнаменования и старался тайком провожать маму даже в магазин, чтобы она точно от него никуда не делась. Через какое-то время она, бледная и похудевшая, устало сообщила Сереже, что связалась

della malata.

«Tua mamma rimane comunque una scapestrata» disse la nonna a Serëža mentre la mamma era andata in cucina a scaldarle di nuovo la zuppa, che per la terza volta era risultata “troppo fredda”. «Pensa che vi lasci la casa. Certo, e come potrei. Per la cronaca, ho anche un figlio maggiore» cominciò a tossire e poi chiari: «Non tuo padre, ovviamente, ma un altro. Solo che in dieci anni non si è mai degnato di farmi visita...»

La nonna si era fatta molto emaciata: sembrava che il cuscino bianco sprimacciato sul quale poggiava la sua testa grigia stesse mangiando di ora in ora il suo viso un tempo pieno.

«A te non succederà niente. Ma nel caso, tua mamma l'aiuterò!» Serëža sorrise come un bambino convinto che i problemi toccassero solo agli adulti — e solo a quelli cattivi.

La nonna mugugnò con disappunto e cominciò di nuovo a tossire con voce rauca:

«Non hai ancora capito, ragazzo? Sarai il secondo di cui si sbarazzerà. Il primo sarà il vostro gatto. Perciò ecco il mio consiglio: abituati a contare solo su te stesso».

Con in mano il piatto di zuppa fumante la mamma entrò nella stanza. Serëža corse fuori proprio nel momento in cui, assaggiando un cucchiaino di zuppa, la nonna si lamentò che ora era troppo calda. Il bambino si nascose nella sua camera e passò tutta la notte a pensare a quanto la nonna lo avesse stufato con quelle sue malattie immaginarie e le sue orribili minacce, utili solo a spaventare e che non si avveravano quasi mai. Se solo fosse stata un po' più simile alla mamma, come sarebbero stati bene insieme loro tre...

Ma una settimana dopo la nonna morì per davvero.

Allora, per la prima volta nella sua vita, Serëža si spaventò seriamente. Non per la morte, ma per il fatto che le profezie della nonna cominciavano ad avverarsi.

Dopo il funerale il figlio maggiore della nonna, che Serëža vide per la prima volta, si avvicinò alla mamma e senza tanti giri di parole le disse che per quanto riguardava la casa aveva i suoi programmi, nei quali non rientrava il doverla condividere con altri parenti. Nel dire ciò guardava la mamma come se fosse un cane da compagnia, mentre a Serëža non gettò nemmeno un'occhiata.

I giorni seguenti la mamma non era più la stessa: cercava una nuova casa per loro, si fece irascibile e brusca. Serëža ripensava sempre più spesso ai sinistri presagi della nonna e di nascosto cercava di accompagnare la mamma persino al supermercato per evitare che se ne andasse per davvero.

со своей тетей Женей, которая жила на юге. У нее свой маленький ресторанчик, и она давно искала туда толковую официантку. Тетя даже разрешила им первое время пожить в гостевой комнате у себя дома и пообещала встретить с поезда на вокзале.

За три дня до выезда мама узнала, что для перевозки Васьки нужно было купить специальный билет и оформить справку. Как оказалось, для билета у них уже не было денег, а для справки — еще и времени. Сережа рыдал в подушку, пока не заснул под заверения мамы, что кота они заберут в другой раз и что дядя обязательно за ним присмотрит — он же ведь неплохой человек.

Бабушкины предсказания сбывались одно за другим.

Сережа почти не спал в ту ночь, когда им надо было уезжать. В полудреме его постоянно преследовал бабушкин голос: «Не справится, бросит, оставит, уйдет».

Когда они ехали на электричке на вокзал, он так сильно вцепился маме в руку, что она резко вырвала ладонь и прошипела:

— Больно.

Но Сереже все равно хотелось вцепиться зубами в конец ее вязаного шарфа, приклеиться боком к ногам, сесть на шею и намотать волосы на руки, а вместо этого он только шел рядом, вымеряя, чтобы расстояние между ней и им не увеличилось больше чем на миллиметр.

Приехали на вокзал сильно заранее.

Сели на жесткие железные сидухи в зале ожидания, чемодан и сумки поставили рядом. Мама то и дело ерзала на неудобном стуле, проверяла свой телефон каждую минуту и нервно посматривала на большие вокзальные часы. Сережа снова почувствовал, как внутри поднимается паника. Ему сразу показалось, что вокруг него столько неприятных людей: с красными лицами, грязными волосами и страшными, дикими глазами. Только бы мама не оставила его здесь... Мальчик вцепился в подол ее куртки и крепко сжал, боясь, что, если отпустит, то куртка вместе с мамой превратится в дым и ускользнет сквозь пальцы.

Когда объявили о посадке на поезд, Сережа чувствовал, что выходит на старт самой долгой дистанции в своей жизни. Хотелось поскорее сорваться с места, добежать до финиша, сесть в вагон и повернуть защелку. Не выпускать маму из купе, пока поезд не тронется.

Pallida e dimagrita, dopo un po' di tempo comunicò stancamente a Serěža che aveva parlato con sua zia Źenja che viveva al sud. Aveva un piccolo ristorante e da tempo cercava una cameriera in gamba. La zia avrebbe persino permesso loro di stare per il primo periodo a casa sua nella camera degli ospiti e promise che una volta arrivati in treno si sarebbero incontrati alla stazione.

Tre giorni prima della partenza la mamma venne a sapere che per trasportare Vas'ka sarebbe stato necessario comprare un biglietto speciale e compilare un certificato. Venne fuori che per il biglietto non avevano i soldi e per il certificato non c'era tempo. Serěža singhiozzò nel cuscino fino a quando non si addormentò, ascoltando le rassicurazioni della mamma sul fatto che il gatto lo avrebbero recuperato un'altra volta e che lo zio di sicuro avrebbe badato a lui perché, in fin dei conti, non era una persona cattiva.

Le profezie della nonna si stavano avverando una dopo l'altra.

La notte di quando se ne sarebbero dovuti andare Serěža a malapena dormì. Nel dormiveglia continuava a perseguitarlo la voce della nonna: «Non ce la farà, ti lascerà, ti abbandonerà e poi se ne andrà».

Mentre andavano alla stazione con l'električka si aggrappò così stretto alla mano della mamma che lei liberò bruscamente il palmo e sibilò: «Mi fai male».

Serěža avrebbe comunque voluto aggrapparsi con i denti al capo della sua sciarpa lavorata a maglia, incollare il fianco alle sue gambe, sedersi sulle sue spalle e avvolgersi i suoi capelli alle mani, ma invece di tutto ciò le stava semplicemente vicino, facendo attenzione che la distanza tra lui e lei non fosse maggiore di un millimetro.

Arrivarono in stazione con largo anticipo.

Si sedettero sulle dure sedie di ferro della sala d'attesa, con la valigia e le borse accanto. La mamma si agitava di continuo su quella scomoda seduta, controllava ogni minuto il telefono e guardava nervosa il grande orologio della stazione. Serěža avvertì di nuovo il panico montare dentro di lui. All'improvviso gli sembrò di essere circondato solo da persone sgradevoli: dai volti rossi, i capelli sporchi e gli occhi spaventosi e selvaggi. Fa solo che la mamma non lo lasci lì... Il bambino si aggrappò all'orlo della giacca di lei stringendo forte e temendo che, se lo avesse lasciato, la giacca insieme alla mamma si sarebbe trasformata in fumo e gli sarebbe scivolata via tra le dita.

Quando annunciarono la salita sul treno, a Serěža sembrò di trovarsi alla partenza della corsa più lunga della sua vita. Avrebbe voluto scattare dal posto, correre fino al traguardo, salire sul vagone e chiudere il

Под бдительным взглядом проводницы Сережа поднялся по ступенькам первым с двумя сумками в руках, мама шла позади с чемоданом.

Когда она поставила чемодан в тамбуре, то вдруг повернулась к сыну с какой-то странной улыбкой:

— Так, — она неловко ударила себя ладонями по карманам куртки, — я тут кое-что купить забыла нам в дорогу. Дружочек, занеси-ка ты наши вещи в купе, а я быстренько мотнусь туда-сюда, а?

Сережин мир треснул, раскололся надвое и пошел ко дну:

— Ты не успеешь! — он вцепился матери в руку и умоляюще посмотрел на проводницу. — Скажите же, что не успеет!

— Еще десять минут, — безучастно проквакала проводница. — Если только вон до того ларька, — она кивнула на перрон, где стоял покосившийся деревянный квадрат с чипсами и зубной пастой на прилавке.

Не глядя сыну в глаза, мать попыталась отшутиться и освободить свою руку:

— Сереженька, ну ты чего, как маленький? Я бы уже сто раз успела сбегать, ну! — ее голос странно подрагивал. — Представь, что это прятки. Досчитай до ста, а я уже вернусь к тому времени, а? — она погладила его по голове дрожащей рукой.

Сережа поднял на нее глаза: он еще никогда не видел мать такой испуганной. Перед ним стояла маленькая девочка, не старше и не храбрее его самого. Он вспомнил бабушкины слова — все они оказались правдой, и на место ужаса в его душе пришел стыд. Ему было стыдно за свою мать.

— Я больше не буду с тобой играть, — он дернул головой в сторону, сбрасывая и без того ее слабую руку вниз, — Вырос давно. Тебе тоже пора.

И, не глядя на мать, Сережа подхватил сумки и пошел искать свое купе. В глазах стояли слезы, но мыслями он уже был там, на перроне где-то на юге, и старался узнать в толпе встречающих тетю Женю, которую никогда раньше не видел.

Ему показалось, что он слышит, как колесики чемодана едут вслед за ним, дребезжа на неровном полу вагона. Оборачиваться было страшно.

chiavistello. Fare in modo che la mamma non uscisse dalla cuccetta finché il treno non fosse partito. Sotto lo sguardo vigile dell'addetta del vagone Serěža salì i gradini per primo, portando due borse nelle mani; la mamma lo seguiva con la valigia.

Dopo aver appoggiato le valigie nel vestibolo, si girò di scatto verso il figlio e con un sorriso un po' strano disse:

«Ecco, - batté goffamente i palmi sulle tasche della giacca – mi sono dimenticata di comprarci qualcosa per la strada. Tesoro, porta un po' le nostre cose nella cuccetta che io in un attimo vado e torno, okay?»

Il mondo di Serěža si incrinò, si spaccò in due e andò a fondo:

«Non farai in tempo!» si aggrappò alla mano della madre e implorante guardò l'addetta. «Glielo dica che non farà in tempo!»

«Mancano ancora dieci minuti» gracchiò indifferente l'addetta. «Solo se va fino a quel chiosco» accennò con il capo alla banchina dove si trovava un quadrato sbilenco in legno con le patatine e il dentifricio sul bancone.

Senza guardare il figlio negli occhi, la madre tentò di scherzarci su e di liberare la mano:

«Serěža, cosa fai, il bambino piccolo? Avrei già fatto in tempo ad andare cento volte!» la sua voce tremò in modo strano. «Fai finta che giochiamo a nascondino. Conta fino a cento e io sarò già tornata, va bene?» gli accarezzò la testa con la mano tremante.

Serěža alzò gli occhi su di lei: non aveva mai visto sua madre così spaventata. Davanti a lui c'era una bambina, non più grande o coraggiosa di lui. Si ricordò delle parole della nonna: tutte si erano rivelate vere, e al posto della paura nella sua anima si fece largo la vergogna. Si vergognava di sua madre.

«Non voglio più giocare con te,» girò bruscamente la testa di lato, mollando la mano di lei già fiacca, «è da un po' che sono cresciuto. Sarebbe il momento che lo facessi anche tu».

E senza guardare la madre, Serěža prese le borse e andò a cercare la sua cuccetta. Aveva le lacrime agli occhi ma con il pensiero era già là, da qualche parte su una banchina a sud, e cercava di riconoscere nella folla la zia Ženja che non aveva mai visto prima.

Gli sembrò di sentire le ruote della valigia che lo seguivano, tintinnando sul pavimento irregolare del vagone. Aveva paura di voltarsi.

Отзыв о рассказе

Рассказ Екатерины Кабановой «Прятки» на первый взгляд кажется довольно незамысловатым. Это история о том, как ребенок оказывается ненужным ни отцу, ни матери, а только бабушке, но та умирает, и что ждет Сережу, остается только гадать. Ничего принципиально нового в этом сюжете нет. Все вроде бы очевидно: мир злых, равнодушных, черствых взрослых людей, которому противостоит чистая детская душа. Однако если бы все было так просто, вряд ли бы «Прятки» были признаны жюри лучшим рассказом этого сезона. Тут все дело, на мой взгляд, в интонации, которая и есть ключ ко всему. Рассказ Кабановой лишен какой-то бы то ни было сентиментальности и жалости, и мама главного героя – не просто кукушка, подбрасывающая птенца в чужое гнездо. Скорее она наставница, учительница, которая готовит, учит своего сына стоять за себя и рассчитывать в жизни на свои силы. В «Прятках» важно не только то, что написано, но и то, что остается за скобками. Можно практически не сомневаться, что маленький Сережа успел получить от своей непутевой семьи ту толику силы и твердости, те уроки мужественности, которые поддержат его и не дадут пропасть. Да, взрослые в этой истории ведут себя как злые дети, а ребенок – как взрослый, но рассказ с его открытым финалом читается не как жалостливый плач о сиротской доле, а как начало романа о герое победителе, сильной личности. В маленьком мальчике пробуждается мужчина, и это главное.

Алексей Варламов

Nota critica

Il racconto *Nascondino* di Ekaterina Kabanova appare, a un primo sguardo, piuttosto semplice. È la storia di un bambino che non è voluto né dal padre né dalla madre ma solo dalla nonna; quando però quest'ultima muore, quello che attende Serëža lo si può solo immaginare. In sostanza, non vi è niente di nuovo nella trama. Tutto sembra abbastanza ovvio: un mondo di adulti cattivi, indifferenti e insensibili, al quale si contrappone l'anima pura di un bambino. Eppure, se tutto fosse così semplice, è improbabile che *Nascondino* sarebbe stato scelto dalla giuria come il miglior racconto di questa stagione. Il punto è, a mio parere, nell'intonazione, che costituisce la chiave di tutto. Il racconto di Kabanova è privo di qualunque tipo di sentimentalismo e compassione, e la mamma del protagonista non si comporta semplicemente come un cuculo che lascia il suo uccellino nel nido altrui. È piuttosto una tutrice, un'insegnante, che prepara e insegna al proprio figlio a farsi valere e a contare, nella vita, sulle proprie forze. Nel racconto *Nascondino* è importante non solo ciò che è scritto, ma anche ciò che si legge tra le righe. Si può di fatto non dubitare che il piccolo Serëža sia riuscito a ricavare dalla sua scapestrata famiglia quel tantino di forza e fermezza, quelle lezioni di virilità che lo sostengono e gli permettono di non sprofondare. Sì, gli adulti di questa storia si comportano come bambini cattivi e il bambino come un adulto, ma con il suo finale aperto il racconto si lascia leggere non come un lamento pietoso sulla triste sorte di un orfano, bensì come l'inizio di un romanzo su un eroe vincitore, su una forte personalità. In quel ragazzino si sta facendo strada un uomo, e questo è ciò che conta.

Aleksej Varlamov

Биография

Екатерина Кабанова родилась в поселке Ванино Хабаровского края, позднее переехала в Москву, где окончила магистратуру МГИМО по направлению «международные отношения». Владеет английским, испанским и итальянским языками. Работает в коммуникационном агентстве, в отделе корпоративных коммуникаций. Пишет экспертные колонки и интервью, пресс-релизы и статьи по различным тематикам: авиация, благотворительность, маркетинг, наука, образование и др. Ее материалы публикуются в федеральных и региональных СМИ.

Biografia

Ekaterina Kabanova è nata nel villaggio di Vanino, nella regione di Chabarovsk, successivamente si è trasferita a Mosca dove ha conseguito una laurea magistrale all'Università MGIMO in Relazioni internazionali. Parla inglese, spagnolo e italiano. Lavora per un'agenzia di comunicazione nel reparto di comunicazione aziendale. Scrive editoriali e interviste, comunicati stampa e articoli su varie tematiche: aviazione, beneficenza, marketing, scienza, istruzione e non solo. I suoi materiali vengono pubblicati su media federali e regionali.

Настасья Реньжина

Перевод на итальянский язык Гайи Альфано

Nastas'ja Ren'žina

Traduzione in italiano di Gaia Alfano

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ

За несколько секунд до смерти Михаил увидел зеленую траву, синий забор перед домом, красную черепицу, как цветет сирень — нежно-фиолетовым, и Таню — лицо морщинками, из-под белого платка — седые волосы, спина сутулая, тонкие, с выпуклыми венами руки тянутся к мужу. Михаил не знал ее такой.

— Иди обниму.

Он прозрел.

Возле кровати умирающего стояли сын и дочь. Переглядывались. Катя морщилась — дом пропах табаком и кислым. Вася нашептывал последний разговор с отцом: «Привезти чего-нибудь? — Да все есть. — Ладно». Предпоследний: «В аптеке что-нибудь нужно? — Мазь от суставов закончилась. — Хорошо». За полчаса до этого брат с сестрой решали, достаточно ли времени провели с отцом. Вася не мог взять его к себе — у него четыре ребенка, куда еще один. Катя не могла взять его к себе — она снимает комнату в коммуналке. Только сейчас в этом табачном, кислом, грязном стало стыдно, что оставили отца одного среди теней.

Катя в детстве спрашивала: «Папа-папа, а что ты видишь?» Михаил описывал ей свой мир, полностью состоящий из серых фигур — фигура телевизора, фигура шкафа, фигура дочери. Катя страшилась этого, и взрослой, переступая порог родительского дома, думала, что погружается в отцовскую серость. Если задержится хоть на минуту дольше обычного, то и ее мир превратится в фигуры.

Мама Таня умерла десять лет назад от инфаркта. С детства имея слабое сердце, она при жизни часто повторяла: «Только бы перед смертью не завалиться, только бы не завалиться». Михаил же хотел, чтобы жена жила как можно дольше. Пусть и завалилась бы — он завалился бы рядом. Но Таня ушла так быстро, что он не успел ее взять за руку. Хватал потом холодную, целовал от кончиков пальцев до шеи.

Вася и Катя, до смерти матери приезжавшие каждые выходные, все реже и реже навещали

UN AMORE CIECO

Qualche secondo prima di morire Michail vide l'erba verde, il recinto blu di fronte alla casa, le tegole rosse, i lillà in fiore – di un viola tenue, e Tanja – il viso pieno di rughe sotto il fazzoletto bianco – i capelli grigi, la schiena gobba, le mani robuste, dalle vene sporgenti, protese verso il marito. Non l'aveva mai conosciuta così. «Vieni qui che ti abbraccio».

Michail tornò a vedere di nuovo.

Accanto al letto del moribondo c'erano il figlio e la figlia. Si guardavano a vicenda. Katja era accigliata, la casa puzzava di tabacco e di acido. Vasja sussurrava al padre le ultime parole: «Ti porto qualcosa?». «No, c'è tutto». «Va bene». Anzi, le penultime: «Ti serve qualcosa in farmacia?». «È finita la crema per le articolazioni». «Va bene». Mezz'ora prima il fratello e la sorella si erano chiesti se avessero trascorso abbastanza tempo con il padre. Vasja non poteva prenderlo con sé – con quattro figli, non c'era spazio per un'altra persona. Katja non poteva prenderlo con sé. Aveva una stanza in affitto in una *kommunalka*. Soltanto allora, con quella puzza di tabacco, acido e sporcizia, si vergognarono di aver lasciato il padre solo tra le ombre. Quand'era piccola Katja chiedeva: «Papà, papà, cosa vedi?». Michail le descriveva il suo mondo, fatto completamente di sagome grigie: la sagoma del televisore, la sagoma dell'armadio, la sagoma della figlia. Katja si spaventava e da grande, quando entrava a casa dei genitori, pensava sempre di star sprofondando nel grigiore del padre. Se fosse rimasta un minuto in più del solito, anche il suo si sarebbe trasformato in un mondo di sagome.

La madre Tanja era morta d'infarto dieci anni prima. Debole di cuore fin dall'infanzia, quand'era viva spesso ripeteva: «Spero solo di non rimanere costretta a letto prima di morire, soltanto questo». Michail non voleva che la moglie vivesse il più a lungo possibile. E se proprio fosse rimasta costretta a letto, lui le si sarebbe sdraiato accanto. Ma Tanja se ne andò così velocemente che non riuscì nemmeno a prenderle la mano. Gliela strinse che era già fredda, la baciò dalla punta delle dita fino al collo.

Vasja e Katja, che prima della morte della madre venivano ogni finesettimana, cominciarono a far visita al padre sempre più raramente, lasciandolo solo nel mondo delle ombre e delle sagome. Lui trovò a tentoni le cose di Tanja e restò a lungo seduto, stringendosi al petto tutto ciò che gli capitò fra le mani: il suo pettine,

отца, оставив его одного в мире теней и фигур. Он наощупь находил Танины вещи и подолгу сидел, прижав к груди ее гребень, платок, юбку — что первое подвернулось.

Михаил никогда не видел лиц своих детей. Он приближался к Кате так близко, что она ощущала его сигаретный запах. Он касался ее носа своим. Он говорил, что она самая красивая, а Катя убегала в другую комнату, убегала на улицу, кричала: «Не верю тебе! Не верю!» Плакала. Михаил ощупывал мозолистыми ладонями лицо Васи. Вася замирал и терпел, после бежал умываться.

Когда им исполнилось по шестнадцать, они запретили Михаилу трогать их лица. Таня теперь рассказывала мужу, как выглядят дети. Он знал, что к тридцати Вася начал лысеть, а у Кати на правой ноге не было мизинца — уронила тяжелую плиту, расплющила палец, пришлось отрезать. Он думал, что это его вина — дети лишились части себя, потому что когда-то своей части лишился он.

Когда они родились, Таня не плакала, что ей тяжело с двойней. Михаил за это мысленно говорил ей «спасибо». Если б жена говорила, что не справляется, он бы не вынес. Это тоже была бы его вина. Вместо детской кроватки, стопки пеленок, ряда бутылочек он видел серые прямоугольники, вместо детей — серые кричащие овалы. Михаил брал один овал на руки, видел дрожащую тень жены рядом, две серых полоски тянулись к нему. Руки — страхует, боится. Овал плакал, овал успокаивался. Михаил не знал — это Катя или Вася. Он хотел бы взять сразу обоих, носить по комнате, петь колыбельные, отправив жену отдыхать, но не мог. Он бы промахнулся мимо прямоугольника детской кроватки, он бы перепутал бутылочки, он бы сложил овал на овал. Он все сделал бы не так.

Это было сложнее, чем работа на стройке, на которую Михаил устроился еще до свадьбы. Он неделю ходил к прорабу, уговаривая взять его таскать кирпичи, месить цемент — что угодно. Прораб сдался, Михаил не подвел. В его первый рабочий день Таня плакала. Без всхлипов, тихонько, изредка шмыгая носом. Михаил гладил ее мокрые щеки, вытирал глаза, обещал, что ни один кирпич не упадет ему на голову. Таня отвечала: «Глупенький. Это я от счастья. Я вдруг поняла, что ты у меня сильнее многих. Иди обниму».

Таня разрешала мужу трогать себя. Она просила это делать: «Оставь Васю. Лучше гладь

il suo fazzoletto, la sua gonna.

Michail non aveva mai visto il volto dei figli. Si avvicinava a Katja così tanto che lei riusciva a sentirne l'odore di sigaretta. Le sfiorava il naso con il suo. Le diceva che era la più bella e Katja scappava nell'altra stanza, scappava in strada, gridava: «Non ti credo! Non ti credo!». Piangeva. Michail tastava il viso di Vasja con i palmi callosi. Vasja restava immobile e sopportava, poi correva a lavarsi.

Quando compirono sedici anni gli proibirono di toccargli il viso. Adesso era Tanja che diceva al marito com'erano i suoi figli. Michail sapeva che a trent'anni Vasja aveva cominciato a perdere i capelli, e che a Katja mancava il mignolo del piede destro – una lastra pesante le era caduta sul dito e avevano dovuto amputarglielo. Lui pensava che fosse colpa sua: i figli perdevano una parte di loro perché una volta anche lui aveva perso una parte di sé.

Quand'erano nati Tanja non aveva pianto perché con due gemelli sarebbe stato difficile. Michail l'aveva ringraziata con il pensiero. Se la moglie avesse detto di non farcela, lui non avrebbe potuto sopportarlo. Anche quella sarebbe stata colpa sua. Al posto delle culle, delle pile di pannolini, delle fila di biberon lui vedeva dei rettangoli grigi, al posto dei bambini, due ovali grigi che urlavano. Michail prendeva in braccio uno degli ovali, vedeva accanto a sé l'ombra tremante della moglie, due linee grigie si allungavano verso di lui. Le braccia: lei lo sosteneva, aveva paura. L'ovale piangeva, poi si calmava. Michail non sapeva se fosse Katja o Vasja. Avrebbe voluto prenderli in braccio tutti e due, portarli in camera, cantargli una ninna nanna e mandare la moglie a riposare, ma non poteva. Avrebbe mancato il rettangolo della culla, avrebbe confuso i biberon, avrebbe messo un ovale sull'altro. Avrebbe sbagliato ogni cosa.

Era ancora più difficile che lavorare in cantiere, dove Michail si era trovato un posto prima del matrimonio. Per una settimana era andato dal capomastro e lo aveva pregato di assumerlo per trasportare mattoni, mescolare cemento, qualunque cosa. Il capomastro si era convinto, e Michail non lo aveva deluso. Il suo primo giorno di lavoro Tanja piangeva. Senza singhiozzi, piano piano, tirando su col naso di tanto in tanto. Michail le accarezzò le guance bagnate, le asciugò gli occhi, le giurò che non gli sarebbe caduto in testa neanche un mattone. Tanja rispose: «Stupido che non sei altro, io piango di felicità. Di colpo ho capito che per me sei il più forte di tutti, vieni qui che ti abbraccio».

Tanja permetteva al marito di toccarla. Glielo chiedeva: «Lascia stare Vasja, meglio se accarezzi me». Michail conosceva già ogni suo dettaglio, ogni curva, angolo, protuberanza. Accendeva lo stereo che gli

меня». Михаил и без того знал каждую ее черточку, каждый изгиб, поворот, припухлость. Он включал магнитофон, присланный «Обществом инвалидов». Кобзон из колонок просил не думать о секундах свысока. Михаил скользил ладонями по телу жены: холодные мочки ушей, острые ключицы, круглые плечи, гусиная кожа на локтях, грудь восьмого размера, родинка над пупком, ямка на правой ягодице, крепкие икры, второй палец на ноге длиннее первого. Михаил вдыхал, втягивал Таню в себя, боясь, что однажды наступит полная тьма и тогда он перестанет узнавать ее силуэт. Тогда он должен знать, как жена пахнет, чтоб отыскать ее в темноте, но ее запах постоянно менялся: от нее пахло детским молоком, после работы — мелом, по вечерам — едой, по праздникам — цветочным. Таня ежедневно меняла аромат, и Михаил чувствовал, как она от него ускользает.

Однажды он чуть не потерял ее. Это не должно было случиться дважды.

В день свадьбы Михаил Таню не видел, хотя мечтал об этом со дня их встречи. Он щупал: приподнятые плечи, прикрытая грудь — «Зачем ты ее спрятала?», шов на талии, широкая юбка, фата-занавеска, пушистые кудри вместо привычно гладких волос. Лицо попросила не трогать — сотрет макияж, голубые тени, коричневую помаду, розовый румянец. В день встречи Таня была без косметики.

— Зачем накружилась?

— Чтобы было красиво.

— Я не вижу, красиво или нет.

— Я знаю.

Все говорили, что Таня Михаила пожалела, решила, что он никому, кроме нее, не нужен. Все было наоборот: ей никто не нужен был, кроме него. Любого — хромого, косоного. Слепого. Слепота не мешала ее любви. И новый Михаил любил по-особенному, не глазами, как многие мужчины в их городке, он любил руками, он любил всем, что у него было. Словно потеряв зрение, он усилил остальное. Особенно, любовь.

Когда Михаил ослепший пришел из армии, он отправился на танцы. Нет, не так — Юрка затащил его туда в первый же день. Михаил не хотел. Стеснялся. Танцевать он не любил. До армии ему нравилось лишь смотреть на девчонок, что вставали в кружок и, улыбаясь

avevano mandato dalla Comunità degli Invalidi. Dall'altoparlante la voce di Kobzon gli chiedeva di non sciupare neanche un secondo. Michail faceva scivolare le mani sul corpo della moglie: i lobi freddi delle orecchie, le clavicole spigolose, le spalle rotonde, la pelle d'oca sui gomiti, il seno ottava misura, il neo sopra l'ombelico, la fossetta sulla natica destra, i polpacci robusti, il secondo dito del piede più lungo del primo. Michail ispirava, stingeva Tanja a sé, temendo che un giorno l'oscurità assoluta sarebbe arrivata e lui non avrebbe più saputo riconoscere i contorni della moglie. Allora doveva sapere che odore avesse, per poterla riconoscere al buio, ma il suo profumo cambiava di continuo: odorava di latte per bambini, dopo il lavoro di gesso, la sera di cibo, durante le feste di fiori. Tanja cambiava fragranza ogni giorno, e Michail la sentiva scivolare via da lui.

Già una volta per poco non l'aveva persa. Non sarebbe dovuto accadere di nuovo. Il giorno delle nozze Michail non la vide, anche se aveva sognato quel momento fin dal loro primo incontro. Lui la tastava con le mani: le spalle rialzate, il seno coperto. «Perché l'hai nascosto?» La cucitura sui fianchi, la gonna ampia, il velo lungo, i boccoli soffici al posto dei soliti capelli lisci. Tanja lo pregò di non toccarle il viso: le avrebbe rovinato il trucco, l'ombretto blu, il rossetto scuro, il fard rosa. La prima volta che l'aveva vista Tanja era senza trucco.

«Perché ti sei truccata?»

«Per essere più bella».

«Bella o brutta, io non vedo niente».

«Lo so».

Tutti dicevano che Tanja provasse pena per lui, che avesse deciso che a Michail non serviva nient'altro che lei. Ma era il contrario: era a lei che non serviva nient'altro che lui. Comunque egli fosse: zoppo, sbilenco. Cieco. La cecità non turbava il suo amore. E il nuovo Michail amava in un modo tutto suo, non con gli occhi, come molti uomini della loro città. Lui amava con le mani, amava con tutto quello che aveva. Come se, perdendo la vista, avesse rafforzato tutto il resto. Soprattutto l'amore.

Quando Michail tornò cieco dall'esercito se ne andò a ballare. Cioè, non proprio, era stato Jurka a trascinarlo dietro quel giorno stesso. Michail non voleva. Si vergognava. Ballare non gli piaceva. Prima dell'esercito gli piaceva solo guardare le ragazze che si mettevano in cerchio e muovevano le gambe, scambiandosi sorrisi come se non ci fosse nessuno intorno. Adesso non vedeva né le ragazze, né il cerchio, né le gambe.

друг другу, словно никого вокруг, двигали ножками. Теперь же он не видел девчонок, кружок, ножки. Ничего. Он стоял в углу, пропускал через себя музыку, боялся шелохнуться, ждал, пока вернется отошедший куда-то Юрка. Михаил хотел попросить друга отвести его домой — невыносимо на танцах находиться. Вдруг что-то темное проплыло мимо него и превратилось в свет, ослепив Михаила во второй раз.

Это была Таня. Михаил это точно знал.

— Ты как? — спросил его вернувшийся Юрка.

Михаил сжал друга за предплечье.

— Это Таня там?

— Она. А как ты узнал?

— По большим титькам, — отшутился Михаил, не желая обнажать перед Юркой внутреннее. Решение не быть с Таней, которое он принял, услышав: «Зрение не восстановится», не мучать ее, рассыпалось — не собрать. Он понял, что любит ее даже такую — серым пятном. Он везде узнает ее. Найдет среди тысяч других пятен. Михаил закрыл глаза, хотя в том не было смысла — темнота черная, темнота серая. Хотелось воздуха, воздуха, воздуха. Свежего. Холодного. Большого глотка воздуха.

— Она смотрит на меня?

— Нет.

— И я не буду на нее смотреть.

Перед самым закрытием клуба Михаил подошел к Тане, пригласил на медленный танец. Она покраснела от гнева, хотела отказать, но заметила, что смотрит бывший возлюбленный (бывший?) мимо нее, почувствовала — что-то не так. Согласилась. Первую минуту молчали, неуклюже топтались на месте. Михаил наступал Тане на ноги, вести пришлось ей. На втором куплете девушка решила:

— Ты почему не отвечал мне?

Первые полгода в армии Михаил писал Тане длинные письма. Она — короткие, но на одно его письмо присылала пять ответных. Потом все оборвалось. Тридцать ее писем осталось без ответа. Таня ходила к матери Михаила, та смотрела на девушку через щелочку и,

Niente. Se ne stava in un angolo, incurante della musica, temendo di muovere anche solo un muscolo, e aspettava Jurka che si era cacciato chissà dove. Michail voleva chiedergli di riportarlo a casa: era insopportabile stare lì alla festa. D'un tratto qualcosa di scuro gli scivolò accanto e si trasformò in luce, accecandolo per la seconda volta.

Era Tanja. Michail ne era certo.

«Come stai?» gli chiese Jurka quando ritornò.

Michail prese l'amico per il braccio.

«Quella là è Tanja?»

«Sì, è lei. Come l'hai capito?»

«Dalle tette grandi» scherzò Michail, non volendo rivelare a Jurka quello che aveva dentro.

La decisione di non stare con Tanja, che aveva preso mentre gli dicevano «la vista non ritornerà mai più», la scelta di non ferirla, si sgretolò: non sarebbe più riuscito a ricomporla. Capì che l'avrebbe amata anche così, come una macchia grigia. L'avrebbe riconosciuta ovunque. L'avrebbe trovata anche in mezzo ad altre mille macchie. Michail chiuse gli occhi, anche se era un gesto insensato – oscurità nera, oscurità grigia. Aveva bisogno di aria, aria, aria. Fresca. Gelida. Un'enorme boccata d'aria.

«Mi sta guardando?»

«No».

«Allora non la guarderò nemmeno io».

Poco prima che chiudesse il locale Michail andò da Tanja, la invitò per un lento. Lei arrossì di rabbia, avrebbe voluto rifiutare, ma notò che lo sguardo dell'uomo che un tempo aveva amato (un tempo?) la oltrepassava, sentì che qualcosa non andava. Accettò. Il primo minuto rimasero in silenzio, ballonzolando impacciati. Michail non faceva che pestarle i piedi, toccò a Tanja condurre il ballo. Alla seconda strofa la ragazza si fece coraggio:

«Perché non mi hai risposto?»

I primi sei mesi in esercito Michail le scriveva delle lunghe lettere. Quelle di Tanja erano brevi, ma ad ogni sua lettera lei rispondeva con altre cinque. Poi tutto era finito. Trenta delle sue lettere rimasero senza risposta. Tanja andava dalla madre di Michail, quella la guardava dallo spioncino e singhiozzando diceva: «Oh, ragazza mia, dimenticatel».

заливаясь слезами, говорила: «Ой, девонька, забудь его».

— Не мог.

— Я написала тебе, что мы расстаемся.

— Я не читал. А чтобы другие читали твои слова, я не хотел.

— Почему тогда сразу не подошел?

— Юрка передал, что ты обиделась.

— Миша! Что случилось? — не выдержала Таня.

Схватила его за плечи, посмотрела ему в лицо, заглянула в глаза. Из небесно-голубых они превратились в мутные, белые. Чужие. Они смотрели на нее. Они смотрели мимо нее. Они шарили по поверхности. Они видели только вглубь. Из некогда любимых глаз покатались слезы. Слезы тоже были мутными.

— Иди обниму...

Михаил всегда был задирой. Иначе не отбил бы Таню у двоюродного брата. В армии поспорил с сержантом, наговорил тому такого, что рядовым не прощается. Ему и не простили: устроили темную, избили ночью в туалете. Попали по затылку. На утро Михаил очнулся в госпитале, открыл глаза и впервые увидел тьму. Потом был яркий свет, и черное пятно—врач говорило: «Зрение уже не восстановится».

Зрение уже не восстановится.

Зрение уже не восстановится.

Михаил лежал в госпитале и вызывал образ Тани, собирал его по кусочкам, по черточкам, боялся забыть хоть миллиметр любимой. Думал: «Неужели я ее никогда больше не увижу?» Зрение уже не восстановится. Закрытые глаза. Открытые глаза. «Таня! Где ты, Таня?» Михаил видел зеленую траву, синий забор возле дома с красной черепицей, отцветшую сирень — их день знакомства. Посреди тропы появилась она, шла к брату, пришла к Михаилу. Тонкая талия, черная блестящая коса по пояс, пышная грудь и смешливый взгляд. Таня протянула нежные белые руки, Михаил крепко сжал их, обещая себе никогда не отпускать.

— Иди обниму.

«Non ho potuto».

«Ti ho scritto che era finita».

«Non ho letto, e non volevo che gli altri leggessero le tue parole».

«Allora perché non sei venuto subito?»

«Jurka mi ha detto che ti eri offesa».

«Miša! Che ti è successo?» Tanja non riuscì più a trattenersi.

Lo prese per le spalle, lo guardò in faccia, lo fissò negli occhi. Da azzurro cielo erano diventati torbidi e bianchi. Estranei. La guardavano. La oltrepassavano. Scrutavano in superficie. Vedevano solo in profondità. Da quegli occhi un tempo cari scorrevano lacrime. Anche le lacrime erano torbide.

«Vieni qui che ti abbraccio...»

Michail era sempre stato un attaccabrighe. Altrimenti non avrebbe rubato Tanja al cugino. All'esercito litigò con un sergente, gli disse cose imperdonabili per un soldato semplice. E infatti non glielo perdonarono. Lo aggredirono, lo picchiarono di notte nel bagno. Lo colpirono alla nuca. La mattina dopo Michail si svegliò in ospedale, aprì gli occhi e per la prima volta vide l'oscurità. Poi ci fu un bagliore intenso e una macchia nera, il medico, disse:

«La vista non tornerà mai più».

La vista non tornerà mai più.

La vista non tornerà mai più.

Michail era in ospedale e rievocava l'immagine di Tanja, la ricomponeva pezzo per pezzo, dettaglio per dettaglio, temeva di dimenticare anche solo un millimetro della donna che amava. Pensava: "E se non dovessi più rivederla?". La vista non tornerà mai più. Occhi chiusi. Occhi aperti. «Tanja! Dove sei, Tanja?». Michail vedeva l'erba verde, il recinto blu accanto alla casa con le tegole rosse, i lillà appassiti – il giorno del loro primo incontro. Al centro della strada comparve lei, andava dal fratello, veniva da Michail. I fianchi stretti, la treccia nera e lucida fino alla vita, il seno prosperoso e lo sguardo allegro. Tanja gli tese le mani morbide e bianche, Michail le strinse forte, giurando a sé stesso che non le avrebbe mai lasciate.

«Vieni qui che ti abbraccio».

Отзыв о рассказе

Рассказ Настасьи Реньжиной «Слепая любовь» в самом названии несет игру слов и двойной смысл. Известная русская поговорка: «Любовь слепа», – то есть любящий человек не замечает недостатков, физических и душевных, любимого человека. В рассказе Реньжиной любовь слепа в буквальном смысле со стороны одного персонажа – Михаила, который после избиения его в армии сослуживцами потерял почти все зрение. Мир для него превратился в мир теней и силуэтов. По этой причине он прекращает переписку с любимой девушкой, но, вернувшись, все-таки идет с другом на танцы и приглашает ее на танец. Далее весь рассказ посвящен их семейной жизни. Таня любит своего мужа не из жалости, а потому что это настоящая любовь, которая тоже слепа, но уже в другом смысле. Особенно трогательно описаны отношения Михаила с детьми – то, как он боится брать их на руки, как трогает их лица, чтобы почувствовать, как они выглядят, как, взрослея, дети запрещают ему это делать из брезгливости. Главная ценность рассказа не в этой достаточно сентиментальной ситуации, а в том, как он написан – просто, порой безжалостно, но в целом рассказ оставляет доброе, щмящее чувство сострадания к героям и даже определенного любования их душевными качествами. Это очень жизненная и в то же время вдохновенная проза. И эта та сторона жизни, о которой нужно знать.

Павел Басинский

Nota critica

Fin dal titolo il racconto di Nastas'ja Ren'žina *Un amore cieco* porta con sé un gioco di parole e un doppio significato. Un richiamo al famoso detto russo “l'amore è cieco”, il che vuol dire che gli innamorati non notano né i difetti fisici né quelli caratteriali della persona che amano. Nella storia di Ren'žina l'amore è cieco nel vero senso della parola per Michail, uno dei personaggi, che ha perso quasi completamente la vista dopo essere stato picchiato dai suoi commilitoni. Il suo diventa un mondo fatto di ombre e figure. Per questo interrompe la corrispondenza con la ragazza che ama anche se, quando torna dall'esercito, va a una festa con un amico e la invita a ballare. Tutto il racconto è poi dedicato alla loro vita familiare. Tania non ama il marito perché ha pena di lui, ma perché prova un amore sincero, anch'esso cieco, ma in un altro senso. Particolarmente toccanti sono le descrizioni della relazione tra Michail e i suoi figli: come lui abbia il timore di prenderli in braccio, come tasti i loro volti per sentire che aspetto hanno, come i figli da grandi gli vietino di farlo perché ne sono disgustati. Tuttavia, il pregio più importante del racconto non sta in queste scene abbastanza sentimentali, ma nel modo in cui vengono descritte: con schiettezza, quasi a sfiorare l'insensibilità, per quanto in generale la storia trasmetta un sentimento dolcissimo di compassione verso il protagonista, e addirittura una certa ammirazione per le sue qualità interiori. Si tratta di una prosa molto viva e al contempo ispirata. Ed è proprio questo il lato della vita che bisogna conoscere.

Pavel Basinskij

Биография

Настасья Реньжина родилась в поселке Первомайском Вологодской области, проживает в Москве. Финалист премии «Лицей» (2021), участник и стипендиат Форума имени Сергея Филатова «Липки», обладатель награды «Слова на вес золота» от издательского дома «Аргументы и Факты». Номинант на премию «Ясная Поляна». Публиковалась в журнале «Бельские просторы», на портале «Год литературы», выпустила в издательстве «Эксмо» романы «Бабушка сказала сидеть тихо» (2024) и «Сгинь!» (2024). Готовятся к публикации рассказы в журналах «Дружба народов», «Формаслов», в сборнике «Зодиак» издательства «Вече».

Biografia

Nastas'ja Ren'žina è nata a Pervomajskij, un villaggio nell'oblast' di Vologda, e oggi vive a Mosca. È stata finalista del Premio Licej (2021); ha partecipato al Convegno “Lipki” dedicato a Sergej Filatov, dove ha ricevuto una borsa di studio; ha vinto il Premio “Slova na ves zolota” della casa editrice Argumenty i Fakty; è stata candidata al Premio Jasnaja Poljana. Le sue opere sono apparse sulla rivista “Bel'skie prostory” e sul sito God literatury, mentre con la casa editrice Eksmo ha pubblicato i romanzi *Babuška skazala sidet' ticho* (2024) e *Sgin'* (2024). Nuovi racconti usciranno a breve sulle riviste “Družba narodov”, “Formaslov” e nella raccolta *Zodiak* della casa editrice Veče.

Екатерина Топникова

Перевод на итальянский язык Федерики Руджери

Ekaterina Topnikova

Traduzione in italiano di Federica Ruggeri

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО

Катя вышла из троллейбуса и поплотнее закуталась в пальто. Лето в этом году выдалось неплохое, но север не был бы севером, если бы не припас в июле пару дней с температурой +6. В пакете звякнуло. Тетка на остановке пыталась смерить Катю осуждающим взглядом, но обломалась — Катя ехала с работы, поэтому была в элегантном пальто и на каблучках и выглядела вызывающе прилично. К тому же в пакете у нее были не бутылки, хотя их наличие Катя не считала фактом, достойным осуждения, а печень трески в стеклянных литровых банках. Несмотря на то, что Мурманск — портовый город, найти качественную рыбу или морепродукты в сетевых магазинах сейчас практически нереально. Ими торгуют или нелегально через сарафанное радио, или на редких специализированных ярмарках. Так что, когда Кате предлагали втихаря приобрести печень трески, она не отказывалась и всегда брала две банки — по одной себе и отцу. Тот очень любил печень, а еще делал из нее бесподобную закуску с картошкой, луком и маринованными огурчиками.

Вспомнив об этой божественной закуске, Катя сглотнула и ускорила шаг. Есть хочется!

— О, пришла! А я жду-жду, чайник уже три раза кипятил!

— Пап, ну я с работы же, пока в магазин зашла еще.

— А зятя чего с собой не взяла?

— Работает, — сухо ответила Катя и ушла в ванную мыть руки.

Максим не работал сегодня. Точнее, она не знала, работает он или нет. Она съехала от мужа полгода назад и до сих пор не сказала об этом отцу.

Катю злили эти вопросы, а еще то, что папа задавал их теперь абсолютно каждый раз. Когда они еще были вместе, Макс мог подолгу не появляться тут, потому что действительно много работал. И папа тогда не спрашивал. А теперь постоянно, да еще смотрит так пытливо.

Катя даже стала реже к нему заезжать. Брат живет с ним, присматривает, ей необязательно часто ездить. Так она себя утешала. А на самом деле просто боялась опять этих вопросов и пристального взгляда. Как объяснить папе, что ушла от мужа, сама, по собственной воле?

LA FREDDA ESTATE DEL DUEMILAVENTUNO

Katja scese dal filobus e si avvolse più strettamente nel cappotto. L'estate, quest'anno, in fondo, non era poi così male, ma il nord non sarebbe lo stesso se non avesse di scorta quel paio di giorni di luglio con la temperatura a 6 gradi.

Dalla busta si sentì un tintinnio. Una signora alla fermata cercò di squadrare Katja con un'occhiata di disapprovazione, ma si dovette ricredere — Katja tornava dal lavoro, per questo indossava un cappotto elegante e scarpe con un po' di tacco e appariva spudoratamente a modo. Inoltre, nella busta non c'erano bottiglie, anche se Katja non le considerava un motivo valido per essere giudicata, ma fegato di merluzzo in vasetti di vetro da un litro.

Nonostante Murmansk sia una città portuale, trovare del pesce di qualità o dei frutti di mare nelle grandi catene di negozi al giorno d'oggi è praticamente impossibile. Vengono smerciati illegalmente per passaparola, oppure nelle rare fiere di settore. Perciò, quando a Katja veniva furtivamente proposto di acquistare del fegato di merluzzo, non si rifiutava e prendeva sempre due vasetti — uno per sé e l'altro per il padre. Lui amava molto il fegato e inoltre ci preparava un delizioso paté con patate, cipolle e cetrioli marinati.

Ricordatasi di quel paté divino, Katja deglutì e alzò il passo. Che fame!

— Eccola, è arrivata! E io, mentre ero qui ad aspettarti, ho messo l'acqua a bollire già tre volte!

— Papà, sai che torno dal lavoro, e poi sono anche passata dal negozio.

— E il mio genero, perché non l'hai portato con te?

— Sta lavorando. — rispose freddamente Katja e andò in bagno a lavarsi le mani.

Maksim non lavorava oggi. O meglio, lei non sapeva se lavorasse o meno. Se ne andò dal marito sei mesi fa e ad oggi non lo aveva ancora detto al padre.

Ad irritare Katja erano non solo queste domande, ma anche il fatto che il padre gliel'facesse ormai ogni volta. Quando erano ancora insieme, capitava che Maks non si facesse vedere qui per tanto tempo perché effettivamente lavorava molto. E papà allora non faceva domande. Ora, invece, non smetteva di farne, per di più con un occhio scrutatore.

Katja iniziò persino a passare da lui più raramente. Il fratello vive con lui, se ne prende cura, non c'è bisogno di andarci spesso. Si confortava in questo modo. Ma in realtà aveva solo paura che le facesse di nuovo quelle

Который не бьет, деньги из дома не несет, вроде даже любит? Ей и самой причина ее ухода не казалась достаточно веской — подумаешь, несчастлива! — поэтому отстаивать ее перед другими, тем более перед отцом, она была не в силах.

Папа и сам стал реже звонить и спрашивать, почему она не приезжает. В феврале — подумать только! — забыл про Прощеное воскресенье. Он всегда, сколько Катя себя помнила, звонил и просил прощения. А когда она просила в ответ, говорил: «Бог простит, а ты передо мной ни в чем не виновата». Это и красить яйца на Пасху были единственными православными традициями, которые блюли в их семье. А тут забыл! И не вспомнил, даже когда она позвонила сама. Не мог сначала понять — за что Катя просит прощения, почему, что натворила? Катя грустила тогда: папа раньше ничего не забывал. Но он сдал сильно в последний год. Катя грешила на пандемию. В отличие от воинственных старушек, которые утверждали, что ковида не существует и упорно тащились в магазин и поликлинику лично, папа в серьезность ситуации поверил сразу и, может быть, даже слишком рьяно принялся соблюдать правила. Это привело к тому, что больше года он практически не выходил из дома вообще. В отпуск тоже не поехал, конечно, ни в двадцатом году, ни в этом. На солнце не был. Это не могло не сказаться на здоровье: он захирел и в свои шестьдесят восемь выглядел на все восемьдесят — худой, сгорбленный, с уже совсем побелевшей шевелюрой.

Собственно, из-за шевелюры Катя сегодня здесь. Несмотря на то, что уже все работало, не выходить из дома папе понравилось, соответственно, в парикмахерскую его тоже было не выгнать. Поэтому стригла его Катя, попросив у друга машинку. Выходило неплохо, она даже переходики оформляла, недаром прошел год обучения парикмахерскому искусству в «Лапландии» лет пятнадцать назад.

Вот и сегодня Катя подстригла отца, полюбовалась немного своим творением, съела бутерброд с той самой легендарной закуской из печени и начала собираться. А то вдруг папа снова начнет спрашивать.

— До Нового года-то еще заглянешь? Я как раз снова обрасту...

— Ну что ты прибудняешься, скоро заеду. Мне тут еще печени пообещали, вроде на следующей неделе будет.

domande e la scrutasse con quello sguardo intenso. Come spiegare a papà che era stata lei a lasciare il marito, per sua libera scelta? Marito che non la picchia, non porta via soldi da casa e che pare persino la ami? Neanche a lei stessa la causa della sua decisione di andare via sembrava abbastanza valida — si sentiva infelice, pensa un po'! — per questo, di propugnarla agli altri e, a maggior ragione al padre, non se la sentiva.

Anche il padre iniziò a chiamare più raramente per chiedere perché non andasse a trovarlo. A febbraio — ma tu pensa! — si scordò della Domenica del Perdono. Da che ha memoria Katja, lui telefonava sempre e chiedeva perdono. E quando lei glielo chiedeva in risposta, lui diceva: “Dio perdonerà, ma tu, nei miei confronti, non hai nessuna colpa”. Questa, insieme alla decorazione delle uova per Pasqua, erano le uniche tradizioni ortodosse che si osservavano nella loro famiglia. Ma questa volta se ne dimenticò! E non se ne ricordò neanche quando fu lei a chiamarlo. Inizialmente non riusciva a capire per cosa Katja gli chiedesse perdono, perché, cosa aveva combinato?

Katja allora si rattristò: papà prima non dimenticava nulla. Tuttavia, si era indebolito molto nell'ultimo anno. Katja dava tutta la colpa alla pandemia.

Rispetto alle vecchiette agguerrite che affermavano che il covid non esistesse, trascinandosi ostinatamente di persona al negozio o al poliambulatorio, papà credette sin da subito alla gravità della situazione e, probabilmente, cominciò ad osservare le regole in maniera persino troppo zelante. Questo fece sì che per più di un anno non uscisse quasi mai di casa. Ovviamente non partì neanche in vacanza, né nel duemilaventi, né quest'anno. Non vide un raggio di sole. Questo non poteva che riflettersi sulla sua salute: si era deperito e, nei suoi sessantotto anni, ne dimostrava non meno di ottanta — magro, ingobbito e con una capigliatura ormai completamente canuta. E proprio per quella capigliatura Katja si trovava qui oggi. Nonostante tutte le attività e i negozi fossero già aperti, a papà era piaciuto starsene a casa, di conseguenza, non c'era verso di farlo andare nemmeno dal parrucchiere. Per questo era Katja a tagliargli i capelli con la macchinetta che si era fatta prestare da un amico. Non se la cavava per niente male, gli faceva persino le sfumature. Dopotutto, quell'anno passato da “Laplandija” a studiare l'arte parrucchiera, circa quindici anni fa, le tornò utile.

Anche oggi Katja aveva tagliato i capelli a suo padre, aveva ammirato per qualche istante la propria opera, aveva mangiato una fetta di pane con quel famoso paté di fegato e aveva iniziato a prepararsi per andare via. Non sia mai che papà riprenda a farle le solite domande.

— Prima di Capodanno passi di nuovo? Sarò già ridiventato un barbone...

Ей хотелось рассказать ему, очень хотелось. Ей даже было нужно это — прижаться к нему, расплакаться на плече, рассказать, как ей было страшно и больно. Катя думала, что он не понял бы ее поступка и начал бы переубеждать. И, возможно, переубедил бы, а Катя так долго решалась на развод.

Катя боялась ранить отца, ведь для него семья была самым важным на свете. Однажды на каком-то застолье папа вдруг в упор на нее посмотрел и сказал, что «интрижки заводить можно, рушить семью — никогда». Как будто знал что-то. Но он не мог ничего знать. Кате стало не по себе, и она быстренько перевела тему на что-то более невинное.

Катя родилась, когда отцу было тридцать семь, уже целая жизнь позади. Но ходили легенды, что он никогда ни на одну женщину, кроме мамы, не посмотрел. А ведь они были женаты к тому моменту уже пятнадцать лет! Потом, когда ее не стало, не снимал кольцо и с другими дамами не общался. На вопросы любопытных говорил, что «Катя у него такая харàктерная, она другую женщину дома не потерпит». Но они никогда не обсуждали с ним других женщин.

Перед таким моральным камертоном было особенно горько признать свое поражение. Катя всегда мечтала быть похожей на папу, но ее решение развестись перечеркнуло эти надежды. До папы Кате далеко.

***

Через две недели позвонил брат и сообщил, что папа умер. Внезапно поплохело, он вызвал скорую, те приехали на удивление быстро, но было поздно — по пути в больницу его не стало. А ведь Катя так и не заехала к нему больше.

На похоронах соседка тетя Маша, плача, обняла Катю:

***

— Так быстро! Бедный Серега, два месяца! И вот...

— Non stare a piangerti addosso, passo presto. Mi hanno promesso anche dell'altro fegato, probabilmente per la prossima settimana.

Lei voleva raccontargli tutto, lo voleva molto. Anzi, ne aveva proprio bisogno: di stringersi a lui, scoppiare in lacrime sulla sua spalla, raccontargli della paura e del dolore che provava. Katja credeva che lui non avrebbe compreso la sua scelta e che avrebbe cercato di farle cambiare idea. E magari ci sarebbe anche riuscito, ma Katja aveva riflettuto così a lungo prima di decidersi a divorziare.

Katja aveva paura di ferire il padre, dopotutto per lui la famiglia era la cosa più importante al mondo. Una volta, in una delle loro tavolate, papà all'improvviso, con lo sguardo fisso su di lei, le disse che “le avventure possono capitare, ma sfasciare la famiglia — quello mai”. Come se sapesse qualcosa. Ma lui non poteva sapere nulla. Katja si sentì a disagio e spostò alla svelta il discorso su qualcosa di più ingenuo.

Katja nacque quando suo padre aveva trentasette anni, una vita intera già alle spalle. Tuttavia, si diceva che non avesse mai guardato nessun'altra donna oltre la mamma. Sebbene all'epoca fossero già sposati da quindici anni! Poi, quando lei venne a mancare, non si toglieva mai la fede e non frequentava altre donne. Alle domande dei curiosi rispondeva che “la sua Katja aveva un carattere forte, non avrebbe sopportato un'altra donna in casa”. Ma tra di loro non avevano mai parlato di altre donne.

Di fronte ad un esempio di moralità di quel calibro risultava particolarmente sconcertante riconoscere il proprio fallimento. Katja aveva sempre sognato di assomigliare al papà, ma la sua decisione di divorziare ne aveva cancellato ogni speranza. Katja era ben lontana dal papà.

***

Due settimane dopo chiamò suo fratello e le comunicò che papà era morto. Era peggiorato all'improvviso, lui chiamò l'ambulanza che arrivò incredibilmente in fretta, ma era già troppo tardi — se ne andò nel viaggio verso l'ospedale. Eppure Katja non era più passata a trovarlo.

***

Al funerale la vicina di casa, la signora Maša, in lacrime abbracciò Katja:

— Se l'è portato via in così poco tempo! Povero Serëga, due mesi! E poi...

— Что два месяца?

К Кате с висящей на ней тетей Машей подскочил брат:

— Оля! — позвал он жену. — Помоги тетя Маше! — и аккуратно отцепив Катю от соседки, отвел ее в сторону.

— Катюх, он просил не говорить тебе, я обещал.

— Не говорить что? — Катя, заподозрившая неладное, в другой раз бы уже бушевала, но сейчас, под пустырником, она просто в упор уставилась на брата.

— Мы же сходили все-таки к врачу из-за его кашля. Там дядька был такой дельный, он сообщил диагноз, а потом, доверительно, что лечение уже вряд ли поможет, только измучает его. Отец отказался лечиться. И попросил тебе не рассказывать, сказал, что тебе и так сейчас не сладко. В голове у Кати зашумело. Из тысячи вопросов, которые заметались в и без того гудящей черепной коробке, она выбрала самый никчемный:

— Ты что, рассказал ему про развод?

— Ничего я не рассказывал, ты же просила. С вами вообще, как меж двух огней — одному одно не говори, другой другое... Он и так все понял, это ж папа.

Катя ужасно рассердилась на отца. Потому что не сказал, потому что не дал ухаживать за ним, не дал толком попрощаться, не дал отвести к врачам, может еще можно было что-то сделать! А еще, что знал про нее и молчал! Брат прочитал эти мысли на ее лице, словно в газете:

— Катюх, он не хотел всего этого. Врачей, чтоб плясали вокруг него, слез твоих... Не злись на него.

Не хотел он... А чего хотел?! Чтобы Катя стояла тут на Мурмашинском кладбище и чувствовала себя потерявшимся щенком?

— Я постараюсь. Вы идите к машине. Я сейчас.

Похороны и так мероприятие нервное, а тут еще эта новость — Катю внезапно накрыла смертельная усталость. Злость испарилась так же стремительно, как и возникла. Катя глубоко вдохнула влажный августовский воздух и с нежностью погладила шероховатый бок креста:

— Господи, папа, какие же мы с тобой глупые.

— Due mesi cosa?

Verso Katja, assorbita totalmente dalle attenzioni della signora Maša, si precipitò suo fratello:

— Olja! — chiamò lui la moglie. — Da' una mano alla signora Maša! — e schiodò con garbo la vicina da Katja, prendendo la sorella in disparte.

— Katjucha, mi aveva chiesto di non dirtelo, gliel'avevo promesso.

— Non dirmi cosa? — Katja, insospettitasi, in un'altra situazione sarebbe già andata su tutte le furie, ma ora, sotto l'effetto di tranquillanti, si limitò a guardare fisso il fratello.

— Alla fine siamo andati da un medico per la sua tosse. Era uno in gamba, ci ha comunicato la diagnosi e poi, in confidenza, che la terapia difficilmente ormai lo avrebbe aiutato, lo avrebbe solo debilitato. Papà si rifiutò di curarsi. E chiese di non raccontarti nulla, disse che avevi già tanti pensieri di tuo.

Nella testa di Katja iniziò un gran frastuono. Tra le mille domande che si affollavano nella sua scatola cranica, frastornata anche senza quella notizia, scelse quella più inconcludente:

— Non gli avrai mica raccontato del divorzio?

— Non ho raccontato niente io, me lo avevi chiesto. Con voi è come essere tra due fuochi — non dire questo a uno, non dire quello all'altro... Lui aveva già capito tutto, parliamo di papà.

Katja si infuriò terribilmente con suo padre. Perché non glielo aveva detto, perché non le aveva dato modo di prendersi cura di lui, non le aveva permesso di salutarlo come si deve, non le aveva dato la possibilità di accompagnarlo dai medici, magari si sarebbe potuto fare qualcos'altro! E in più, perché sapeva della sua situazione e non diceva nulla! Il fratello lesse questi pensieri sul suo volto, come se leggesse un giornale:

— Katjucha, lui non voleva tutto questo. Medici che gli si sarebbero dimenati intorno, le tue lacrime... Non arrabbiarti con lui.

Non lo voleva... E cosa voleva?! Che Katja si ritrovasse qui nel cimitero di Murmansk a sentirsi un cucciolo smarrito?

— Ci proverò. Voi andate in macchina. Arrivo subito.

Il funerale già di per sé è un evento emotivamente forte, e come se non bastasse poi anche questa notizia — all'improvviso Katja venne colta da un'estrema stanchezza. La rabbia evaporò con la stessa velocità con cui si era impadronita di lei. Katja ispirò profondamente l'aria umida di agosto e con dolcezza accarezzò il fianco ruvido della croce:

— Dio mio, papà, che sciocchi che siamo.

Отзыв о рассказе

В этом рассказе нет ярких драм, шумных развязок или эффектных монологов. Главная героиня заперта в клетке собственной нерешительности. Она ушла от мужа, но причину не может объяснить даже самой себе. Она любит отца, но избегает его, потому что боится его вопросов. Она хочет быть сильной, однако в итоге оказывается слабой — не перед обстоятельствами, а перед самой собой.

Ее отец не произносит громких слов, не устраивает сцен. Он просто ждет. Ждет, когда дочь наконец решится сказать ему правду. Ждет, когда она перестанет прятаться. Но время уходит, а с ним навсегда уходит и он сам. Его смерть столь же буднична, как его жизнь: тихая, одинокая, почти незаметная.

И вот здесь наступает время правды. Оказывается, отец обо всем знал. Знал и брат. Знала даже соседка. Все знали, кроме Кати — потому что она просто не хотела знать. И теперь ей остается только стоять у могилы, понимая, что последний человек, любивший ее безо всяких условий, ушел, так и не дождавшись от нее правды.

В рассказе мастерски передана атмосфера хмурого севера — не только в пейзажах, но и в душах героев. Образ холодного лета служит яркой развернутой метафорой человеческих отношений.

Диалоги звучат настолько естественно, что кажется, будто подслушаны в реальной жизни, а детали — вроде печени трески, забытого Прощеного воскресенья или парикмахерских навыков героини — делают историю живой и осязаемой. Поэтому, когда звучит последняя фраза («Господи, папа, какие же мы с тобой глупые»), у читателя не остается ни малейших сомнений в искренности героини. Той самой искренности, которой не хватало ей при жизни отца.

Андрей Геласимов

Nota critica

In questo racconto non vi sono forti drammi, clamorosi epiloghi o monologhi d'effetto. La protagonista è rinchiusa nella gabbia della propria indecisione. Ha lasciato il marito, ma il perché non riesce a spiegarlo neanche a sé stessa. Vuole bene a suo padre, ma lo evita perché ha paura delle sue domande. Vuole essere forte, nonostante alla fine si riveli fragile — non nei confronti delle circostanze, ma nei confronti di se stessa.

Suo padre non fa sermoni o scenate. Semplicemente aspetta. Aspetta il momento in cui finalmente la figlia si decida a dirgli la verità. Aspetta il momento in cui smetta di nascondersi. Ma il tempo se ne va e, insieme ad esso, se ne va per sempre anche lui. La sua morte si rivela altrettanto ordinaria quanto lo era la sua vita: silenziosa, solitaria, quasi invisibile.

Ed ecco che giunge il tempo della verità. Si scopre che il padre era a conoscenza di tutto. Ne era a conoscenza anche il fratello. E addirittura la vicina. Lo sapevano tutti, tranne Katja — perché semplicemente lei non voleva saperlo. E ora non le resta che ritrovarsi vicino alla tomba, rendendosi conto che l'ultima persona che le aveva voluto bene incondizionatamente se n'era andata, senza che lei sia mai riuscita a confessargli la verità.

Nel racconto viene magistralmente trasmessa l'atmosfera del cupo nord — non solo nei paesaggi, ma anche nell'animo dei personaggi. L'immagine della fredda estate funge da chiara metafora estesa delle relazioni umane.

I dialoghi sembrano così naturali, come se venissero origliati nella vita reale, mentre i dettagli — come il fegato di merluzzo, la Domenica del Perdono dimenticata o le competenze da parrucchiera della protagonista — rendono la storia viva e tangibile.

Dunque, quando risuona l'ultima frase (“Dio mio, papà, che sciocchi che siamo”), al lettore non resta neanche un minimo dubbio sulla sincerità della protagonista. Quella stessa sincerità che le mancava quando il padre era in vita.

Andrej Gelasimov

Биография

Екатерина Топникова (Родина) родилась в Мурманске, окончила факультет журналистики, работает на муниципальной службе, ведет личный телеграм-канал. В конкурсе «Алый парус» от газеты «Комсомольская правда» заняла третье место в номинации «Тематический блог» (2022). Второй год участвует в конкурсе «Радуга».

Biografia

Ekaterina Topnikova (Rodina) è nata a Murmansk; si è laureata alla facoltà di giornalismo, è impiegata presso il servizio municipale, gestisce un suo canale personale su Telegram. Nell'ambito del concorso "Alyj parus", indetto dal giornale "Komsomolskaja pravda", ha ottenuto il terzo posto nella categoria "Blog tematico" (2022). Partecipa per il secondo anno al Premio Raduga.

Анна Шипилова

Перевод на итальянский язык Беатриче Бролло

Anna Šipilova

Traduzione in italiano di Beatrice Brollo

МЫ РЯДОМ

Из-под колес велосипеда летят камушки и едва подсохшая грязь — неделю шли дожди, — над головой трещит линия электропередач. Даша разгоняется, ветер треплет волосы, уши замерзли. Она проезжает мимо старого, давно закрытого аэродрома, колеса подпрыгивают на стыках бетонных плит. Вдалеке на трассе снова поднимают пыль грузовики, они сворачивают на бетонку к аэродрому. Вечерами в выходные мелгородские парни и девушки собираются тут на машинах, гоняют по взлетной полосе, слушают музыку и танцуют. Дашин отец пообещал, что научит ее водить, когда вернется. Кирпичная пятиэтажка раньше была мужским общежитием. Во дворе в инвалидной коляске сидит старик в выцветшей тельняшке и вязаной жилетке. Одна штанина подвернута и заколота выше колена. Даша прислоняет велосипед к стене, подходит к старику, достает из кармана яблоко и протягивает ему.

— Вышли погулять, Александр Иванович? Погода-то какая!

Он улыбается ей, кивает, будто услышал. «Противник нанес удар по Осиновой, есть погибшие и раненые, данные сейчас уточняются», — доносится из его наушников, он поправляет один, засовывает глубже в ухо. «По поводу наступления на Сорокино — противник пытается туда двигаться, пока не очень получается, мы приняли меры. Угроза сохраняется, хотя все стороны измотаны до предела». Услышав родное название, старик делает еще громче, но ведущий уже говорит о другом селе, которое взяли в окружение. Александр Иванович вытирает яблоко о жилетку и откусывает: сладкое, почти как у него в саду. Но сорт другой. Здесь вообще все другое, хоть и рядом, сто километров с лишком. Всю зиму он смотрел в окно на заросший пустырь и мечтал, как будет гулять весной и летом, и когда кончились затяжные дожди, в первый же теплый день уговорил двух ходячих земляков, Виталика и Юрьича, помочь ему — они спустили его на три пролета, усадили в коляску и выкатили во двор. За несколько часов успело похолодать — он не чувствует ног, а руки покрыты

SIAMO VICINI

Da sotto le ruote della bicicletta volano dei ciottoli e del fango quasi asciutto (aveva piovuto per una settimana), sopra la testa crepitano i cavi dell'alta tensione. Daša accelera, il vento le sventola i capelli, le orecchie sono congelate. Passa davanti ad un vecchio aerodromo dismesso da molto tempo, le ruote sobbalzano sulle giunture delle lastre di cemento. In lontananza, i camion stanno nuovamente sollevando polvere sulla strada, svoltano sulla strada di cemento che porta all'aerodromo.

Di sera, nel fine settimana, i ragazzi e le ragazze di Melgorod si ritrovano lì in auto, sfrecciano sulla pista di decollo, ascoltano musica e ballano. Il padre di Daša le ha promesso che le insegnerà a guidare quando tornerà. In passato, l'edificio di mattoni a cinque piani era un dormitorio maschile. Nel giardino c'è un anziano in sedia a rotelle che indossa una maglietta a strisce sbiadite e un gilet lavorato a maglia. Una gamba dei pantaloni è arrotolata e fissata sopra il ginocchio. Daša appoggia la bicicletta al muro, si avvicina all'anziano, estrae una mela dalla tasca e gliela porge.

È uscito a fare una passeggiata, Aleksandr Ivanyč? Che tempo meraviglioso!

Lui le sorride, annuisce come se avesse sentito. “Il nemico ha colpito Osinovataja, ci sono morti e feriti, i dati sono ora in fase di aggiornamento” si sente dalle sue cuffiette, ne sistema una, la infila più profondamente nell'orecchio. “Riguardo all'avanzata su Sorokino, il nemico sta cercando di dirigersi verso quella direzione, per il momento non ha avuto molto successo, sono stati presi dei provvedimenti. La minaccia persiste, nonostante tutte le parti siano sfinite”. Dopo aver sentito il nome familiare, l'anziano alza ancora di più il volume, ma il conduttore sta già parlando di un altro villaggio che è stato accerchiato. Aleksandr Ivanovič strofina la mela sul gilet e la morde: è dolce, quasi come quelle del suo giardino. Ma la varietà è diversa. Qui è tutto completamente diverso, anche se si trova vicino, a poco più di cento chilometri. Per tutto l'inverno aveva guardato fuori dalla finestra il terreno incolto, sognando come avrebbe passeggiato in primavera e in estate e, dopo la fine delle piogge prolungate, il primo giorno di caldo, convinse due compaesani in grado di camminare, Vitalik e Jur'ič, ad aiutarlo: lo portarono giù per tre piani, lo sedettero sulla sedia a rotelle e spinsero in giardino. Nel giro di qualche ora la temperatura aveva fatto a tempo a scendere: non sente più le gambe, le braccia sono coperte di

мурашками, лицо обветрилось и обгорело, колеса завязли в мокрой земле. Даша проходит по коридору до раздевалки, достает из шкафа жилет с надписью «Волонтер Победы» на спине. В сестринской включен сериал, женщина-следователь ищет в овраге тело пропавшей девушки, Даша, посматривая краем глаза, включает чайник. За несколько месяцев она хорошо освоилась, в кухонном шкафу над раковиной ее чашка, в шкафу сменка. Здесь ей нравится гораздо больше, чем дома и, тем более, в школе, здесь она взрослая и нужная. Старшая медсестра, склонившись над столом, решает sudoku, Даша опускает чайный пакетик в чашку с кипятком, садится рядом с ней.

— Ты когда жениха-то найдешь? — спрашивает старшая.

— Да было бы из кого выбирать, Елен Степанна, — Даша пожимает плечами.

— Я в твоём возрасте судно за отцом выносила, а потом всю жизнь за этими, — она указывает подбородком на коридор, — тебе это надо?

— Говорят, скоро всех обратно отправят. Я по средам с детьми занимаюсь, там родители это обсуждали. Все очень домой хотят.

— Это если будет куда отправить. А здесь-то по факту бомжи, домов ни у кого больше нет. — В коридоре раздаётся звук разбившейся посуды. Елена оглядывается, кричит в коридор: — Что там опять?

У нее звонит телефон. Даша слышит из динамика голос водителя:

— Жилин подъехал.

— Иду. — Елена встает, одергивает халат, надевает очки, зовет санитарку: — Валь! Быстро чтобы убрала все!

Даша выходит, переступает через осколки с налипшими чаинками и спешит в дальнюю палату к самым тяжелым, лежачим. Жилин туда заходит, только когда приезжает проверка или журналисты. Даша его побаивается, директор напоминает ей отца, тоже всегда ходит в камуфляже. Он постоянно разглядывает Дашу с ног до головы, переводя взгляд с плеч на грудь, с груди на бедра и колени, предлагает подвезти до дома, она отказывается, а он посмеивается и каждый раз обещает проколоть шины

pelle d'oca, il viso è screpolato e bruciato, le ruote della carrozzina sono bloccate nel terreno bagnato. Daša percorre il corridoio fino allo spogliatoio, estrae dall'armadio il gilet con la scritta "Volontario della Vittoria" sulla schiena. Nella sala delle infermiere stanno trasmettendo una serie tv, un'investigatrice sta cercando il corpo di una ragazza scomparsa in un burrone; Daša, guardando con la coda dell'occhio, accende il bollitore. In pochi mesi è riuscita ad ambientarsi bene, nel pensile della cucina sopra al lavello tiene la sua tazza e nell'armadio un cambio di vestiti. Qui le piace più di casa, e ancora di più della scuola, qui è un'adulta e necessaria. La caposala, chinata sul tavolo, sta facendo un Sudoku, Daša immerge la bustina di tè nella tazza con l'acqua bollente e si siede accanto a lei.

Quando ti troverai un fidanzato? – chiede la caposala.

Se ci fosse qualcuno tra cui scegliere, Elen Stepanna - Daša scrolla le spalle.

Io alla tua età portavo fuori la padella¹ di mio padre, e poi per tutta la vita quelle di questi qui, – e indica con il mento il corridoio - ma chi te lo fa fare?

Dicono che presto li rimanderanno tutti indietro. Io il mercoledì lavoro con i bambini, di questa cosa ne stavano parlando i genitori. Tutti hanno tanta voglia di tornare a casa.

Questo se ci fosse un posto dove mandarli. Ma qui in pratica sarebbero dei senzate, nessuno ha più una casa. - Nel corridoio si sente un rumore di stoviglie rotte. Elena si guarda intorno e urla nel corridoio: - Cosa succede ancora?

Le suona il telefono. Daša sente la voce dell'autista dall'altoparlante:

È arrivato Žilin.

Arrivo. - Elena si alza, si aggiusta il camice, si mette gli occhiali e chiama l'inserviente: - Val'! Veloce, pulisci tutto!

Daša esce, oltrepassa i cocci con le foglioline di tè appiccicate e si precipita nella camera più lontana, dove si trovano i più gravi, gli allettati. Žilin passa per di là solo quando c'è un'ispezione o i giornalisti. Daša ha paura di lui, il direttore le ricorda suo padre, anche lui indossa sempre la mimetica. Lui la squadra costantemente da testa a piedi, spostando lo sguardo dalle spalle al seno, dal seno alle cosce

---

¹ Padella ospedaliera, viene utilizzata per la raccolta di urina e feci nei pazienti non autosufficienti o impossibilitati a raggiungere i sanitari.

ее велосипеда.

Даша подходит к Людмиле Федоровне, бывшей учительнице музыки, берет ее сухую руку в пигментных пятнах. Рука оживает и теплеет, Людмила Федоровна переводит взгляд с потолка на Дашу.

— Дашенька, родная, сделай погромче.

Даша кладет ей под голову вторую подушку, прибавляет звук. Показывают огромный зал с хрустальными люстрами, полная женщина в черном бархатном платье поет, держа микрофон на отлете, стройные девушки чуть старше Даши играют на виолончелях, маленькая седая женщина, еле видная за роялем, играет, и ее бледные тонкие губы двигаются, повторяя слова. Дашина бабушка тоже любила смотреть концерты, называла певиц по именам: «А Лариса похудела» или «Алле этот парик не идет», — будто она им подруга. Даша ложится щекой на колючее одеяло и представляет, что ее гладит по голове бабушка. В нижней части экрана появляется надпись: «Далее — программа “Время”». Пожилой пианистке под аплодисменты вручают букеты. Зрители встают, в первом ряду хлопают и улыбаются люди в военной форме с орденами. Даша вытирает Людмиле Федоровне слезы, стекающие в уши.

— Мои дети в школе пели ее песни на Девятое мая, а я аккомпанировала. У нас ветераны плакали...

— Вы праздновали наш День Победы? — переспрашивает Даша.

Плакат Даша увидела на школьной доске объявлений: ей улыбались девушка и парень в ярко-оранжевых жилетах, в руках у них были коробки с надписью #Мырядом. Под фотографией надпись: «Идёт набор от 16 лет». Женщина в таком же жилете через несколько дней пришла к ним в школу и рассказала, что за волонтерство полагаются баллы и как их можно зачесть при поступлении. Тогда записалась половина старших классов и даже несколько человек из средних — в дома престарелых и детские лагеря, принимавшие беженцев, школьников возили автобусами. Через пару недель автобус ждал волонтеров по полчаса и уезжал полупустым. Еще через месяц Дашу отказались везти одну, она проложила маршрут по карте и поехала на велосипеде.

e alle ginocchia, le offre un passaggio a casa, lei rifiuta, lui ridacchia e le promette di bucarle le ruote della bicicletta.

Daša si avvicina a Ljudmila Fëdorovna, un'ex insegnante di musica, le prende la mano secca e coperta di macchie cutanee. La mano si anima e si riscalda, Ljudmila Fëdorovna sposta lo sguardo dal soffitto a Daša.

Dašen'ka, cara, alza il volume.

Daša le mette un secondo cuscino dietro alla testa, alza il volume. Mostrano una sala enorme con dei lampadari di cristallo, una donna robusta con un abito di velluto nero canta tenendo il microfono con il braccio disteso, delle ragazze snelle un po' più grandi di età di Daša suonano il violoncello mentre una donna di bassa statura con i capelli grigi, appena visibile dietro al pianoforte a coda, suona, e le sue labbra pallide e sottili si muovono ripetendo le parole. Anche la nonna di Daša amava guardare i concerti, chiamava i cantanti per nome: "Larisa è dimagrita" oppure "Alla non sta bene con questa parrucca", come se fosse loro amica. Daša appoggia la guancia sulla coperta pungente e immagina che la nonna le accarezzi la testa. Nella parte bassa dello schermo appare la scritta: "A seguire: il programma "Tempo"". All'anziana pianista vengono consegnati dei bouquet. Il pubblico si alza, in prima fila applaudono e sorridono delle persone che indossano divise militari con onorificenze. Daša asciuga le lacrime di Ljudmila Fëdorovna, che le scorrono nelle orecchie.

I miei bambini a scuola cantavano le sue canzoni per il Nove maggio e io suonavo l'accompagnamento. I veterani piangevano...

Voi festeggiavate il nostro Giorno della Vittoria? – le chiede di ripetere Daša.

Daša aveva visto il manifesto sulla lavagna degli avvisi a scuola: le sorridevano una ragazza e un ragazzo con dei gilet color arancione acceso, in mano tenevano delle scatole con la scritta #Siamovicini. Sotto la fotografia c'era la scritta: "Candidature dai 16 anni". Una donna con lo stesso gilet era andata a scuola da loro qualche giorno dopo e aveva spiegato che per il volontariato veniva assegnato un punteggio e come quest'ultimo poteva essere considerato durante l'ammissione².

---

² In russo la parola *postuplenie* (поступление), nel campo semantico dell'educazione, indica l'ammissione all'università o ad un istituto superiore.

По средам она рисует с детьми, а по субботам, когда уроки только утром, едет в дом престарелых. Баллы уже не начисляют, а одноклассники сажают деревья в «Садах Победы».

— Доченька, помоги мне сесть, — просит Дашу бабушка в белом платке с маками. Обычно она лежит под одеялом, мерзнет круглый год. Даша подхватывает ее под руки и тянет, от бабушки пахнет анисом, похоже на микстуру от кашля, которую Даше давали в детстве. Бабушка снова немного сползает в кровати, Даша подтыкает ей под спину вторую подушку и усаживает повыше. Она растерянно обводит взглядом палату: шесть коек с тумбочками, в углу висит телевизор.

— Где я? — спрашивает бабушка.

Даша слышит какой-то грохот. Она поворачивается к окну и встает, но бабушка говорит:

— Не подходи туда.

Грохот приближается, свет гаснет, Даша опускается на корточки, закрывает голову руками, и в следующую секунду взрывной волной выбивает стекла. Она разлепляет глаза: липкие коричневые ромбы линолеума, пахнувшие мочой и хлоркой, уплывают из-под неподвижных колесиков коек от нее все дальше. Слышит чей-то стон откуда-то сверху, и понимает, что это ее собственный. Под головой что-то хрустит — Даша достает из волос испачканный кровью осколок, смотрит на него и вспоминает, что Александр Иванович остался на улице.

Лестница усыпана разбитым стеклом. Держась за стену, Даша осторожно переступает через осколки. Из коридоров слышен плач. С третьего этажа бегом спускается Жилин, отталкивает ее с дороги так, что она врезается плечом в стену, распахивает дверь и кричит:

— Заводи! Давай, поехали-поехали, не спи!

Даша, потирая плечо, выходит следом: его машина уезжает, разбрызгивая грязь. Она выходит на дорогу, в стороне аэродрома виден пожар. Прихрамывая — что-то колет в колене, — она подходит к Александру Ивановичу: он сидит, закрыв глаза,

All'epoca si era iscritta la metà degli studenti delle ultime classi e anche alcune persone delle classi intermedie: gli scolari venivano portati in autobus nelle case di riposo e nei centri per bambini che accoglievano i rifugiati. Dopo un paio di settimane, l'autobus aveva aspettato i volontari per mezz'ora e se n'era andato mezzo vuoto. Dopo un altro mese rifiutarono di accompagnare solo Daša, così lei si era tracciata il percorso sulla mappa ed era andata in bicicletta. Di mercoledì dipinge con i bambini, e di sabato, quando le lezioni sono solo di mattina, va alla casa di riposo. Il punteggio non viene più assegnato e suoi compagni di classe piantano alberi nei "Giardini della Vittoria".

Figliola, aiutami a mettermi a sedere - chiede a Daša una vecchietta con addosso un fazzoletto bianco con dei papaveri.

Di solito sta distesa sotto la coperta, ha freddo tutto l'anno. Daša la prende sotto le braccia e la tira a sé, la vecchietta profuma di anice, come lo sciroppo per la tosse che davano a Daša da bambina. La vecchietta di nuovo scivola un po' nel letto, Daša le infila un secondo cuscino dietro la schiena e la fa sedere più in alto. Con aria smarrita, abbraccia con lo sguardo la stanza: sei brande con i comodini, in un angolo è appeso un televisore.

Dove sono? – chiede la vecchietta.

Daša sente come un rombo. Si volta verso la finestra e si alza, ma la vecchietta le dice:

Non andare lì.

Il rombo si avvicina, le luci si spengono, Daša si accovaccia, si copre la testa con le mani e un attimo dopo un'onda esplosiva manda in frantumi il vetro. Scolla gli occhi: rombi marroni e appiccicosi di linoleum, che puzzano di urina e candeggina, scorrono via da sotto le rotelle fisse delle brande, sempre più lontano da lei. Sente un gemito di qualcuno proveniente da qualche parte sopra di lei, e si rende conto che è il proprio. Qualcosa scricchiola sotto la sua testa: Daša estrae dai capelli una scheggia insanguinata, la guarda e si ricorda che Aleksandr Ivanovič era rimasto fuori.

La scala era cosparsa di vetro frantumato. Tenendosi alla parete, Daša cammina tra i frammenti con cautela. Dai corridoi si sente un pianto. Žilin scende di corsa dal terzo piano, la spinge facendola sbattere con la spalla contro il muro, apre la porta e urla:

Metti in moto! Forza, andiamo, andiamo, non dormire!

Daša, strofinandosi la spalla, esce subito dopo: la macchina di Žilin parte, schizzando fango. Lei esce

будто заснул. Она берется за ручки его коляски и тянет на себя, но безрезультатно. Тогда Даша наваливается на коляску всем весом и колеса немного поддаются.

— В нас били? — Александр Иванович открывает глаза.

Даша снова наваливается и с криком сквозь зубы выталкивает его, останавливается перевести дух, оглядывается на пожар — над аэродромом поднимается черный дым. Александр Иванович помогает ей довести коляску до подъезда, Валя открывает и придерживает им дверь.

— Внучка, всех надо вниз спустить, но к окнам не подходи, — говорит он.

Кивнув, Даша вдруг чувствует запах дыма и бежит вверх, не обращая внимания на боль в ноге и хрустящее под подошвами кед стекло. Дым валит из дальней палаты на третьем. Потолка больше нет, в бетонном крошеве на полу горит утеплитель и кровля с крыши. Она хватается одеяло и набрасывает его на огонь, но пламя сразу пожирает его, и кажется, только разгорается еще больше. Вспомнив, что видела на кухне огнетушитель, Даша бросается вниз и останавливается у сестринской, заглядывает: Елена Степановна сидит, сжавшись и став будто в два раза меньше, за холодильником. Даша подходит к ней.

— Надо всех вывести. Там горит. Помогите мн... — Даше кажется, что она задыхается. Старшая переводит на нее испуганный взгляд, мотает головой.

— Я за огнетушителем. — Даша чуть не сбивает бабушку с ходунками, но та ее даже не замечает и ковыляет дальше.

Огнетушитель срабатывает не сразу, но, когда наконец начинает идти пена, она заливает утеплитель и кровлю, остаются черные шипящие головешки. Когда подъезжает пожарная машина, огня уже нет, пожарные помогают спуститься старикам и выносят на руках лежачих. Даша садится на бордюр, опускает голову, зажимает ее коленями, глубоко вздыхает, надолго задерживает дыхание — так она успокаивалась в детстве, когда рядом не было мамы. Ей на спину ложится чья-то рука, гладит ее по затылку, от приторного запаха аниса у Даши першит в горле.

— Где мы? — спрашивает бабушка. — Нас уже освободили?

sulla strada, dal lato dell'aerodromo si vede un incendio. Zoppicando (qualcosa le punge il ginocchio) si avvicina ad Aleksandr Ivanovič: è seduto con gli occhi chiusi, come se fosse addormentato. Afferra le maniglie della carrozzina e le tira verso di sé, ma senza successo. Allora Daša si appoggia con tutto il suo peso sulla carrozzina e le ruote cedono un po'.

Ci hanno colpiti? – Aleksandr Ivanovič apre gli occhi.

Daša si appoggia di nuovo e lo spinge fuori con un grido fra i denti, si ferma per riprendere fiato, si guarda indietro verso l'incendio: sopra all'aerodromo si alza un fumo nero. Aleksandr Ivanovič la aiuta a portare la carrozzina fino all'ingresso, Valja apre la porta e la tiene aperta per loro.

Figliola, dobbiamo portare tutti di sotto, ma non ti avvicinare alle finestre – dice lui.

Dopo aver annuito, Daša sente all'improvviso odore di fumo e corre di sopra, senza prestare attenzione al dolore alla gamba e al vetro che scricchiola sotto le suole delle scarpe da ginnastica. Il fumo esce dalla stanza più lontana al terzo piano. Il soffitto non c'è più, l'isolamento e la copertura del tetto bruciano tra le briciole di cemento sul pavimento. Afferra una coperta e la getta sul fuoco, ma le fiamme la divorano e sembrano solo aumentare. Dopo essersi ricordata di aver visto un estintore in cucina, Daša si precipita giù e si ferma nella sala delle infermiere, getta uno sguardo: Elena Stepanovna è seduta dietro al frigorifero, raggomitolata come se fosse grande la metà. Daša si avvicina a lei.

Dobbiamo far uscire tutti. Lì sta andando a fuoco. Mi aiut.. – a Daša sembra di soffocare.

La caposala la guarda spaventata e scuote la testa.

Io vado a prendere l'estintore. – Daša per poco non investe una vecchietta con il deambulatore, ma quella quasi non lo nota e continua ad arrancare.

L'estintore non funziona subito, ma quando finalmente la schiuma comincia ad uscire, cosparge l'isolamento e il tetto lasciando dei tizzoni crepitanti. Quando arriva l'autopompa, il fuoco non c'è già più, i vigili del fuoco aiutano gli anziani a scendere e portano in braccio gli infermi. Daša si siede sul cordolo del marciapiede e abbassa la testa, la stringe tra le ginocchia, fa un respiro profondo, trattiene il fiato a lungo: è così che si calmava da bambina, quando non c'era la mamma nelle vicinanze. La mano di qualcuno si posa sulla sua schiena, le accarezza la nuca, l'odore dolciastro di anice provoca pizzicore alla gola di Daša.

Dove siamo? – chiede la vecchietta – Ci hanno già liberato?

Даша смотрит на нее и видит на небе рваные белые следы, которые уже почти развеяло. На третьем этаже, куда попал снаряд, два почерневших окна. Старшую медсестру под руки выводят из подъезда, ее трясет, она плачет. Одна из бабушек снимает шерстяной платок и накрывает ее плечи. Даша открывает телеграм и читает в канале «Мэлгород»: «В результате прилета пострадал аэродром Борохово, в доме неподалеку выбило окна. Пострадавших нет», — и только тогда начинает плакать.

Daša la guarda e vede nel cielo brandelli di scie bianche, che si sono quasi dissipate. Al terzo piano, dove ha colpito l'ordigno, ci sono due finestre annerite. La caposala viene condotta fuori dall'ingresso sottobraccio, trema, piange. Una delle vecchiette si toglie lo scialle di lana e le copre le spalle. Daša apre Telegram e legge sul canale "Melgorod": "A seguito dell'attacco³ è stato danneggiato l'aerodromo di Borochovo, nell'edificio vicino sono andate distrutte delle finestre. Non ci sono feriti" – e solo allora comincia a piangere.

---

3 Nel testo originale viene utilizzata la parola *prilët* (прилёт), la cui traduzione letterale è "arrivo". La scelta di tradurlo nel testo come "attacco" è stata determinata dal fatto che oggi questa parola viene sempre più utilizzata nel gergo militare in espressioni come *prilët snarjada* (прилёт снаряда, lett. arrivo del proiettile), *prilët rakety* (прилёт ракеты, lett. arrivo del missile) per indicare un qualche tipo di attacco.

Отзыв о рассказе

У Анны Шипиловой, несмотря на относительную молодость, вполне солидная писательская биография. Получив кинематографическое образование, в итоге предпочла литературу. Вошла в число финалистов премии «Лицей», получила премию журнала «Знамя». В настоящее время перспективный автор издательства «Альпина проза», где вышел сборник рассказов, вошедший в шорт-лист премии «Большая книга».

Рассказ «Мы рядом» описывает один день из жизни русской школьницы-волонтера Даши, помогающей беженцам в белгородском приграничье. Множество точных деталей, людские судьбы, по которым прошла война. Скупые строчки в местном телеграм-канале фиксируют очередной удар украинской артиллерии, «пострадавших нет». Их действительно нет, все живы, разве что разбились стекла в «пункте временного размещения», да от осколка возник пожар, который Даше удалось быстро потушить. Люди с Донбасса не паникуют, они с этим жили годами. И готовы оказать посильную помощь, встать рядом. Это самый важный урок для юной Даши. Быть в трудный момент рядом, помогать и защищать. Рядом со своей страной.

Нина Литвинец

Nota critica

Anna Šipilova, nonostante la sua relativa giovinezza, ha una considerevole biografia da scrittrice. Dopo aver ricevuto una formazione cinematografica, alla fine ha preferito la letteratura. È stata una dei finalisti del premio “Licej” e ha vinto il premio della rivista “Znamja”. Attualmente è un’attrice promettente della casa editrice “Al’pina prosa”, la quale ha pubblicato la sua raccolta di racconti, che è stata selezionata nella short list del premio “Bol’šaja Kniga”. Il racconto *Siamo vicini* descrive una giornata della vita della studentessa-volontaria russa Daša, che aiuta i rifugiati nella regione di confine di Belgorod. Una grande quantità di dettagli precisi, destini umani che sono stati segnati dalla guerra. Le poche righe del canale Telegram locale registrano un ennesimo attacco dell’artiglieria ucraina, “non ci sono vittime”. Effettivamente non ci sono, sono tutti vivi, salvo per i vetri che sono andati frantumati nel “centro di accoglienza temporaneo”, e che da un frammento è nato un incendio che Daša è riuscita a spegnere velocemente. La gente del Donbass non si fa prendere dal panico, ha vissuto per anni in questa situazione. E sono pronti ad aiutare nei limiti del possibile, ad essere vicini. Questo è l’insegnamento più importante per la giovane Daša. Essere vicini nei momenti difficili, aiutare e difendere. Al fianco del proprio paese.

Nina Litvinec

Биография

Анна Шпилова родилась в Москве, окончила ВГИК имени С. А. Герасимова. Финалистка премии «Лицей», лауреат премии журнала «Знамя». Ее рассказы выходили в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Искусство кино», «Прочтение» и др., в различных сборниках. Книга рассказов «Скоро Москва» вышла в издательстве «Альпина Проза» (2024).

Biografia

Anna Špilova è nata a Mosca e si è laureata presso l'Università Statale Panrusa di cinematografia S. A. Gerasimov (VGIK). È stata finalista del premio “Licej”, vincitrice del premio della rivista “Znamja”. I suoi racconti sono apparsi sulle riviste “Družba narodov”, “Znamja”, “Iskusstvo kino”, “Pročtenie” ecc. in varie raccolte. Il libro di racconti *Fra poco c'è Mosca* (in russo Скоро Москва) è stato pubblicato dalla casa editrice Al'pina Proza (2024).

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Gaia Alfano	Гайя Альфано
Beatrice Brollo	Беатриче Бролло
Francesca Morselli	Франческа Морселли
Federica Ruggeri	Федерика Руджери
Emanuela Terracciano	Эмануэла Терраччано

Gaia Alfano (1998) subito dopo la maturità classica si è iscritta al corso di laurea triennale in “Lingue e Culture Europee, Euroamericane ed Orientali” all’Università di Catania, dove ha studiato inglese, russo e tedesco. Ha proseguito specializzandosi in “Linguistica e Traduzione” all’Università di Pisa, dove ha avuto la possibilità di studiare per sei mesi presso la MGLU di Mosca. La lettura e le lingue (soprattutto il russo) sono da sempre la sua passione più grande, tant’è che ha deciso di farne un mestiere cominciando a lavorare come traduttrice.

Гайя Альфано (1998) по окончании классического лицея поступила в университет Катании на специальность «европейские, евроамериканские и восточные языки и культуры», изучала английский, русский и немецкий. Продолжила обучение лингвистике и переводу в Пизанском университете, в это же время полгода училась в Москве (МГЛУ). Литература и языки, в особенности русский, всегда были ее главным увлечением, поэтому она решила стать переводчицей.

Beatrice Brollo (1999) ha intrapreso lo studio della lingua e della cultura russa presso il Liceo Linguistico “Eugenio Montale” a San Donà di Piave. Ha proseguito gli studi presso l’Università “Ca’ Foscari” di Venezia, dove ha conseguito la laurea triennale in “Lingue e Letterature Moderne” con una tesi di traduzione dal russo all’italiano, e poi la laurea magistrale in “Slavistica”, con una tesi di ricerca sulle iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla. Ha completato entrambi i percorsi con il massimo dei voti e la lode. Attualmente sta proseguendo l’attività di ricerca e di studio.

Беатриче Бролло (1999) начала изучать русский язык и культуру в Лингвистическом лицее имени Эудженио Монтале в Сан-Дона́-ди-Пьяве. Училась в Венецианском университете «Ка’ Фоскари» по специальности «современные языки и литература», защитила диплом по переводу с русского на итальянский, затем получила степень магистра по специальности «славистика», выбрав темой дипломной работы новгородские берестяные грамоты. С отличием закончила оба курса, в настоящее время занимается научно-исследовательской работой.

Francesca Morselli (1999) ha scoperto la passione per la lingua e la letteratura russa all'università, decidendo così di conseguire una laurea magistrale in “Traduzione Specialistica e Interpretazione di Conferenza” all'Università di Trieste. Al momento, oltre a lavorare come traduttrice specializzata per una grande azienda, porta avanti la sua passione per la traduzione editoriale occupandosi di una raccolta di atti giuridici di E.T.A. Hoffmann.

Франческа Морселли (1999) полюбила русский язык и литературу во время учебы в университете, поэтому решила получить степень магистра по специальности «специализированный письменный и устный перевод» в университете Триеста. В настоящее время, помимо работы в качестве специалиста-переводчика в крупной компании, готовит перевод сборника юридических актов Э.-Т.-А. Гофмана.

Federica Ruggeri (1996) si è laureata con lode in “Mediazione Linguistica” all’Università del Salento, e poi ha svolto gli studi magistrali in “Teoria dell’insegnamento del russo come lingua straniera” presso l’Università Statale Linguistica di Mosca, grazie alla vincita di una borsa di studio. Attualmente è dottoranda in “Linguistica comparata” presso la medesima università moscovita. Il suo lavoro di ricerca è incentrato sulla trasmissione delle emozioni attraverso la lingua e i gesti nei talk show russi e italiani.

Федерика Руджери (1996) с отличием окончила Университет Саленто по специальности «языковое посредничество», а затем, получив стипендию, поступила в Московский государственный лингвистический университет, где изучала теорию преподавания русского как иностранного. В настоящее время учится в аспирантуре МГЛУ по специальности «сравнительное языкознание». Ее исследовательская работа посвящена передаче эмоций с помощью языка и жестов в русских и итальянских ток-шоу.

Emanuela Terracciano (2000) si è laureata con lode in “Lingue e Culture Compare” presso l’Università di Napoli “L’Orientale” e poi in “Lingue e Letterature per la Didattica e la Traduzione” presso l’Università “Roma Tre”, presentando una tesi sul romanzo *Appendix* di A. Petrova, che include una traduzione inedita di un passaggio dell’opera. Ha partecipato come relatrice ai convegni “Visions of Hope and Resilience in Central and Eastern Europe, Central Asia, and the Caucasus” (UCL, Londra, 2024) e “Moskva 1920–2025: byt, ljudi, vešči” (Roma Tre, 2025). I suoi interessi comprendono l’emigrazione russa post-sovietica e la traduzione letteraria.

Эмануэла Терраччано (2000) с отличием окончила курс «сравнительное изучение языков и культур» в Неаполитанском восточном университете и курс «языки и литературы в сфере дидактики и перевода» Университета Рим–3, защитив диплом о романе А. Петровой «Приложение» (в том числе переведя отрывок из него). Выступала на конференциях «Надежда и устойчивое будущее для Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии и Кавказа» (UCL, Лондон, 2024) и «Москва 1920–2025: быт, люди, вещи» (Университет Рим–3, 2025). В сферу ее интересов входят постсоветская эмиграция и художественный перевод.

ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun C'imidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna C`urbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык МариИ Изолы
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык МариИ Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3

Giovani narratori italiani

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли

Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи

Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли

Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой

Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской

Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой

Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алесандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая и Элизабетта Спедиаччи

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenc'ik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Urc'eva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenc'ik

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо

Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы

Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони

Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры

Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик

Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой

Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко

Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6

Giovani narratori italiani

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kulic'ichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbac'ëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyřëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро

Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины

Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларии Сикари

Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Матруццо

Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной

Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой

Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман

Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой

Ноэми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova

Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri

Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри

Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Татьяна Шабеева, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской

Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova

Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova

Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис
Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты
Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья-Тальянти

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9

Giovani narratori italiani

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko

Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja

Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj

Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala

Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

Decima edizione, 2019. Almanacco letterario 10

Giovani narratori italiani

Daniele Dalle Nogare, traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Angelica Damiani, traduzione in russo di Elena Kožina

Riccardo Marin, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Paolo Steffan, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Lorenzo Vargas, traduzione in russo di Margarita Kuz'mic'ëva

Giovani narratori russi

Dmitrij Bosjac'enko, traduzione in italiano di Emanuele Bero

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Andrej Ignat'ev, traduzione in italiano di Pier Brudaglio

Anastasija Terent'eva, traduzione in italiano di Martina Napolitano

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Giovani narratori dell'anno: Paolo Steffan e Galina Uzrjutova

Giovani traduttori dell'anno: Emanuele Bero e Svetlana Malinina

Литературный альманах 10 – 2019 год

Российские финалисты

Дмитрий Босяченко, перевод на русский язык Эмануэле Бери

Булат Ханов, перевод на русский язык Чинции Челоне

Андрей Игнатъев, перевод на русский язык Пьера Брудальо

Анастасия Терентьева, перевод на русский язык Мартины Наполитано

Галина Узрютова, перевод на русский язык Мартины Морабито

Итальянские финалисты

Даниэле Далле Ногаре, перевод на русский язык Станислава Лихоузова

Анджелика Дамиани, перевод на русский язык Елены Кожиной

Риккардо Марин, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Паоло Стеффан, перевод на русский язык Светланы Малининой

Лоренцо Варгас, перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Галина Узрютова и Паоло Стеффан

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Малинина и Эмануэле Бери

Undicesima edizione, 2020. Almanacco letterario 11

Giovani narratori italiani

Pier Franco Brandimarte traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Maria Chiara De Pascali traduzione in russo di Evgenija Litvin

Antonio Francesco Longo traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

Francesco Marangi traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva

Sydney Vicidomini traduzione in russo di Anton Maraev

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Andrea Zoller

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Margarita Katkova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Antonina Malyševa, traduzione in italiano di Tatiana Lutero

Aleksandra Šalašova, traduzione in italiano di Sydney Vicidomini

Giovani narratori dell'anno: Maria Chiara De Pascali e Bulat Chanov

Giovani traduttori dell'anno: Cinzia Celone e Stanislav Lichouzov

Литературный альманах 11 – 2020 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Андреа Цоллера

Булат Ханов, перевод на итальянский язык Чинции Челоне

Маргарита Каткова, перевод на итальянский язык Мартины Морабито

Антонина Малышева, перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро

Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини

Итальянские финалисты

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Станислава Лихоузова

Мария Кьяра Де Паскали, перевод на русский язык Евгении Литвин

Антонио Франческо Лонго, перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой

Франческо Маранджи, перевод на русский язык Владиславы Сычевой

Сидней Вичидомини, перевод на русский язык Антона Мараева

Победители в номинации «Молодой писатель»: Булат Ханов и Мария Кьяра Де Паскали

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Станислав Лихоузов и Чинция Челоне

Dodicesima edizione, 2021. Almanacco letterario 12

Giovani narratori italiani

Giovanni Giamboni traduzione in russo di Evgenija Litvin
Giuseppina Giordano traduzione in russo di Ol'ga Komarova
Giada Guassardo traduzione in russo di Ekaterina Panteleeva
Beatrice Salvioni traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva
Andrea Zancanaro traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Giovani narratori russi

Anna Berezovskaja traduzione in italiano di Federico Borrelli
Evgenija Kazanceva traduzione in italiano di Luca Cortesi
Nadežda Laevskaja traduzione in italiano di Federica Ruggeri
Artemij Leont'ev traduzione in italiano di Giulia Sorrentino
Marija Rybal'c'enko traduzione in italiano di Rebecca Gigli

Giovani narratori dell'anno: Beatrice Salvioni e Artemij Leont'ev

Giovani traduttori dell'anno: Federico Borrelli e Vladislava Syc'ëva

Литературный альманах 12 – 2021 год

Российские финалисты

Анна Березовская, перевод на итальянский язык Федерико Боррелли
Евгения Казанцева, перевод на итальянский язык Луки Кортези
Надежда Лаевская, перевод на итальянский язык Федерики Руджери
Артемий Леонтьев, перевод на итальянский язык Джулии Соррентино
Мария Рыбальченко, перевод на итальянский язык Ребекки Джильи

Итальянские финалисты

Джованни Джамбони, перевод на русский язык Евгении Литвин
Джузеппина Джордано, перевод на русский язык Ольги Комаровой
Джада Гуассардо, перевод на русский язык Екатерины Пантелеевой
Беатриче Сальвиони, перевод на русский язык Владиславы Сычевой
Андреа Дзанканаро, перевод на русский язык Светланы Смалевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Артемий Леонтьев и Беатриче Сальвиони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Владислава Сычева и Федерико Боррелли

Tredicesima edizione, 2022. Almanacco letterario 13

Giovani narratori italiani

Gaia Barroi traduzione in russo di Marija Ljapunova

Rachele Faggiani traduzione in russo di Anton Maraev

Noemi Eva Maria Filoni traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Milton Larcher traduzione in russo di Nikoleta Pistol

Valentino Sarracino traduzione in russo di Tat'jana Ulanova

Giovani narratori russi

Ljubava Gornickaja traduzione in italiano di Luca Cortesi

Anna Lužbina traduzione in italiano di Maria Chiara Truttero

Aleksandra Makarova traduzione in italiano di Romano Marra

Ekaterina Odincova traduzione in italiano di Armando Spigno

Ekaterina Štejnberg traduzione in italiano di Benedetta Lazzaro

Giovani narratori dell'anno: Gaia Barroi e Ljubava Gornickaja

Giovani traduttori dell'anno: Luca Cortesi e Marija Ljapunova

Литературный альманах 13 – 2022 год

Российские финалисты

Любава Горницкая, перевод на итальянский язык Луки Кортези

Анна Лужбина, перевод на итальянский язык Марии Кьяры Труттеро

Александра Макарова, перевод на итальянский язык Романо Марры

Екатерина Одинцова, перевод на итальянский язык Армандо Спиньо

Екатерина Штейнберг, перевод на итальянский язык Бенедетты Ладзаро

Итальянские финалисты

Гайя Баррои, перевод на русский язык Марии Ляпуновой

Ракеле Фаджани, перевод на русский язык Антона Мараева

Ноэми Ева Мария Филони, перевод на русский язык Светланы Смалевой

Милтон Ларкер, перевод на русский язык Николеты Пистол

Валентино Саррачино, перевод на русский язык Татьяны Улановой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Любава Горницкая и Гайя Баррои

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Ляпунова и Лука Кортези

Quattordicesima edizione, 2023. Almanacco letterario 14

Giovani narratori italiani

Tommaso Cavani traduzione in russo di Darija Prochodskaja

Emilia De Rango traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

Giovanni Di Paola traduzione in russo di Ekaterina Micheeva

Veronica Dolcini traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Luigi Remo Parente traduzione in russo di Anna Perova

Giovani narratori russi

Evgenij Bodrjaev traduzione in italiano di Laura Gelfi

Ruslan Vorob'ëv traduzione in italiano di Eleonora Mancinelli

Aleksej Kolesnikov traduzione in italiano di Chiara Boarina

Ul'jana Frolova traduzione in italiano di Elisabetta Basile

Aleksandra Šalašova traduzione in italiano di Sara Ceruso

Giovani narratori dell'anno: Emilia De Rango e Aleksej Kolesnikov

Giovani traduttori dell'anno: Eleonora Mancinelli e Svetlana Smaleva

Литературный альманах 14 – 2023 год

Российские финалисты

Евгений Бодряев, перевод на итальянский язык Лауры Джельфи
Руслан Воробьев, перевод на итальянский язык Элеоноры Манчинелли
Алексей Колесников, перевод на итальянский язык Кьяры Боарины
Ульяна Фролова, перевод на итальянский язык Элизабетты Базиле
Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сары Черузо

Итальянские финалисты

Томмазо Кавани, перевод на русский язык Дарии Проходской
Эмилия Де Ранго, перевод на русский язык Екатерины Лобковой
Джованни Ди Паола, перевод на русский язык Екатерины Михеевой
Вероника Дольчини, перевод на русский язык Светланы Смалевой
Луиджи Ремо Паренте, перевод на русский язык Анны Перовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Алексей Колесников и Эмилия Де Ранго
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Смалева и Элеонора Манчинелли

Quattordicesima edizione, 2024. Almanacco letterario 15

Giovani narratori italiani

Elisa Agostinelli traduzione in russo di Ol'ga Baljaeva

Matilda Balboni traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

Antonia Cofano traduzione in russo di Marija Cvetkova

Arianna Lombardo traduzione in russo di Marija Trofimova

Gian Michele Sella traduzione in russo di Aleksej Ignatov

Giovani narratori russi

Dar'ja Andreeva traduzione in italiano di Eleonora Bianchi

Margo Gritt traduzione in italiano di Martina Fattore

Evgenija Zobnina traduzione in italiano di Sara Vaccarini

Evfrosinija Kapustina traduzione in italiano di Sara Ceruso

Ivetta Melikjan traduzione in italiano di Giovanni Polizzi

Giovani narratori dell'anno: Matilda Balboni e Margo Gritt

Giovani traduttori dell'anno: Giovanni Polizzi e Ekaterina Lobkova

Литературный альманах 15 – 2024 год

Российские финалисты

Дарья Андреева, перевод на итальянский язык Элеоноры Бьянки
Марго Гритт, перевод на итальянский язык Мартины Фатторе
Евгения Зобнина, перевод на итальянский язык Сары Ваккарини
Евфросиния Капустина, перевод на итальянский язык Сары Черузо
Иветта Меликян, перевод на итальянский язык Джованни Полицци

Итальянские финалисты

Элиза Агостинелли, перевод на русский язык Ольги Баляевой
Матильда Бальбони, перевод на русский язык Екатерины Лобковой
Антония Кофано, перевод на русский язык Марии Цветковой
Арианна Ломбардо, перевод на русский язык Марии Трофимовой
Джан Микеле Селла, перевод на русский язык Алексея Игнатова

Победители в номинации «Молодой писатель»: Марго Гритт и Матильда Бальбони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Екатерина Лобкова и Джованни Полицци

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia

- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

- 9 ALMANACCO LETTERARIO 16

- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

- 13 Aleksej Nikolaevič Varlamov
 Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij

- 14 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

- 16 Giuria italiana

- 20 Giuria russa

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А. М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 16
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Алексей Николаевич Варламов
Ректор Литературного института имени А. М. Горького
- 15 «Радуга»
Российско-итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 16 Итальянское жюри
- 20 Российское жюри

- 23 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 26 Carlotta Casadio *Le colline che non hai mai visto*
Traduzione in russo di Marija Titievskaja
- 40 Antonio Francesco Longo *Dove roccia non è*
Traduzione in russo di Ol'ga Baljaeva
- 52 Lorenza Maffei *Pece*
Traduzione in russo di Anna Markova
- 64 Pier Lorenzo Pisano *Ottovolante*
Traduzione in russo di Anna Perova
- 76 Matteo Alberto Sabatino *Cosa succederà*
Traduzione in russo di Malika Gil'manova
- 93 Giovani traduttori russi

- 23 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 27 Карлотта Казадио *Холмы, которых ты никогда не видел*
Перевод на русский язык Марии Титиевской
- 41 Антонио Франческо Лонго *Пустота под ногами*
Перевод на русский язык Ольги Баляевой
- 53 Лоренца Маффеи *Смоль*
Перевод на русский язык Анны Марковой
- 65 Пьер Лоренцо Пизано *Аттракцион жизни*
Перевод на русский язык Анны Перовой
- 77 Маттео Альберто Сабатино *Что случится*
Перевод на русский язык Малики Гильмановой
- 93 Молодые российские переводчики

- 99 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 103 Aleksej Artem'ev *Un tantino tardi*
Traduzione in italiano di Emanuela Terracciano
- 117 Ekaterina Kabanova *Nascondino*
Traduzione in italiano di Francesca Morselli
- 131 Nastas'ja Ren'žina *Un amore cieco*
Traduzione in italiano di Gaia Alfano
- 145 Ekaterina Topnikova *La fredda estate del duemilaventuno*
Traduzione in italiano di Federica Ruggeri
- 157 Anna Šipilova *Siamo vicini*
Traduzione in italiano di Beatrice Brollo
- 171 Giovani traduttori italiani
- 178 Albo d'oro del Premio Raduga

- 99 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 102 Алексей Артемьев *Поздновато*
Перевод на итальянский язык Эмануэлы Терраччано
- 116 Екатерина Кабанова *Прятки*
Перевод на итальянский язык Франчески Морселли
- 130 Настасья Реньжина *Слепая любовь*
Перевод на итальянский язык Гайи Альфано
- 144 Екатерина Топникова *Холодное лето двадцать первого*
Перевод на итальянский язык Федерики Руджери
- 156 Анна Шипилова *Мы рядом*
Перевод на итальянский язык Беатриче Бролло
- 171 Молодые итальянские переводчики
- 179 Победители и финалисты Премии «Радуга»

**Almanacco letterario 16
Conoscere Eurasia Edizioni**

è stato stampato nel mese di agosto 2025
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (Verona), Italia
Direttore editoriale e letterario
Maria Pia Pagani
Curatore della parte russa
A. V. Jampol'skaja

**Литературный альманах – Выпуск 16
Издательство «Познаём Евразию»**

напечатано в августе 2025 года
Унидея, виа Казетте, 31
37024 Санта-Мария-ди-Неграр (Верона), Италия
Главный редактор
Мария Пиа Пагани
Редактор русской части
А. В. Ямпольская

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

Associazione
conoscere
Eurasia

*Литературный институт
им. А.М.Горького*

con il sostegno di

ГАЗПРОМБАНК